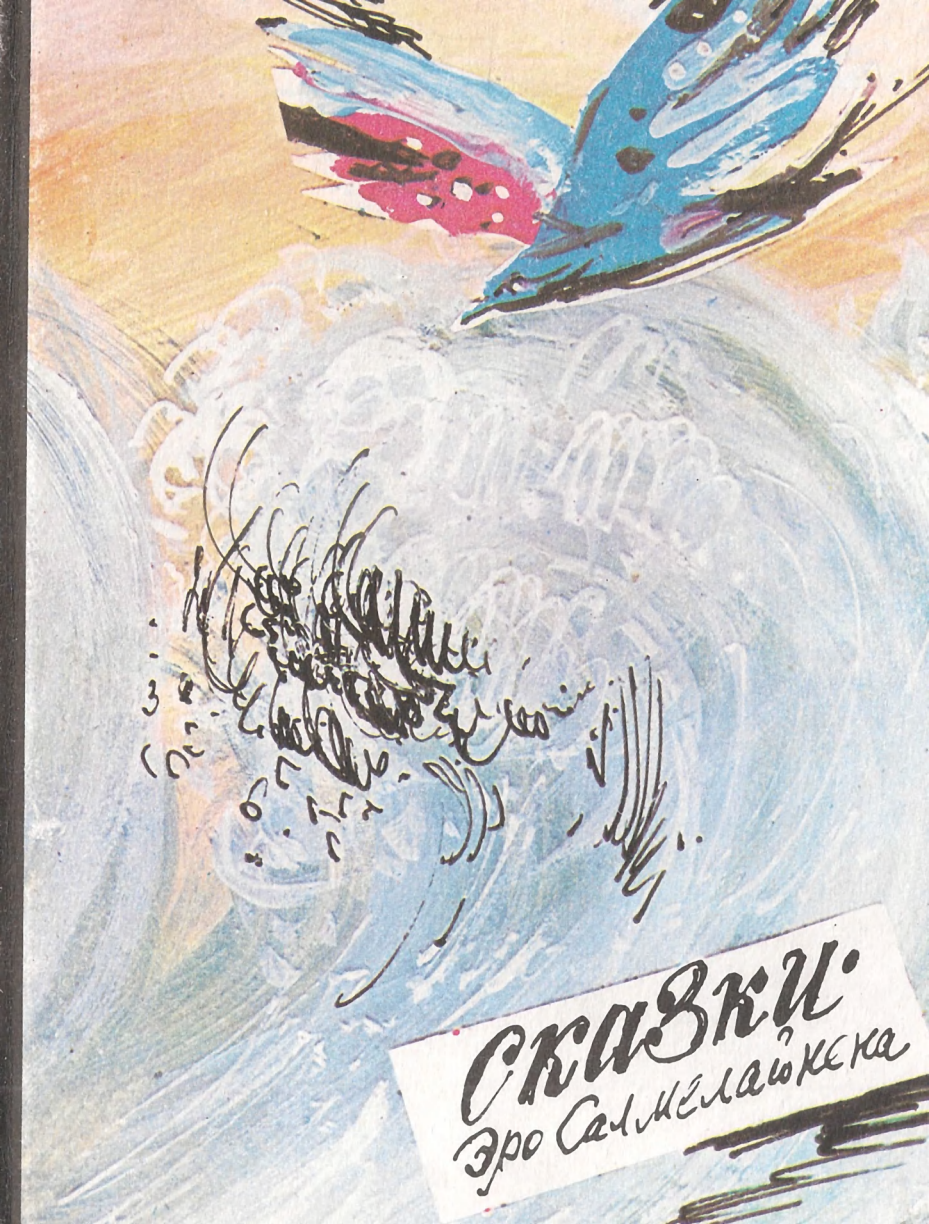
Сказки
Эро Сальмелайнена

Перевод
с финского
Арви Пертту

Москва
«Современник»
1991

ББК 82.3 Карел
С42

Составитель У. С. КОНККА

Сказки Эро Салмелайнена: Сб. карел. и фин.
С42 сказок /Сост. и авт. предисл. У. Конкка; Пер. с фин.
А. Пертту.— М.: Современник, 1991—319 с.
ISBN 5—270—00595—6

В сборнике представлены лучшие образцы устного народного творчества карелов и финнов, записанные и опубликованные (на финском языке) в середине XIX в. студентом Гельсингфорсского университета, членом Финского литературного общества Эро Салмелайненом (1830—1867). Волшебные и бытовые сказки, рассказанные «детьми природы», живущими среди лесов, на берегах больших и малых озер Карелии, в яркой, самобытной образно-метафорической форме отражают поэтический взгляд на мир, мечты о социальном равенстве, о счастливой доле.

С $\frac{4702290000—082}{М\ 106(03)—91}$ 191—89 ББК 82.3 Карел

ISBN 5—270—00595—6

© Издательство «Современник», 1991

В МИРЕ СКАЗКИ

Сказка... Как многогранно это короткое слово, сколько ассоциаций вызывает оно в нашем воображении: ощущаем ли мы нечто прекрасное или фантастическое, вовсе несбыточное, невероятное и даже сомнительное, мы восклицаем — сказка! Да, такова сказка — этот чудесный вымысел о реальных человеческих конфликтах и вечной борьбе добра и зла. Зародившись на заре человечества, она донесла до нас детскую бескомпромиссность, неистребимую веру в победу добра. Не потому ли дети, едва начиная понимать связную речь, так тянутся к сказке? Наблюдая их реакцию на действия сказочных героев, невольно задаешься вопросом: не заложено ли чувство прекрасного, нравственное чувство справедливости в человеке уже от рождения?

Идея добра, составляющая сущность сказки, воплощена в ярких образах. Герой сказки активен, отзывчив, по первому зову он готов броситься на выручку беззащитных, не страшась опасностей, грозящих его собственной жизни. Он может казаться окружающим дураком, иметь неприглядный вид (Золушка, Запечник), но это только маска, которая может обмануть лишь глупых или злых персонажей сказки, но не слушателей. Слушатели знают, они ждут, когда герой сбросит маску и предстанет перед ними в облике прекрасного идеального человека, действующего по тем заповедям, которые человечество вырабатывало в течение тысячелетий.

К сказочным сюжетам и мотивам прибегали писатели древности, в эпоху средневековья сказка служила материалом для церковных поучений, а в последующие века она стала занимать все более прочное место в литературе, правда подвергаясь существенной переработке, согласно идейным и эстетическим установкам той или иной эпохи. Однако сама

по себе народная сказка как произведение повествовательного жанра стала предметом собирания, издания и изучения не так уж давно — начиная с прошлого века. Первым фольклорным сборником был сборник немецких народных сказок братьев Гримм, который вышел в двух томах в 1812—1814 годах. После этого будто поток народных сказок прорвал преграду социальных, эстетических и прочих предрассудков, и сборники сказок стали один за другим появляться в разных странах Европы. В этой связи нельзя не назвать один из самых полных в смысле охвата национального сказочного репертуара (около 600 текстов) сборник «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, который вышел отдельными выпусками в 1855—1863 годах. Почти в это же время (1852—1866) вышли в Финляндии «Сказки и предания финского народа» под редакцией Эро Салмелайнена.

Имя Эро Салмелайнена (1830—1867) в истории финской культуры неразрывно связано с борьбой за утверждение родного языка, языка трудового народа. Он стал студентом Гельсингфорсского университета всего за год до того, как Финское литературное общество поручило ему издание народных сказок. Ему было тогда двадцать лет. До этого общество предлагало нескольким известным собирателям, в том числе и Элиасу Лённроту, подготовить сказки к печати, но разные обстоятельства помешали им взяться за дело.

Летом 1850 года Салмелайнен вместе с другим студентом отправился на средства общества в экспедицию за сказками, длившуюся более двух месяцев. Собрание сказок, привезенных молодыми энтузиастами из Центральной Финляндии, удостоилось в Литературном обществе высшей похвалы, что было зафиксировано в протоколе, в котором было также коротко записано: *«По рекомендации Общества студент Рудбек*[1] *обязался подготовить к печати собранные до сих пор сказки»*. Такое доверие молодому студенту было оказано не случайно. Салмелайнен усердно занимался литературным трудом и успел показать себя одним из лучших стилистов в области родного языка.

---

[1] В официальных документах Эро Салмелайнен числился как Эрик Рудбек. В результате многовекового шведского владычества финны носили шведские фамилии. Замена их финскими началась с середины XIX в.

Финский литературный язык в ту пору только формировался. Старый книжный язык, существовавший с середины XVI века, в своей закостенелости уже не мог удовлетворять требованиям нового времени. На первых порах борьба за независимость страны была борьбой за национальный язык. Освободившись от политического и экономического гнета Швеции, Финляндии еще предстояло сбросить оковы шведского языка, который даже в середине XIX века безраздельно господствовал как в сейме и университетских аудиториях, так и в канцеляриях всех ступеней, до самой глубокой провинции. Преподавание в школах велось на шведском, книги и газеты печатались на шведском, и большинство культурных людей страны — врачи, юристы, университетские профессора, представители духовенства — не допускали и мысли, что когда-нибудь финский — этот язык простолюдинов — сможет стать средством общения во всех областях цивилизованного общества. Но были люди, которые думали иначе. Они увлекли за собой учащуюся молодежь, доказывая возможность и необходимость создания общенационального языка. Залог успеха они видели в «Калевале» и «Кантелетар». Царские власти сперва благосклонно относились к возрастающим феннофильским настроениям в стране Суоми, так как это, по их расчетам, отдаляло финнов от Швеции. Но прокатившиеся по Европе революционные события 1848 года так напугали царя и его правительство, что по всей России начались гонения на малейшие намеки свободомыслия; наступила эпоха «цензурного террора». Особенно болезненно ужесточение цензуры сказалось на общественной жизни Финляндии. По указу 1850 года на финском языке разрешалось издавать только такие произведения, которые *«преследуют своим духом и формою религиозное назидание и экономическую пользу; напротив, категорически запрещается обнародование на финском языке политических новостей и преступлений, совершенных за границей* (имелись в виду революционные события.— *У. К.*), *а также издание романов, оригинальных и переводных; отсюда не исключаются и романы, уже дозволенные цензурой на других языках»*[1]. К счастью, фольклорные тексты не попали в категорию запрещенной литературы.

Салмелайнен взялся за работу с горячностью молодости. Несмотря

---

[1] Гордлевский В. А. Избр. соч. М., 1986. Т. 4. С. 309.

на то что ему надо было не только учиться, но еще и зарабатывать себе на жизнь в качестве домашнего учителя, он уже в 1852 году выпустил в свет первую часть сборника, вторая вышла в 1854 году. Кроме того, он писал рассказы для детей и юношества, его книга для чтения «Беседы ласточки» долго служила пособием для обучения детей родному языку. Слава его как одного из лучших знатоков финского языка росла. В 1855 году именно Салмелайнену доверили произнести публичную речь на финском языке, впервые в стенах Гельсингфорсского университета.

Но в 1857 году произошло в жизни Салмелайнена событие, которое обернулось для него трагедией и надломило его. Он подготовил диссертацию по финским народным сказкам, от защиты которой друзья диссертанта и все поборники финского языка ожидали многого. Но на защите диссертацию квалифицировали как плагиат. Дело в том, что в те времена довольно свободно обращались с чужими текстами, не всегда закавычивая их, хотя и ссылались на авторов. Этому обычаю следовал в теоретической части своего исследования и Салмелайнен. И хотя Лённрот и некоторые видные ученые защищали незадачливого диссертанта, большинством голосов диссертацию отклонили. Салмелайнен был так подавлен провалом, что отказался от научного поприща и переехал из Хельсинки в провинциальный городок Куопио, где занимался переводами и сотрудничал в местной газете. Однако он остался верен своей любви к родному языку. Он безвозмездно преподавал финский язык в местной школе для девочек и продолжал составление следующих выпусков сказок, которые увидели свет в 1863 и 1866 годах.

Эро Салмелайнен умер в 1867 году в возрасте 37 лет. Он как будто рожден был для того, чтобы выполнить одну из исторических задач, стоявших перед финским народом в пору интенсивной борьбы за создание национальной культуры.

Довольно скоро на сказки Салмелайнена обратили внимание русские любители народной поэзии, в частности такая замечательная личность, как Иван Александрович Худяков, революционный демократ, умерший 34 лет от роду в сибирской ссылке, но успевший опубликовать сборник «Великорусских сказок» и ряд других фольклорных сборников, составить в ссылке уникальный «Верхоянский сборник» — первые публикации якутского фольклора на русском языке. Худяков стремился ознакомить чита-

телей с устно-поэтическим творчеством народов, населяющих Россию. С этой целью он издал в 1863 году книгу «Материалы для изучения народной словесности», в которой имеется раздел «Образцы финских сказок». В нем опубликовано 15 сказок из первых выпусков сборника Салмелайнена в переводе на русский язык (переводы были сделаны студентами-финнами, обучавшимися в Московском университете).

Хотя сборник, составленный Салмелайненом, и называется «Сказки и предания финского народа», собственно преданий в нем нет; слово «предание» здесь употреблено как синоним сказки, поскольку научные термины в то время еще не определились.

В первый выпуск вошли исключительно волшебные сказки, всего 26 широко распространенных и наиболее любимых в народе сказочных повествований. Такой выбор не случаен. Монументальные эпические устно-поэтические произведения были наиболее почитаемы поборниками национальной культуры. Со времени выхода в свет полного издания «Калевалы» прошло всего три года, и это не могло не оказать влияния на вкусы читателей.

Во втором выпуске также преобладают волшебные сказки: из 23 текстов только три относятся к бытовым. Третий выпуск состоит целиком из сказок о животных. Он открывается циклом «Приключения Медведя, Волка и Ли́са», состоящим из популярных в Финляндии и Карелии международных сюжетов о животных. В данном случае больше, чем в волшебных сказках, ощущается рука литератора Салмелайнена: не только в манере пересказа, но и в компоновании сюжетов, которые в народе обычно рассказываются как отдельные произведения или же объединяются в небольшие (два-три сюжета) композиции. Кроме этого цикла, в третьем выпуске опубликован ряд финских, карельских и эстонских сказок о животных.

Четвертый выпуск в жанровом отношении не является таким однородным, как первые три. Наряду с волшебными сказками сюда вошли народные легенды христианского происхождения, бытовые сказки и анекдоты о глупом черте.

Во всех полных переизданиях сказок Салмелайнена сохранен первоначальный порядок, как, впрочем, и в переизданиях сказок братьев Гримм, и нет надобности менять этот порядок, тем более что такие

сборники являются памятниками литературы и культуры. Но поскольку в данном издании представлены лишь избранные тексты, главным образом из двух первых выпусков, несколько волшебных и бытовых сказок из четвертого выпуска помещено перед сказками о животных, которые завершают сборник.

Читателю нетрудно обнаружить, что в сборнике Эро Салмелайнена отсутствуют сатирические сказки, выражающие отношение крестьянства к господствующим сословиям, в особенности к духовенству. Но эти сказки — большая редкость вообще в сборниках XIX века. Во-первых, их нельзя было издавать из-за цензуры. Так, например, А. Н. Афанасьеву пришлось издать антиклерикальные и антибарские сказки под названием «Заветные сказки», анонимно, без указания года выхода, в Женеве в 60-е годы. Во-вторых, многие собиратели не записывали сатирические сказки из-за их политической заостренности, находя их, кроме того, грубыми или фривольными.

Сказки Салмелайнена не являются литературными сказками. Это народные сказки, бережно и осторожно отредактированные составителем. Он стремился к принятой в то время в Европе научности издания: указывал в примечаниях на сходные сюжеты в репертуаре других народов, сказки которых к тому времени были уже изданы. Он отмечал также место записи, правда, чаще только область или провинцию — например: *«из русской Карелии», «из финской Карелии», «из Хяме»* и т. д., в редких случаях называя деревню, где была записана сказка. Можно думать, что Салмелайнен фиксировал место записи настолько точно, насколько позволяли записи, сделанные разными собирателями. Подробные данные о сказочнике, его имя, возраст, род занятий, место жительства собиратели в те времена еще отмечали крайне редко.

Судя по названию сборника, его содержание должно бы составлять финские сказки. Но фактически большинство текстов, вошедших в сборник, записано в Карелии. Почему же тогда сказки финского народа? Дело в том, что в XIX веке карелы не считались самостоятельной народностью. Как финские, так и русские исследователи того времени причисляли карел к «финскому племени» по причине близости языков, многих черт традиционной культуры и фольклора, о чем свидетельствуют, в частности, «Калевала» и «Кантелетар». Особенно много карельских

сказок в первых двух выпусках: в первом из 26 волшебных сказок от карел, восточных и западных, записано 22 текста; во втором выпуске карельских сказок 17, финских 7. Это объясняется тем, что в Карелии, как в русской, так и финляндской, волшебная сказка в то время жила еще полнокровной жизнью, в то время как в Финляндии традиция сказывания сказок начала уже угасать. Кроме того, на территории Карелии финские собиратели XIX века записывали фольклор более интенсивно, чем в Финляндии. Причина такого положения заключается в огромном авторитете Лённрота, который обнаружил лучшие эпические песни в русской Карелии, а лучшие лирические песни — в финской Карелии. Поэтому молодые собиратели в первую очередь устремлялись в Карелию и не обманулись в своих ожиданиях — Карелия была богата всеми жанрами фольклора, в том числе и сказками.

Как уже отмечалось, Салмелайнен отнесся к текстам сказок очень бережно. В XIX веке фольклорные тексты даже для научных изданий подвергались известной обработке, хотя многие уже понимали значение аутентичности устно-поэтических произведений. Так, например, И. А. Худяков подчеркивал, что *«текст сказок должен быть неприкосновенным наравне с текстом священного писания»*[1]. Как показало исследование Пиркко-Лийсы Раусмаа, сличившей рукописные записи сказок с текстами Салмелайнена, литературная обработка их оказалась меньшей, чем считалось раньше фольклористами. Салмелайнен унифицировал язык сказок в фонетическом и морфологическом отношении, то есть сказки, рассказанные на разных диалектах, он пересказал на понятном для большинства языке, но при этом, что необходимо подчеркнуть, не касался лексики. Значение областных лексем составитель пояснял в примечаниях. В некоторых случаях Салмелайнен устранял нелогичности композиции и не принятые в печати слова, а также особо грубые эпизоды, заменив их аналогичными по функции эпизодами из других вариантов сказки. Он выработал единый повествовательный стиль, весьма близкий стилю устного сказа карельских сказителей, отличающегося обстоятельностью, неторопливостью, сложным синтаксисом, что придает рассказу особую прелесть и погружает слушателя в волны размеренного и плавного течения событий.

---

[1] Худяков И. А. Опыт автобиографии. Женева, 1882. С. 51.

Современники высоко оценили сборник сказок Салмелайнена. Его язык — сочный, выразительный язык народных сказок — считался высшим достижением в области финской прозы того времени. Но его значение было глубже — сказки Салмелайнена, подобно «Калевале» Лённрота, указывали, в каком направлении следует искать решения проблемы финского литературного языка. Не в расколе между западными и восточными диалектами, за что ратовали некоторые, а в единении, во имя чего всю жизнь трудился Лённрот, следовало стремиться к созданию единого языка, в котором богатство восточнофинских и карельских диалектов стало бы обновляющим и оживляющим фактором. Дальнейшее развитие финского литературного языка пошло именно по этому пути, по пути постоянного обогащения неисчерпаемыми сокровищами живого народного языка.

* * *

Сказка— самый интернациональный из всех жанров фольклора. Одни и те же сюжеты, одинаковые мотивы можно встретить в сказках народов, живущих в разных частях света и никогда не имевших прямых экономических и культурных связей. Сказки народов, живущих по соседству, и особенно при близких природных и социально-экономических условиях, во многом бывают схожи, но в то же время каждая сказка неповторима. Это вызвано тем, что в рамках одного и того же сюжета сталкиваются традиция и индивидуальное творчество сказителя, а национальная традиция вступает во взаимодействие с традицией соседнего народа, и, наконец, изменение социальных условий жизни народа подвергает сказку подчас коренной трансформации.

Карельская сказка чем-то похожа на русскую, на что обратил внимание уже в первой половине XIX века финский языковед и этнограф М. А. Кастрен. Это сходство прежде всего приметил и И. А. Худяков: *«Поразительное сходство финских сказок с русскими, дающее повод думать, что они, может быть, перешли к финнам от нас, и побуждает нас обратить на них внимание наших исследователей»*[1]. Так можно было писать на заре сказковедения. Теперь ни один фольклорист не

[1] Худяков И. А. Материалы для изучения народной словесности. СПб., 1836. С. 50.

рискнул бы высказываться так прямолинейно, потому что вопрос о сходстве сказок разных народов — проблема чрезвычайно сложная, и мы не будем здесь в нее углубляться. Заметим только, что сходство всегда в первую очередь бросается в глаза и его легче определить, чем различия, самобытность сказки.

Наиболее характерные для карельского репертуара сюжеты — это сказки о невинных страдалицах типа «Золушки», «Безручки», «Подмененной невесты», «Чудесных детей» (сюжет пушкинской «Сказки о царе Салтане») и подобные им. Эти международные сюжеты карелы «обработали» по-своему, согласно своим условиям и укладу жизни, нравственному чувству сострадания и жалости. Карельские сказки прелестны своей наивностью и непосредственностью — они рассказаны «детьми природы», живущими среди лесов на берегах больших и малых озер. Даже в сказках, записанных в XX веке, почти полностью отсутствуют реалии городского быта. Царь в них живет в крестьянской избе и отличается от крестьянина лишь тем, что не нищенствует; царский сын ходит на деревенские «бесёды» вместе со своими работниками и т. д. В этом проявляется сила традиции.

В карельской сказке привлекают внимание два женских образа, которые встречаются в разных сюжетах. Один из них — Сюоятар, неизменно представляющая зло, другой — старушка-вдова, мудрая советчица героя, полная противоположность Сюоятар. Имя это происходит от слова syöjä — едящий (-ая), то есть людоедка, хотя непосредственно в роли людоедки Сюоятар не выступает. Она, как злой рок, всегда стремится разрушить счастье семьи: подменяет собою мать героини и становится злой мачехой; прикидывается повитухой и похищает чудесных сыновей у роженицы; губит девушку, невесту царевича, и занимает ее место... То, что Сюоятар обладает сверхъестественной способностью превращать людей в иное состояние и принимать облик идеальных женщин, не является просто сказочным вымыслом. Корни этого образа глубоко уходят в первобытное мышление. Уже в древней мифологии карел и финнов Сюоятар представляла злое начало, она неизменно причиняет вред человеку, от нее рождается змея, иногда она изображена драконом, выходящим из моря (в сказке «Ольховая Чурка» она — мать змеев, убитых героем и его товарищами). Сцена расправы над Сюоятар в сказках как бы предупреждает:

окончательно от зла не избавиться, оно многолико и обладает способностью видоизменяться. Проваливаясь в яму с горящей смолой, Сюоятар успевает выкрикнуть заклинание: «Пусть обернутся мои глаза гадюками, волосы — воронами, а пальцы — пиявками, чтобы людям досаждать, труды людские пожирать!»

Старушка-вдова в сказках не обладает волшебной силой, это глубоко человечный образ. Она — мудрая, всезнающая женщина, к которой герой обращается за советом в самый критический момент. Она одна знает тайну, которая приводит действие к быстрой развязке. Без помощи этой мудрой женщины герой не смог бы наказать зло и восстановить справедливость.

Несомненно, карельские сказки ближе к русским, чем финские. Это и естественно. Карельская народность сформировалась в атмосфере новгородского влияния, финны же испытывали влияние шведской культуры, и не только шведской — известны давние связи Финляндии с государствами континентальной Европы. Отличие чисто внешнее между финской и карельской сказкой заключается в различных названиях «сановных» героев: в финских сказках это короли и королевы, принцы и принцессы (чаще все же просто королевские сыновья и дочери), а в карельских — царь, царева жена, царев сын, царева дочь. Салмелайнен, в целях стилистического единообразия, заменил царей королями, по традиции финской сказки и литературного языка. Финские сказки обнаруживают больше осведомленности в особенностях городского быта, что объясняется вековыми связями финских крестьян с торговыми городами страны. В разработке одних и тех же сюжетов финская традиция часто придерживается западно-европейской версии, а карельская — русской.

Но в сказках карел и финнов имеется и много общего. Общность их происхождения сказывается, например, в том, что сказки о животных — этот наиболее древний пласт сказочного эпоса — у них общие. Общими являются и многие своеобразные мотивы волшебных сказок. Карельские сказки не являются однородными, они отличаются в деталях в зависимости от того, в какой области Карелии были записаны. Историческая судьба карельского народа сложилась так, что в многовековой борьбе между Россией и Швецией его подчиняла своей власти то одна, то другая из воюющих сторон, и в конце концов Карелия была разделена на две части. Западные карелы, попавшие под длительное господство шведов,

были насильственно обращены в католичество, позднее замененное лютеранством, и в конечном счете оказались в экономическом и культурном отношении связанными с финским народом. Это не могло не наложить отпечаток на их фольклор. Среди финских фольклористов и этнографов существует мнение, что Карелия была своего рода мостом между востоком и западом: она осваивала русскую народную культуру и передавала ее финнам, в то же время воспринимая подходящие для своих условий жизни черты финской культуры. Это взаимовлияние особенно заметно в области традиционной материальной культуры и фольклора.

Но несмотря на внешние воздействия, даже на коренные социально-исторические изменения в жизни народа, волшебная сказка в своей идейной сути не поддается трансформации, как более поздняя разновидность сказки — бытовая и сатирическая. Волшебная сказка, зародившись в эпоху разложения родового строя, донесла до нас неизменным свое основное содержание через тысячелетия и разные общественные формации. Такая устойчивость объясняется тем, что сказка с ее идеей равенства и верой в справедливость всегда отвечала чаяниям трудового народа, хранителя сказки. В народе сказка всегда воспринималась как вымысел, и никто не верил, что события, рассказанные в ней, происходили на самом деле (этим сказка отличается от эпоса, исторической песни и предания), но в то же время традиция ревностно охраняет сказку от неоправданных новшеств. Они, если даже вводятся кем-то, далеко не всегда закрепляются.

Те, кто наблюдал восприятие сказки детьми, хорошо знает, как зорко следят они за каждым словом. Если рассказчик хоть чуточку отступит от привычного хода повествования или что-то пропустит, пусть мелкую деталь, маленькие слушатели тут же его поправят. В узнавании и повторении прекрасного заключается эстетическое наслаждение.

Но в то же время сказки не заучиваются слово в слово. Это из песни, как говорят, слова не выкинешь, хотя и песенные тексты подвергаются изменениям. Сказку каждый расскажет по-своему, своими словами, с большей или меньшей точностью по отношению к услышанному. Талантливый рассказчик придаст повествованию свои индивидуальные штрихи и нюансы, менее одаренный постарается по возможности точно передать фабулу. Возникает множество вариантов одного и того же устного произведения.

Вариантность — форма существования фольклора. В народной поэзии нет «канонических» текстов. В вариантах проявляется художественная одаренность народа. Это понимал и Салмелайнен. Многие сюжеты волшебных сказок он дает в двух-трех вариантах, иногда ограничиваясь кратким пересказом. Но в данной публикации избранных текстов из вариантов выбран один, наиболее характерный для карельской и финской традиции, а также в художественном отношении более интересный. В нашем сборнике приводятся иногда не варианты, а различные версии некоторых сказочных сюжетов. Так, например, сказка типа «Золушка» известна в Карелии в двух версиях: наиболее распространена версия «Мачеха — падчерица», в которой в роли мачехи выступает колдунья Сюоятар (в данном сборнике сказка «Чудесная береза»), и версия «Младшая сестра», которая больше характерна для финской традиции (здесь — под названием «Три сестры»). То же можно сказать о сказке типа «Чудесная невеста»: версия «Царевна-лягушка» бытует у восточных карел, а версия «Невеста-мышь» — у западных карел и финнов.

Для сказки характерна также повторяемость отдельных повествовательных единиц сюжета, или мотивов, как их называют в сказковедении. Так, например, в разных сюжетах карельских сказок, где встречается Сюоятар, расправа над ней происходит одинаково — ее сталкивают в яму с горящей смолой (реже — привязывают к хвосту лошади). Одинаково описывается в разных сказках змееборство, передвижение героя на спине птицы...

* * *

Антону Павловичу Чехову принадлежат слова: *«...книги — это ноты, а беседа — пение»*. Трудно переоценить волшебное воздействие звучащего слова. Поэтому лучшая сказка — это сказка рассказанная, как и песня — пропетая. Напечатанная в книге сказка, записанная на нотный лист песня — лишь слепок с живого художественного произведения. Ведь сказка изначально рассчитана на устную передачу, как и песня — для пения. К сожалению, все меньше остается людей, которые могут и желают рассказать сказку увлекательно, вдохновенно, так, чтобы она будила воображение и слушатели как бы видели перед своим мысленным взором все,

что происходит в сказке. Доступность печатного слова сделала нас ленивыми: зачем запоминать, коли можно прочитать в книге? Между прочим, некоторые видные собиратели фольклора уже в прошлом веке предсказывали угасание крестьянского устно-поэтического искусства по мере распространения грамотности. Для функционирования такого жанра, как сказка,необходимы определенные социально-бытовые условия, которые имелись в старой деревне. Бывает иногда и нынче, когда такие условия — отсутствие радио и телевизора, электричества, газет и книг — складываются на время где-нибудь в лесной избушке, где коротают вечера несколько человек охотников ли, рыбаков или лесников, и тогда исподволь вспомнят о сказке. И что удивительно: мужчины, которые давно уже считают сказывание сказок делом древних старух, даже молодые, могут увлечься и рассказать сказку-другую. И потечет неторопливое повествование в жарко натопленной избушке, при свете свечи или керосиновой лампы, или вовсе в темноте, как бывало — на сон грядущий, под неумолчный шум вековых сосен... Кому посчастливилось испытать такое в наши дни, тот пережил прекрасные мгновения. Очарованный вдруг ожившей поэзией, начинаешь верить: еще жива сказка, она лишь скромно отступила в тень, как Золушка...

Унелма Конкка

СВАТОВСТВО КУЗНЕЦА ИЛМАРИНЕНА[1]

Кузнец Илмаринен, вековечный кователь, работал в своей кузнице. Положил он в горн железо и стал раздувать угли. Тут появилась на пороге кузни женщина и говорит кузнецу:

— Знал бы ты, Илмаринен, что я тебе скажу, не стал бы железо в горн закладывать!

Отвечает на это кузнец Илмаринен:

— Вот что, женщина. Если добрую весть ты мне принесла, то одарю тебя щедро, но если дурную новость сообщишь — загоню тебе в горло раскаленное железо.

— Вот моя новость,— сказала женщина.— К красавице Катрине, белой девушке пригожей, дочери короля Хийто, двое сватов поехали, на двух лодках отправились!

Услышав такие вести, вынул Илмаринен железо из пламени и, крепко задумавшись, зашагал из кузницы к дому. Пришел он домой и заговорил с матерью:

— Матушка родимая, истопи ты мне баньку медную, раскали добела железо каленое, накали докрасна камни крепкие!

Мать баню истопила и пришла сына звать.

Говорит ей кузнец Илмаринен:

— Дай мне, матушка, рубашку льняную на плечи да штаны суконные на ноги!

---

[1] Эпический сюжет о сватовстве Илмаринена бытовал в Южной Карелии не только в виде песни, но и как сказка.

Мать штаны и рубаху сыну приносит, и отправляется Илмаринен в баню. Напарившись, возвращается кузнец домой быстрым шагом, в рубахе неподпоясанной, босиком по тропочке шагает и говорит рабу своему:

— Старый верный мой работник, запряги-ка мне жеребца трехлетнего отменного, лучшего коня-красавца, в санки расписные, в железные гужи, в медную сбрую, вожжи стальные, супонь оловянную.

Выводит старый слуга прекрасного трехлетнего жеребца из конюшни и запрягать начинает, да никак супонь затянуть не может.

Вышел тогда на помощь старику сам кузнец Илмаринен босыми ногами по тропочке, в рубахе неподпоясанной, затянул супонь и запряг жеребца в расписные санки. Потом вернулся в дом, оделся немедля и простился с матерью такими словами:

— Матушка родимая, благослови меня в путь, еду я свататься.

Получив от матери благословение, садится кузнец Илмаринен в расписные санки, берет в руки стальные вожжи и трогает жеребца трехлетнего, коня-красавца отменного. Едет он прямо по морю открытому — не замочится у жеребца копыто, не останется на воде и следа от саней. Едет, едет, догоняет две лодки со сватами, о которых ему женщина говорила, и к ним присоединяется.

Тем временем смотрит красавица Катрина из своего окошка на море, замечает там путников и говорит отцу:

— Глянь-ка, батюшка, трое женихов ко мне спешат, двое на лодках гребут, а третий на санях едет.

Немного времени прошло, добрались путники до берега и входят уже в королевский дворец. Король их с почетом встречает, кормит-поит на славу. Благодарят мужчины короля за угощение и к делу приступают:

— Приехали мы, добрый король, сватать красавицу Катрину!

Король назначает им такое испытание:

— Кто из вас сможет мне босиком змеиное поле распахать, голыми ногами за конем шагая?

— Я твое поле распашу! — отвечает кузнец Илмаринен.

Другие женихи не посмели за такую работу взяться, раскланялись и уехали восвояси. Как убрались соперники, запряг кузнец Илмаринен своего жеребца трехлетнего, коня-красавца отменного, и начал пахать змеиное поле. Змеи под ногами слоем в два локтя кишат, через соху и пахаря переползают, но ни одна кузнеца не трогает. Сделал Илмаринен свое дело на совесть, явился к королю и говорит:

— Вспахано, добрый король, змеиное поле!

— Хорошо,— молвит король,— раз такое дело ты осилил, то сможешь, наверное, и пруд мне во дворе наколдовать, с рыбами большими и малыми.

— Ладно, и это сделаю,— отвечает кузнец Илмаринен и во двор выходит.

Запел кузнец свои заклинания, зашептал слова волшебные, и разлился посреди двора пруд, а в нем и большие рыбы плавают, и мелкие резвятся. Закончив дело, опять Илмаринен перед королем явился и говорит с поклоном:

— Дело сделано, приказание выполнено!

Отвечает король Илмаринену:

— Хорошо ты до сих пор с моими задачами справлялся. Теперь пойди да принеси невесте своей, красавице Катрине, ларец дорогой с морского берега, много лет назад там спрятанный.

Что поделаешь, пришлось кузнецу отправиться ларец разыскивать. Пришел он к морю и видит — сидят три девушки на обрыве. Стал их Илмаринен расспрашивать:

— Не знаете ли, девушки, где искать мне заветный ларчик, свадебный подарок красавицы Катрины?

— У старого колдуна Унтамойнена эта шкатулка,— отвечают девушки,— вон его изба видна, сходи попроси

у него ларчик, но только будь осторожен — многие к нему ходили, да редко кто возвращался.

Кузнец подошел к избе старого Унтамойнена и заглянул в окошко. Видит — лежит Унтамойнен, вокруг избы свернувшись, голову на свои ноги положил. Прокрался Илмаринен к дверям и прыгнул прямо на середину избы. Говорит кузнец:

— Отдай мне, Унтамойнен, шкатулку красавицы Катрины!

Отвечает на это старый Унтамойнен:

— Если сможешь на моем языке удержаться да сплясать на нем, отдам тебе шкатулку.

Не долго раздумывал кузнец Илмаринен, ступил на язык Унтамойнена и стал на нем прыгать да плясать. Старый Унтамойнен раскрыл свои челюсти на полтора локтя, зубы длиною в локоть оскалил да и проглотил Илмаринена не разжевывая. Но кузнец, в животе у колдуна оказавшись, не растерялся. Сбросил с себя одежду и сделал из рубахи кузницу, из штанов — мехи, левое колено вместо наковальни поставил, левую руку в щипцы обратил, а правый кулак — в молот. Стал он ковать-колотить в животе у старого Унтамойнена. Снял с рубашки медную пряжку и сделал из нее птичку, выковал ей железные когти и стальной клюв. Закончив работу, спел кузнец заклинание и вдохнул жизнь в сердце медной птицы. Стала птичка в животе у колдуна летать, рвать ему жилы когтями железными, а стальным своим клювом проклевала в боку большую дыру. Закричал от боли Унтамойнен, взмолился:

— Если выйдешь ты из моего живота и перестанешь меня на части рвать, получишь свадебный подарок для красавицы Катрины! Иди к берегу моря, увидишь там трех девушек на песочке — у них и спроси, где шкатулка зарыта.

Услышав эти слова, выбрался кузнец Илмаринен из живота Унтамойнена через выклеванную птицей дыру, шаг-

нул через порог и пошел к берегу моря. Увидал он там трех прежних девушек и сказал им:

— Девушки милые, отдайте мне свадебный подарок красавицы Катрины, старый Унтамойнен пообещал мне его!

— Возьми — тут она, шкатулка, зарыта,— ответили ему девушки и показали, где ларчик спрятан.

Достал Илмаринен шкатулку из песка, отнес ее королю и сказал:

— Вот свадебный подарок для красавицы Катрины, тот самый, за которым ты посылал!

Доволен остался кузнецом король, обрадовался он заветному ларчику и отдал Илмаринену дочь свою, красавицу Катрину, белую девушку пригожую, в жены, да благословил их в путь-дорогу.

Сел Илмаринен с молодой женой в расписные санки, и помчал их жеребец отменный, конь-красавец трехлетний по морю открытому — не замочится у жеребца копыто, не остается на воде и следа от саней, только гужи железные позвякивают, медная сбруя позванивает, оловянная супонь гудит да вожжи стальные свистят. Ехали они, ехали и застала их ночь на море. Спел Илмаринен заклинание, и сразу появился посреди моря остров, и заночевал на нем кузнец с женой. Прошла ночь, настало утро, очнулся от сна Илмаринен и не нашел жены под боком. Встал он и пошел по берегу, всех нырков вокруг острова пересчитывая. Один нырок лишний оказался. Приметил его Илмаринен, спел свое заклинание и сказал:

— Не прячься, Катрина, вижу я тебя!

И тут же обернулся нырок снова женщиной. Отправились они дальше по открытому морю, сколько проехали — неведомо, но снова застала их ночь.

Спел кузнец заклинание, поднялся над волнами остров, и остановились они с женой на нем отдыхать. Прошла ночь, наступило утро, проснулся кузнец — нет жены рядом! Вскочил Илмаринен и все деревья на острове пересчитал —

одно лишнее оказалось. Спел он дереву заклятье и сказал:

— Не прячься, Катрина, вижу я тебя! — и в тот же миг стало дерево опять женщиной.

Снова садится кузнец с женой в расписные санки, жеребца трехлетнего погоняет. Мчатся сани по открытому морю и следа на воде не оставляют. Весь день ехали, наступил вечер, и снова Илмаринен стал заклинания напевать. Поднялся из пучины морской остров, и заночевал на нем кузнец с красавицей-женой. Пролетела ночь, осветилось зарей утреннее небо, открыл глаза Илмаринен и глянул вокруг себя — нету жены, опять пропала. Рассердился кузнец, поднялся с постели и зашагал по берегу вокруг острова. Пересчитал все камни у воды, один камень лишним оказался.

— Не прячься, Катрина, вижу я тебя! — сказал Илмаринен и заклятие произнес. В тот же миг обернулся камень женщиной.

Говорит ей кузнец гневно:

— Ради тебя, красавица Катрина, много я дел совершил, много тягот изведал, а ты все меня обманываешь. За это будешь ты веки вечные на море жить!

Сказал так Илмаринен, спел заклинание крепкое, и жену свою, красавицу Катрину, превратил в чайку и велел ей всю жизнь против ветра летать.

Но тоскливо стало кузнецу без жены жить, решил он себе из меди женщину выковать. Первое заклятие произнес — человеком стала медная кукла, спел второе заклинание — жизнь в сердце женщины вдохнул. Ложится он спать с самодельной женой. Одну руку ей на грудь положил, другую себе на грудь. Просыпается утром и пробует обе руки: та, что на своей груди лежала — теплая, а та, что на жениной — холодная. И сказал тогда кузнец Илмаринен, вековечный кователь, такие слова:

— Да не будет никто сам себе женщину делать, пусть всяк возьмет себе готовую!

Спел кузнец заклинание, и стала чайка морская снова женщиной, пригожей девушкой, красавицей Катриной, какою и была от рождения. Усадил ее Илмаринен в расписные санки и повез домой на трехлетнем жеребце, конекрасавце отменном, а матушка их с ласкою встретила.

ЛИППО И ТАПИО

В стародавние времена отправился лихой охотник Липпо с двумя товарищами в зимний лес оленя добывать. Целый день шли они лесом, уже и ночь настала, и пришлось им от темноты и холода укрыться в лесной избушке. Переночевали охотники в избушке, и когда снова настало утро, отправились дальше. А Липпо, перед тем как на лыжи стать, постучал ими друг об дружку и сказал:

— Пусть будет сегодня на одну лыжу добыча, на вторую — другая, а на палки — третья.

Едва отошли они от избушки, как увидели следы трех оленей. Пошли охотники по этим следам, видят — двое рогами сцепились, бьются, а третий в сторонке стоит. Говорит Липпо товарищам:

— Вы этих двух изловите, а я за третьим пойду.

И отправился. Гнал оленя до вечера и, хотя лыжник он был отменный, все никак не мог настигнуть. Привели его следы к дому в лесу. Олень через изгородь во двор перемахнул, Липпо — за ним. Во дворе встречает его хозяин, старый дед — и борода, и волосы все в еловом лишае.

— Ого! — говорит дед.— Что это за собачий сын моего жеребца в пот вогнал?

Подошел Липпо к старику, поздоровался и сказал:

— Это я его гнал, да так и не настиг, в твоем дворе зверь укрылся!

Дед (а это был сам Тапио[1]) ответил:

— Ну раз ты до позднего вечера моего жеребца гонял, заходи в дом, ночуй.

Вошел Липпо в дом Тапио и видит: тут олени и лоси, здесь медведи и волки, там рыси и лисы, и каких только зверей лесных в доме нет! Тапио накормил гостя ужином и честь по чести спать уложил.

Стал утром Липпо домой собираться, да не нашел своих лыж. Спрашивает он у Тапио, где лыжи, а хозяин ему отвечает:

— Есть у меня единственная дочь, не хочешь ли остаться у нас зятем?

Говорит Липпо:

— Я бы остался, да больно беден жених.

— Ну это не беда,— говорит Тапио,— бедность не помеха, у нас ты все что надо получишь.

Женил он охотника на своей дочери, и остался Липпо, лихой охотник, зятем у хозяина леса. Три года прожил Липпо в доме у Тапио, и родила ему жена сына. Просится Липпо домой съездить. Отвечает ему Тапио:

— Если сделаешь лыжи мне по нраву, отпущу.

Отправился Липпо в лес и стал лыжи делать. Села над ним синичка на ветку и поет:

Пи-пи-пи — поет синичка,
Воробей — чирик-чирик.
В желобе сучок приделай,
Выгни кончик на подножку!

Липпо бросил в синицу палочкой и сказал:

— Чего рассвистелась, негодная?!

Сделал он лыжи на совесть, украсил, как умел, и отнес Тапио. Тот посмотрел лыжи, попробовал и сказал:

— Не годятся мне такие лыжи.

Липпо на другой день снова в лес отправился лыжи

[1] Тапио — в мифологии финнов и карел — хозяин леса.

делать. Опять на ветке синичка сидит, песенку свою насвистывает:

Пи-пи-пи — поет синичка,
Воробей — чирик-чирик.
В желобе сучок приделай,
Выгни кончик на подножку!

— Опять ты мне под руку чирикаешь! — сказал сердито Липпо и запустил в птичку щепкой. Не догадался он сделать, как синица велела, а сделал лыжи по-своему и отнес их Тапио.

— Не по мне эти лыжи,— снова говорит хозяин леса.

На третий день опять Липпо в лес идет. Увидел он синицу и прислушался к ее песенке:

Пи-пи-пи — поет синичка,
Воробей — чирик-чирик.
В желобе сучок приделай,
Выгни кончик на подножку!

Задумался Липпо: «Сделаю-ка я, как птичка советует, не зря же она каждый день свистит!» Оставил он в желобе под лыжей большой сучок, конец его к подножке загнул и отнес лыжи Тапио.

— Вот это мои лыжи! — обрадовался Тапио.— Теперь можешь домой ехать.

Пошел хозяин дочку с зятем провожать и говорит:

— Я вперед пойду, вы же по моей лыжне следуйте и, где увидите кружок от лыжной палки, там и ночуйте, но шалаш делайте плотный, чтобы звезды небесные сквозь него не просвечивали.

Отправился Тапио на лыжах вперед, а Липпо с женой и сыном по его следу. К вечеру увидели они первый след от лыжной палки, и тут же лось был на ужин изжарен. Сделал Липпо шалаш из лапника, крышу плотную из веток сплел и затащил внутрь ахкиво[1] с ребенком. Переночевали

[1] Ахкиво — кережка, санки с одним полозом в виде лодочки.

благополучно, утром снова на лыжи встали и прихватили с собой лосиного мяса в дорогу. К вечеру снова увидали путники след от палки, а рядом олень зажаренный лежал. Снова Липпо сделал хвойный шалаш, настелил плотную крышу и аккиво с сыном внутрь затащил. Отдохнув ночь, отправились Липпо с семьей наутро дальше. К вечеру они третий след от палки нашли, и тут же лежал хорошо пропеченный глухарь.

— Теперь, видно, недалеко до дома, раз на ужин всего лишь глухарь приготовлен,— сказал Липпо.

Сделал охотник на скорую руку худой шалаш, втащил аккиво с сыном под лапник и лег с женой спать. Ночью небо очистилось, и звезды стали сквозь дыры в шалаше прямо на путников светить. Проснулся утром Липпо, а жены нигде нету, вышел наружу поглядеть — и лыжни никакой не видно. Не знает теперь Липпо, куда идти,— нет никаких следов. Сидит он с сыном перед шалашом, вокруг поглядывает, видит — бежит мимо лось и ухмыляется. Больше ничего охотник не увидел, так до вечера и просидел, и пришлось снова на ночь оставаться. Наутро снова запеченный глухарь появился, и лось опять мимо бежит, ухмыляется. Много лет прожил Липпо с сыном в лесу, и каждое утро появлялся жареный глухарь, и каждый день пробегал мимо лось.

Подрос сын охотника, стал парнем умным и сообразительным. Попросил он однажды отца сделать ему трубочку, чтобы посмотреть через нее, далеко ли дом. У Липпо других дел не было, смастерил он сыну замечательную дудку. Посмотрел сквозь нее парень и говорит отцу:

— Да мы совсем рядом с домом сидим, до изгороди рукой подать.

Отправились отец с сыном в путь и вскоре были дома. С этого парня и начался лопарский род.

Вот и вся сказка.

МИККО МЕТСОЛАЙНЕН[1]

Жил в старину один мужчина. Провинился он однажды и попал под суд. Решил от суда в лес убежать. Было это лютой зимой, и плохо бы пришлось беглецу, если бы не нашла его лесная дева. Взяла она мужчину к себе в дом, что стоял далеко в лесу. Стали они жить вместе, как мужчине и женщине положено, в любви да согласии. Вскоре забеременела лесная дева, и с приходом лета родился у них сын, которого назвали они Микко Метсолайнен.

Вернулся муж в родную деревню и взял с собой сына, стал его кормить-поить, работником растить. Сын вырос и стал храбрым и сильным парнем, таким, что лучше и не надо. Задумался отец, какую бы сыну работу дать, и послал его поле огораживать. Принялся парень за работу и наворочал огромных деревьев с корнями, сделав из них такую ограду, что отец, придя на поле, испугался сыновней силы. На шесть недель хватило отцу работы, чтобы в той ограде калитку прорубить. Задумался тут отец: «Надо избавиться от такого сына». Решил он отправить парня из дому, чтобы он чего похуже не натворил, и говорит ему:

— Сходи-ка, сынок, к королю, забери у него должок — решето золота и решето серебра.

Послушался сын отцовского слова и сразу же отправился в путь. Пришел он к королю и говорит:

— Плати-ка отцовский долг!

— Нет у меня никаких долгов,— отвечает король.

Стал Микко Метсолайнен спорить с королем, долг требовать:

— Плати то, что с тебя причитается!

Разгневался король на должника и послал на него три сотни солдат. Вышли солдаты на бранное поле, а Микко

---

[1] Метсолайнен — лесной житель, лесовик.

только раз своим железным посохом махнул, и все на землю полегли. Снова он у короля спрашивает:

— Будешь ли платить отцовский должок?

Еще сильнее разгневался король на Микко Метсолайнена и послал шесть сотен солдат на бранное поле, но и от них не много толку было. Наконец и девять сотен отправил, чтобы наказали Микко за неслыханную наглость, но он и тех побил. Пришлось королю насыпать Микко Метсолайнену решето золота и решето серебра.

Понес парень деньги отцу. Вернулся сын домой, а отцу снова забота, какую бы ему другую работу придумать.

Было у отца овсяное поле, которое повадился травить страшный грифон, вот и велел он сыну эту птицу изловить. Взял Микко со стены свой железный лук и отправился грифона стрелять. По дороге встретился ему на берегу ламбушки[1] могучий силач, у которого вместо удочки сосна была в руках, а вместо наживки — яловая корова.

— Да ты, я погляжу, силач! — говорит Микко.

— Разве ж я силач, вот Микко Метсолайнен — тот силен! — отвечает удильщик.

— Вот он, перед тобой! — говорит ему Микко.

— Ну раз это ты и есть,— отвечает удильщик, бросая свою снасть,— не возьмешь ли меня в компанию?

— Что ж, пойдем вместе! — говорит Микко.

Отправились они дальше вдвоем. Идут по дороге, встречают третьего силача, который две скалы друг об друга колотит.

— Ох и силен же ты! — говорит Микко.— Легко ли скалы ворочать.

— Я-то что за силач,— отвечает скалолом,— уж кто силен, так это Микко Метсолайнен!

Назвался тогда Микко, и пошел скалолом с ними вместе. Пришли они втроем на овсяное поле и стали по очереди

---

[1] Ламбушка, ламба — маленькое лесное озерцо.

в грифона стрелять, да никто не попал. Остались силачи караулить птицу, когда та снова на поле вернется, да проголодались. Паслось неподалеку от поля стадо, и взяли товарищи одну яловую корову себе на обед. Стал удильщик мясо варить, а другие тем временем поле стерегут. Варит удильщик на скале похлебку, и только сварилась пища, как вылезла из расщелины старуха с железным зубом, подходит к повару и говорит:

— Дай мне, сынок, похлебки попробовать, очень я голодна!

— Есть тут и поважнее едоки,— ответил кашевар и велел старухе убираться, но бабка не ушла, а стала с удильщиком драться. Одолела она силача и слопала все варево из котла. Перепугался удильщик, что товарищи к пустому котлу придут, принес воды и стал кости варить.

Собрались все вместе обедать. Микко и скалолом удивляются, отчего это похлебка такая жидкая:

— Вкуснее раньше похлебка из яловой коровы бывала, не такая пустая.

Повар-то причину знал, но признаться не осмелился.

На другой день зарезали другую корову и назначили скалолома кашеварить. Но с тем то же случилось, что и с удильщиком; и пришлось ему из костей похлебку варить. Снова товарищи есть собрались, пробуют варево и удивляются:

— Жидковата похлебка, раньше, бывало, вкуснее из говядины получалась.

Рассказал тогда скалолом, как старуха у него котел опустошила. Ну, убили еще одну корову, и остался на этот раз Микко Метсолайнен обед варить. Варит Микко, варит, уже поспевает похлебка, и тут снова старуха из скалы выходит и говорит кашевару:

— Дай-ка мне, сынок, твоей похлебки попробовать!

Не дает Микко Метсолайнен старухе своего варева:

— Найдутся едоки и поважнее тебя.

Разозлилась старуха на Микко и стала с ним драться, но где ей было с таким силачом тягаться — схватил он ее в охапку и грохнул об камни так, что рассыпалась старуха на кусочки. Микко собрал старухины косточки и бросил в расщелину. Пришли товарищи обедать, попробовали похлебки — хороша оказалась, навариста; как и подобает. Поев, пошли они на старухины косточки посмотреть, а тех уже и след простыл.

— Вот оно что — ожила старуха и в скале спряталась,— сказал Микко,— но от меня не укроешься, я тебя из-под земли достану!

Разрезали товарищи три коровьи шкуры на ремни, связали длинную веревку, и стал Микко Метсолайнен по ней в расщелину спускаться.

— Вы меня опускайте,— сказал Микко скалолому с удильщиком,— а когда я за веревку дерну, тащите наверх.

Все ниже и ниже спускался Микко, пока не достиг он такой же земли, как и наверху. Стал Микко Метсолайнен незнакомые места осматривать, видит — дом стоит. Зашел он в избу, а там красивая девушка ткет полотно, и никого больше в доме не видно. Поздоровался Микко и заговорил с ткачихой вежливо, а девушка испугалась и отвечает:

— Зря ты сюда пришел, чужой человек, вот вернется моя приемная мать — убьет тебя.

— Не одолеть ей меня,— отвечает спокойно Микко.

Девушка, которая сама была человеческого роду-племени, с верхней земли когда-то украдена, посоветовала гостю:

— Нет, парень, не справиться тебе с моей матерью, на своей земле сильна она, но если станет она тебя побеждать, то вот из этого корыта, что у порога стоит, ополоснись волшебной водой, а взамен другой налей — твоя будет победа.

Недолго пришлось гостю хозяйку ждать, а когда вошла она в избу, узнал он в ней ту самую старуху, что похлебку

у товарищей дважды съедала. Увидала старуха Микко и сразу с ним сцепилась:

— Явился-таки, негодный!

Упал Микко Метсолайнен на колени и попросился у старухи с солнцем и месяцем попрощаться, а сам подошел к корыту, ополоснулся и налил взамен другой воды. Стали они снова бороться. Уже и старуха на колени упала, стала и она просить, чтобы отпустил ее Микко с солнцем и месяцем проститься. Облилась водой из корыта, да еще слабее от той воды сделалась. Схватились Микко со старухой снова, но та уж и вовсе не может против него стоять. Задавил Микко старуху и говорит:

— Теперь-то ты уже не очнешься!

Задумались Микко Метсолайнен с девушкой, как им дальше быть. Привязали старухино добро к ремню, за ним девушку, а за конец сам Микко ухватился и дернул за веревку. Стали их удильщик со скалоломом поднимать, тащат, тащат, да как вытащили добро и девушку на землю, ремень-то и перерезали. Полетел Микко Метсолайнен вниз и снова в подземном мире оказался. Начал он там бродить и присматриваться, повстречал бездетную вдову и стал ей приемным сыном.

В том королевстве каждый день отдавали дракону на съедение овцу и ребенка. Настал черед королевской дочери.

Гулял в это время Микко по улице, вернулся он домой и спрашивает:

— Что это, матушка, полкоролевства плачет, полкоролевства смеется?

— Пришла пора королевскую дочь дракону отдавать — вот те, кому своих детей отдать предстоит,— плачут, а остальные смеются.

Взял тогда Микко меч и пошел туда, откуда рыдания доносились, чтобы спасти принцессу от дракона. Видит парень — сидит на берегу моря девушка, овечку обнимает

и плачет горько, дракона дожидаясь. Подошел к ней Микко и говорит:

— Поищи-ка мне, девушка, в голове, а если я у тебя на коленях усну, разбуди, когда дракон из моря появится.

Положила девушка голову парня себе на колени и стала его волосы перебирать, но, как только вода в море всколыхнулась, разбудила она его:

— Идет уже трехглавый дракон за мной, на три сажени ядом из пасти брызжет!

Вскочил Микко Метсолайнен, вышел дракону навстречу и говорит:

— Посмотри, змей, дом твой горит!

Дракон на море обернулся, а Микко в то время все три головы ему мечом снес. Избавилась девушка от злой участи, поблагодарила своего спасителя и отправилась в королевский дворец. Микко как ни в чем не бывало пошел к своей приемной матушке, а во дворце в это время великое веселье началось, оттого что единственная дочь живая домой вернулась.

Наступил другой день. Вышел Микко из дому, слышит опять плач у берега моря. Опоясался он мечом и пошел в ту сторону, глядит — снова девушка с овечкой сидит и горько плачет.

— Почеши мне голову, красавица,— сказал Микко, подсаживаясь к ней,— а как придет за тобой дракон, скажешь.

Обрадовалась ему королевна: «Да это же вчерашний мой спаситель!— и начала парню голову чесать. Задремал Микко у девушки на коленях, но тут увидела девушка, как вода в море заволновалась, и стала будить Метсолайнена:

— Идет уже шестиглавый дракон, вставай!

Микко на ноги вскочил, вышел змею навстречу и говорит:

— Глянь-ка, нечистый, как твоя голова солнышком по морю покатилась!

Оглянулся дракон на море, а Микко тут же и посек ему все шесть голов. Так второй раз вернулась королевна в родительский дом цела-невредима, а Микко пошел своей дорогой.

Настал третий день. Вышел парень во двор умываться и слышит опять странные звуки. Вернулся он в избу и спрашивает у матушки:

— Что это, снова половина королевства смеется, а другая плачет?

— Придет сегодня за королевной самый старший дракон, девятиглавый,— отвечает вдова,— дважды уже бедную девушку к морю отводили, но оба раза чудом она спасалась, но теперь уж не миновать ей гибели.

Выслушал Микко Метсолайнен свою приемную матушку, мечом опоясался и пошел на берег. Девушка обрадовалась, узнав своего избавителя, положила его голову к себе на колени и стала волосы перебирать. Уснул Микко на коленях у девушки, но немного прошло времени, как появился из моря девятиглавый дракон, и закричала королевна, расталкивая парня:

— Дракон идет!

Микко сон с себя стряхнул, встал перед змеем и говорит:

— Оглянись, следом за тобой еще страшнее чудище идет, сожрет оно тебя!

Дракон обернулся на море поглядеть, а Микко не мешкая ему все головы обкарзал и прикончил змея на месте. Обрадовалась тут королевская дочка и перстнем своим парню на лбу знак оставила, чтобы узнать потом, кто ее от смерти три раза спасал. Вернулась девушка в замок, а Микко Метсолайнен к своей приемной матушке поспешил.

Стал король искать героя, который драконов победил, и пообещал в награду полкоролевства и дочку в жены ее избавителю. Устроил король пир в замке, собрал и знатных и худородных, но не видит среди них королевна своего

спасителя. Велел тогда король всем подданным через ворота по одному проходить, чтобы отыскался герой. Собралось народу великое множество, стал всякий в свою очередь через ворота проходить, а Микко все нет. Когда увидел король, что совсем мало народу осталось, рассердился он на дочку и говорит ей:

— Да где же твой спаситель прячется?

А Микко Метсолайнен последним шел. Подошел наконец и он к воротам, девушка узнала его, на шею бросилась, целует его и говорит:

— Вот он, мой избавитель!

— Ну, лучшей награды я тебе и придумать не могу, как собственную дочь. Бери ее в жены! — говорит король ласково и с Микко здоровается.

Но Микко Метсолайнен от такой чести отказался, сказал, что не сможет на чужой земле жить, и попросил его домой отправить.

— Домой тебе только на птице-грифоне добраться можно,— говорит король.

Парню очень хотелось домой вернуться, и согласился он на грифоне лететь. Приказал король птице отвезти Микко на родину. А был это тот самый грифон, что отцовское овсяное поле травил и которого Микко стрелять отправился. Сел Метсолайнен птице на спину, взлетел грифон и стал в небо подниматься все выше и выше. Наконец спрашивает у седока:

— Велико ли тебе море кажется?

— Да не больше жернова будет! — отвечает Микко.

Сбросил тогда грифон парня со спины и только у самой воды подхватил.

— Что, испугался? — спрашивает.

— Как не испугаться,— отвечает Микко,— даже кровь в жилах застыла — если бы меня пополам разрезали, ни капли бы не пролилось!

— Испугался и я, когда ты в меня на овсяном поле

первый раз выстрелил и стрела у меня под крылом пролетела,— сказал грифон, посадил парня себе на спину и взмыл в небо.

Поднялся грифон на этот раз еще выше и спрашивает у Микко:

— Каким теперь тебе море кажется?

— Не больше вечеи[1] в жернове! — отвечает Микко.

Снова сбросила его птица, до самой воды парень падал, даже забрызгался немного, и тут только ему грифон крыло подставил.

— Сильно ли на этот раз испугался? — спрашивает у Микко.

— Ох сильно! — отвечает парень.— Если бы меня в двух местах разрубили, и то бы кровь не брызнула!

— Испугался и я, когда в меня второй раз стреляли,— сказал грифон и поднялся в небо еще выше. Спрашивает он у седока в третий раз:

— Каким тебе теперь море кажется?

— Меньше веретенника[2],— отвечает Микко, дрожа от страха.

Сбросила его птица еще раз в море, да так, что наполовину Микко в волнах оказался, но подхватила затем снова себе на крыло, подняла в небо и отнесла на берег. Там оставила она парня и сказала на прощанье:

— Отдыхай, ешь на здоровье, но не вздумай пить, как бы жажда ни мучила!

Микко был голоден и, увидав перед собой разные лакомства, принялся не долго думая за еду. Поев вдоволь, захотел он пить. Рядом был родник — чистый, свежий, такой манящий, что забыл Микко предостережение грифона, и, опустившись на колени, стал пить. Вдруг выскочила из родника железная кошка и вцепилась ему в бороду. До

[1] Вечея — отверстие в центре верхнего жернова.

[2] Веретенник — свинцовое кольцо, надеваемое для тяжести на веретено.

тех пор она парня не отпускала, пока всю бороду не выдрала. Бросился Микко Метсолайнен от нее бежать, а кошка за ним. Гналась, гналась за ним железная кошка, но успел Микко в кузницу забежать, а кузнец за ним дверь захлопнул. Осталась железная кошка за дверью ждать. Кузнец сунул железную болванку в горнило и, когда та накалилась докрасна, крикнул:

— Открой рот, закрой глаза, я тебе этого парня прямо в глотку брошу!

Только открыла железная кошка свою страшную пасть, кузнец раскаленную болванку ей прямо в горло сунул. Тут и конец ей пришел. Так избавился Микко от неминуемой гибели и отправился наконец домой.

А другие силачи, скалолом с удильщиком, жили в то время богато, горя не знали, но девушка из подземного царства ни за которого замуж не пошла, сказав, что только тот ее мужем станет, кто сможет натянуть лук Микко Метсолайнена.

Когда явился к ним Микко, силачи-богачи не узнали его, а девушка сразу признала и протянула ему лук. Натянул Микко тетиву, выпустил стрелу и сказал удильщику:

— Сходи принеси стрелу!

Натянул лук второй раз, снова выстрелил и сказал скалолому:

— Сходи стрелу принеси!

Отправились силачи за стрелами, да так по сей день и не вернулись. А Микко Метсолайнен женился на девушке, и стали они вместе жить.

Вот и сказка вся.

ЗОЛОТОЙ КОРАБЛЬ

Жил в старину батрак. Отправился он однажды на охоту и долго бродил с луком по лесам, пока не оказался

на горе Хийси[1]. У бесов, которые там жили, в то время умерли родители, и собрались они наследство делить. Много у них было всякого добра — золотой посуды, украшений, и на каждого беса — по золотой карете, но золотой корабль, который сам по всему свету ездил, был на всех один. Увидели бесы приближающегося охотника с луком на плече и закричали ему:

— Помоги нам, добрый человек, эти сокровища поделить — словом и золотом тебя отблагодарим!

Подошел парень к бесам и спрашивает:

— А как эти золотые кареты и золотой корабль ездят?

Нечистые ему объясняют:

— Как поднимешься на верхний рычаг да на нижний ногой наступишь, так кареты и корабль, куда ты пожелаешь, побегут.

Натянул охотник свой лук, пустил стрелу и крикнул:

— Ищите, ребята, мою стрелу — кто первым найдет, тому пусть достанутся и кареты золотые, и корабль!

Поскакали бесы стрелу искать и в один миг скрылись из глаз — не видно их и не слышно. Парень видит, что убежали нечистые, но все же думает: «Может, еще вернутся к своему добру». Сложил он все товары на корабль, затащил золотые кареты и другие сокровища и поднялся сам на палубу; встал потом на верхний рычаг, наступил ногой на нижний. Помчался корабль по морям и лесам, пока не остановился перед королевским дворцом. В это время оказалась на крылечке королевская дочка. Увидела она золотой корабль и сказала, указывая на него пальчиком:

— Это, верно, величайший на всей земле император на таком корабле путешествует. Возьмите меня к себе, о милый император, буду я вашей невестой!

Парень как услышал это, вышел на палубу и говорит:

— Ваше высочество! Я всего лишь крестьянский батрак

---

[1] Хийси — мифологическое существо, нечистая сила.

и не достоин даже ноги вашей коснуться, а для вас и принц найдется.

Девушка хоть и услышала, что он батрак, но снова попросилась:

— Ничего, возьмите. Я буду вашей невестой!

— Вы, я вижу, смеетесь надо мной, ведь принц вам больше подходит,— парень ей отвечает.

Тогда королевская дочка принесла ему на корабль разных вин и кушаний, чтобы батрак угощался, господскую одежду, шляпу, сапоги, но тот даже не прикоснулся к этому добру — так и осталось все на палубе в куче лежать. Принцесса тем временем все ходит взад-вперед около корабля, опечалилась, что парень ее не взял. Долго тот на девушку глядел, видит, что не на шутку она затосковала, и сказал наконец:

— Ну, если вам так хочется, ваше высочество, с батраком в сделку вступать, то поднимайтесь на корабль!

Забралась принцесса на борт, а батрак стал перед ней на колени и спрашивает:

— Куда же мы теперь, милая принцесса, на этом прекрасном корабле отправимся?

Королевская дочка отвечает ему:

— Есть посреди моря остров длиною десять верст, там вся земля усыпана ягодами, и от тяжести плодов деревья гнутся — поехали туда!

Направили они корабль, куда нужно было, тот мигом домчал их и остановился посреди острова.

Отправился парень ягоды собирать, но как только одну попробовал, тут же уснул, растянулся и похрапывает, а для невесты так ничего и не собрал. Рассердилась принцесса:

— Да подыхай ты тут, батрак несчастный, а я разверну корабль и домой поеду!

Так и сделала королевская дочка, а батрак остался спать на острове. Наконец пробудился он ото сна, но корабля уже и видно не было, с ним пропали и все сокро-

вища покойного Хийси; только и осталось у парня что кошель денег в кармане. Стал его сильный голод донимать, а поесть нечего. Подошел он к одному ягодному кусту и набил левый карман ягодами, а одну в рот сунул, разжевал и съел. Плохие оказались ягоды — выросли у парня рога на голове, да такие тяжелые, что еле шея выдерживала. Новая беда! «Ладно бы только голод терпеть,— подумал батрак,— так теперь еще эти рога на макушке носить! Увидят тут меня моряки проезжие, так еще застрелят, чего доброго, как зверя лесного». Пошел он к другому кусту и набил ягодами правый карман. Опять одну ягоду в рот сунул, разжевал и съел. На этот раз хорошие попались ягоды — рога сразу же у парня отпали, даже следа не осталось, и такой он стал красавец, что второго такого не сыскать во всем королевстве. Сел батрак на бережок и стал корабельщиков дожидаться — самому-то с острова не выбраться. Увидел он на море корабль и, когда тот поравнялся с островом, стал кричать:

— Люди добрые, не дайте мне тут погибнуть, возьмите с собой и укажите дорогу к королевскому дворцу, откуда я на своем корабле в путь отправился. Я вас словом и золотом отблагодарю!

Проезжие отвезли его на берег и показали дорогу к королевскому замку. Пришел батрак на королевский двор. Там был у короля питьевой колодец с чистейшей водой, закрытый плотной крышкой. Сел парень на сруб и стал грязные ноги в колодце полоскать, воду мутить. В это время на крыльцо вышел королевский повар. Будь он злой человек, закричал бы сразу: «Ты зачем мутишь наш чистый колодец? Худо нам будет воду из него пить, еще хуже королю с королевой!» Король бы услышал, приказал бы голову отрубить. Но повар был человек добрый и тихий, подошел он к парню, тронул его за плечо и сказал:

— Что же ты, бедолага, наделал? Худо нам из этого колодца будет воду пить, еще хуже королю с королевой.

Если узнает король, велит он тебе голову отрубить, да и я мог бы это сделать.

И верно — была у повара на то власть. Парень отвечает ему:

— Добрый господин, не говорите никому, я вас за это таким же красивым сделаю, как и сам.

— Ладно, не скажу ничего,— говорит повар,— раз ты такое чудо можешь сделать.

Дал ему парень ягодку, повар проглотил ее и стал таким красавцем, что другого такого во всем королевстве не найти, а батрак тем временем спрятался, чтобы никто его не заметил. Занялся повар обедом для королевской семьи, подал на стол; поели король с женой и дочерью, попили, стали из-за стола подниматься, а принцесса подбежала к повару и спрашивает:

— Отчего это вы, дорогой повар, таким красавцем вдруг стали?

— Встретился мне во дворе прохожий человек, и было у него такое средство, которое кого угодно прекрасным сделает,— отвечает повар.

Говорит на это принцесса:

— Вот если бы он и меня красавицей сделал, я бы ему невестой стала!

— Он, наверное, уже ушел,— отвечает повар.— Этот парень не смел никому на глаза показываться, боялся, что убьют его в незнакомом городе.

Просит принцесса передать парню:

— Пусть не боится он ничего, я его не обижу, пусть приходит во дворец, я его и накормлю и напою.

Пришел батрак, поселили его в отдельной комнате, а королевская дочка ему напитки разные да лакомства носит. Стала она парня угощать и заговорила с ним:

— Добрый человек, сделайте и меня красавицей, как повара сделали, я за это буду вашей невестой.

А батрак забыть не может, как она его на острове оста-

вила. Но не говорит ничего про это, ест, пьет и отвечает:

— Разве я, батрак, вашему высочеству в женихи гожусь? Вам и принцев хватает.

— Если не верите,— говорит принцесса, не узнавая в нем того парня, что на острове остался,— то дам я вам генеральский мундир, деньгами награжу, подарю вам золотую карету и золотой корабль, только сделайте меня прекрасной!

Парень думает про себя: «А ведь это мое добро и есть», но ничего не говорит. Королевская дочка все его упрашивает, а под конец и грозить стала:

— Я вас все равно не выпущу, пока не сделаете меня первой красавицей в королевстве!

Тогда парень согласился. Достал хитрец из левого кармана дурную ягоду и угостил принцессу, а сам спрятался, оставив трапезу незаконченной. Съела королевская дочка ягоду, и выросли у нее на голове рога ветвистые, как у оленя. Как увидел король такое украшение на голове дочери, приказал он рога спилить, но не берет пила крепкую кость. Тогда велел он двум дюжим солдатам носить за принцессой рога, чтобы могла бедная девушка по дворцу ходить. Поселилась печаль в королевском замке. Наконец объявил король по всему своему государству, что если найдется неженатый мужчина, который сумеет его дочь от рогов избавить, то пожалует ему король генеральский чин и принцессу в жены отдаст. Если же женатый человек будет или женщина, то назначит из казны вечную пенсию.

Понаехало в замок столько целителей, что в зал не протиснуться,— все врачуют принцессу, но никто не может с ее головы рога снять. Выходит батрак из толпы, на колени перед королем становится и говорит:

— Ваше величество, дозвольте и мне попробовать принцессу полечить, может, я сумею рога извести.

Отвечает ему король:

— Уж не знаю, сынок, есть ли у тебя такое средство,

тут и до тебя знахари были, да только ели-пили даром.

Делать нечего, парень снова в толпе скрылся, прошло немного времени, опять он перед королем является и говорит:

— Ваше величество, не вывести этим врачевателям рогов с принцессиной головы, только я могу ее от них избавить.

— Ну, раз уверен, сынок, то пробуй,— отвечает король.— Если сумеешь мою дочь излечить, назначу тебя самым главным генералом!

Тогда батрак говорит королю:

— Прикажите всех лекарей-знахарей из дворца выгнать, а солдатам праздник начинать — я вашу дочку вмиг вылечу!

Выпроводили всех из дворца, а солдатам велели музыку играть. Остался в зале только батрак с принцессой да слуги, которых ему в помощь дали. Сказал парень служанке:

— Пойди, девушка, затопи баню, да дров не жалей.

Слуге сказал:

— Сходи, паренек, в лес, срежь там три тонкие ивовые вицы да распарь их в бане, я ими рога у принцессы выводить буду!

Принес слуга вицы, распарил их хорошенько, а служанка веники, горячую воду и полотенца приготовила. Повел парень королевскую дочь париться, отослал служанку и закрылся в бане на ключ. Тем временем солдаты вовсю праздновали. Подвесил батрак принцессу за рога к потолочной балке и стал ее ивовыми вицами «парить» да приговаривать:

— В другой раз оставите меня посреди моря на острове? Позаритесь еще на чужое добро? Вот он я, жених ваш, больше вы меня не проведете!

Взмолилась тут принцесса:

— Не бейте меня, добрый человек! Никогда, до самой смерти, я вам зла не причиню!

Дал ей тогда парень из правого кармана хорошую ягодку, съела ее девушка, рога у нее сразу отпали, даже следа не оставили, и стала принцесса такой красавицей, что во всем государстве не было никого прекраснее ее. Пошли они во дворец, стали есть, пить, веселиться. Батрака назначили самым главным генералом, и женился он на королевской дочери.

Тут и сказка вся.

ТУ́ХКИМО

Жили три брата, двое старших — молодцы-удальцы, а третий Тухкимо — Запечник. Умерли у них отец с матерью, и остались братья одни бедствовать. Запечалились они и стали плакать дни и ночи. Долго братья плакали, и явился им однажды во сне отец, и велел каждому по очереди идти сторожить ночью гусей у пристани. Отправился первым старший брат, но, посидев немного на берегу, испугался темноты и вернулся домой. Спрашивают его братья:

— Что видел?

— Сами посмотрите, когда ваша очередь придет,— ответил парень и ничего больше рассказывать не стал.

На другую ночь пошел средний брат, и с ним приключилось то же, что и со старшим. Отправился на третью ночь Тухкимо гусей стеречь и всю ночь у пристани просидел. Под утро, на рассвете, прилетели на берег три гуся и, спрятав под изгородью свои крылья, обернулись прекрасными девушками. Стали они купаться в море, а Запечник самые красивые крылья выбрал, спрятал их и сам укрылся. Накупавшись, поднялись девушки на берег и, собираясь улететь, стали свои крылья искать. Две девушки нашли свои крылья под изгородью и улетели, а третья на берегу осталась. Вышел тогда Тухкимо из своего укрытия и говорит девушке:

— У меня твои крылья, но я не отдам их тебе, пока не согласишься за меня замуж выйти!

Сказала девушка, что она королевская дочь, что каждую ночь она со своими служанками в гусином облике прилетает купаться на море, и попросила отдать ей крылья. Но Тухкимо прежнее условие поставил:

— Возьмешь меня в мужья — отдам тебе крылья!

Нельзя было девушке дольше задерживаться: утро уже занималось, и обещала она стать его женой. Получив крылья, превратилась королевна в дикого гуся и полетела домой, велев Запечнику во дворец за ней прийти.

Вернулся Тухкимо домой, спрашивают у него братья:

— Ну, рассказывай, чего ты там насторожил?

— Королевскую дочку в жены взял,— ответил Тухкимо.

— Это ты-то королевскую дочку?! — засмеялись братья и не поверили Запечнику.

А тот отправился в королевский дворец и сказал девушке:

— Вот я и пришел за тобой, пойдешь ли за меня?

— Как условились,— отвечает девушка,— но королю говорить не будем, тайком обвенчаемся.

— Как же мы свадьбу сыграем, если королю ничего не скажем? — задумался Тухкимо.

— Так-то оно так,— говорит девушка,— но, если ты отцу скажешь, он тебе такие уроки задаст, что вовек с ними не справишься.

— Будь что будет,— ответил Тухкимо,— но я скажу.

Пошел он к королю и рассказал обо всем.

— Не отдам тебе дочери,— ответил король,— пока все деревья на болоте не свалишь.

Пошел Запечник к невесте и говорит:

— Велел мне отец твой все деревья на болоте свалить.

— А я что говорила,— отвечает невеста,— но ничего, с этим заданием ты справишься, лишь бы отец чего посложнее не придумал. Иди на болото и свали одно дерево,

а когда оно падать станет, скажи: «Вались, лес, целиком!» — и повалятся деревья.

Пошел Тухкимо на болото, срубил одно дерево и сказал те слова, что ему принцесса подсказала, и повалились все деревья как подкошенные.

Явился он к королю и снова просит руку его дочери.

— Так просто дочку не получишь,— сказал король,— теперь пойди и обратно все деревья на пни поставь!

Вернулся Тухкимо к невесте и говорит:

— Еще хуже задачу король задал — все деревья обратно на пни поставить.

— Так я и знала,— отвечает невеста,— но ничего, и с этим справишься, не придумал бы только отец чего непосильного на третий раз. Пойди подними одно дерево на пень и скажи при этом: «Встаньте все на свои места!» — дело и сделается.

Поступил Запечник, как невеста велела, все деревья на пни встали, и пошел он снова к королю. Но и на этот раз не согласился король отдать дочку, наказав сперва золотые колосья с неба достать.

Пришел Запечник к невесте, голову повесив, и говорит:

— Ох и задал мне король задачу — золотые колосья с неба достать. Как же я их добуду?

— Колосья-то, может, и добудешь, да как бы чего похуже не случилось.

Усадила девушка Запечника на коня и сказала:

— Езжай, пока конь из-под тебя не исчезнет, тут сразу же руками над собой греби и хватай, что в руку попадется.

Отправился Тухкимо в путь и знай себе коня погоняет. Долго он так ехал, пока наконец не исчез под ним конь. Взмахнул парень руками над головой и ухватил золотые колосья, но так они тяжелы были, что упал Запечник и в землю по самую макушку ушел, только немного волос на поверхности осталось.

Долго он так в земле торчал. Прилетел нырок и свил

гнездо в его волосах, яйца снес и стал птенцов высиживать. «Вот незадача, сгноит ведь мне голову»,— подумал парень. Но тут прибежала лиса, согнала нырка с гнезда и стала яйца есть. Схватил Тухкимо лису за хвост, та рванулась и на вершок его из земли вытянула. На другой день пришла росомаха яйцами лакомиться. Снова Запечник за хвост ухватился и еще на вершок из земли поднялся. На третий день медведь вразвалочку трусит, на оставшееся яйцо поглядывает. Схватился Тухкимо за медвежью лапу, и косолапый его совсем из земли выдернул.

Выбравшись, не знает Тухкимо, куда идти,— но не стоять же ему на месте. Пошел он куда глаза глядят, услышал ругань и на шум направился. Драчуны увидали его, обрадовались:

— Ага! Жаркое идет!

Отвечает Запечник:

— Не выйдет из меня ни варева, ни жарева — дорога тяжелая, долгая, все соки выпила!

— Ну, раз на жаркое ты не годишься,— говорят драчуны,— рассуди нас в споре.

— Что же вы делите? — спрашивает Запечник.

— Посох отца-покойника: одним его концом махнешь — врагов одолеешь, другим махнешь — товарищей поднимешь. Рассуди, кому он достанется.

— Как же я вас помирю? — говорит Запечник.— Если одному отдам, другой на меня рассердится. Лучше будет, если мне посох подарите.

— Ладно, забирай и иди своей дорогой,— отвечают драчуны.

Забрал Тухкимо посох и дальше отправился. Недолго и прошагал, опять слышит ссору. Он туда.

— Ага! — его встречают.— Вот нам и жаркое!

Отвечает Тухкимо спорящим:

— Не выйдет из меня ни варева, ни жарева — дорога тяжелая, длинная, все соки выпила!

— Ладно, раз ты на жаркое не годишься,— говорят спорщики,— тогда разними нас.

— Из-за чего же вы спорите?

— Да вот — шапку матери-покойницы поделить не можем. Ее как на голову наденешь, так никто тебя не увидит, где б ты ни был!

— Как же мне вам помочь? — говорит Запечник.— Кому бы я шапку ни присудил, другой на меня рассердится. Лучше мне подарите!

Те, чтобы не спорить больше, отдали ему шапку и сказали:

— Бери на здоровье, иди своей дорогой.

Отправился Тухкимо с волшебной шапкой дальше. Идет и опять шум слышит.

— Ага! Вот и жаркое попалось!

— Не выйдет из меня ни варева, ни жарева,— отвечает Запечник,— дорога долгая, тяжелая, все соки выпила!

— Коли не выйдет из тебя жаркого, рассуди нас!

— О чем же у вас спор?

— Да вот эти старые отцовские бахилы делим. Они, видишь ли, непростые — как наденешь на ноги, иди куда хочешь, никто тебе зла не причинит.

— Трудно вас помирить,— говорит Тухкимо,— одному отдам, другой рассердится. Подарите-ка их мне.

Понравился такой совет спорящим, и отдали они парню отцовские бахилы — раз уж поделить не удалось, то хоть избавились от них да спокойно по домам разошлись.

Забрал Тухкимо бахилы и зашагал дальше. Увидел он в лесу дом, решил зайти. Едва он порог переступил, его снова такими словами встречают:

— Ха! Наконец-то пища сама в дом пришла!

— Мало от меня проку,— отвечает Тухкимо,— дорога долгая, тяжелая, все силы забрала — не кровь, а вода осталась, не мясо, а одни только кости.

— Ну а сам-то ты голоден?

— А как же — шесть месяцев пищи не видел,— говорит Запечник.

Дали ему поесть, поужинал парень и спросил, не знает ли хозяин, где то королевство, куда он путь держит.

— Нет, не знаю,— отвечает хозяин,— но есть у нас дичь лесная, может, она знает.

Собрал хозяин всех своих тварей и спросил у них, но и те о таком королевстве не слышали.

Дал хозяин Запечнику камень и велел хранить его на случай, если какая нужда приключится. Тухкимо камень спрятал, распрощался и ушел. Набрел он вскоре на другой дом. Там его тоже сначала съесть хотели, но, когда он сказал, что поживиться в нем нечем, накормили и спросили, куда он путь держит. Парень долго объяснять не стал, а спросил только, как добраться ему до того королевства, где у него невеста осталась.

— Сами мы о том королевстве ничего не знаем,— ответили хозяева,— но есть у нас звери лесные, может, они что слыхали.

Созвали всех лесных зверей и стали спрашивать, не знают ли они такого государства, но звери о нем ничего не слышали. Дали Запечнику и в этом доме камень, и отправился парень дальше. Пришел он в третий дом. Там тоже о его королевстве не знали, но сказали, что есть у них птицы небесные, у которых спросить можно. Стали хозяева птиц созывать, и сразу же слетелись на двор все, кроме самого большого орла. Спросили у птиц о дальнем королевстве, но никто из них о таком не слышал. Снова стали орла звать, но он опять не явился. Только на третий раз прилетел, но, когда спросили его, ответил, что ничего не знает.

— Все ты знаешь,— говорят хозяева,— да только забот лишних не хочешь.

— Да знать-то я знаю,— отвечает орел,— но больно уж далеко то государство отсюда.

Велели ему хозяева отвезти туда Запечника и пути длинного не пугаться. Получил Тухкимо и в этом доме камень и уселся орлу на спину. Поднялся орел, и полетели они в далекое королевство. Долго летели, одну неделю, другую, и спрашивает орел у Запечника:

— Дали тебе камень в первом доме?

— Дали.

— Брось его в море.

Бросил парень камень в море, и вмиг выросла на этом месте скала; орел отдохнул и снова в воздух поднялся. Летели, летели, опять орел спрашивает, не получал ли Тухкимо и во втором доме камня. Тот ответил, что получил, и велел орел камень в море бросить. Швырнул парень камень в волны, и выросла среди моря скала. Опустился на нее орел, отдохнул и дальше полетел. Снова летят они, летят, опять спрашивает орел у седока:

— Дала ли моя хозяйка тебе камень?

— Дала,— отвечает Запечник.

— Кидай и его в море! — советует орел.

Бросил парень третий камень, и опять в море скала поднялась. Взлетев с последней скалы, сели они уже на другом берегу моря. Орел ссадил на землю Запечника и спрашивает:

— Чем ты мне за службу заплатишь?

Паслись на берегу два быка, указал Запечник на них орлу и говорит:

— Бери любого!

Орел выбрал того, что пожирнее, съел и обратно полетел.

Тухкимо тоже не стал долго на берегу задерживаться, а пошел сразу в королевский замок и, надев шапку-невидимку, пробрался в комнату своей невесты. Видит парень — сидит она вся в слезах, горюет, а жениха не замечает. Посидел Тухкимо немного, слышит — зовет королевна служанку, велит воды из колодца принести. Пошла служанка во двор, а Запечник за ней, и насыпал на дно ведра

зерен из золотого колоса. Пришла служанка с водой в дом, а королевская дочь заглянула в ведро и говорит:

— Нечиста вода, принеси другой!

Служанка второй раз на колодец отправилась, а парень снова следом, и еще больше золотых зерен в воду насыпал. Опять вода девушке не понравилась, приказала еще раз сходить, чистой принести. В третий раз пошла к колодцу служанка, а Тухкимо все золотые колосья в ведро бросил. Увидела королевская дочка колосья на дне и сказала:

— Не прячься от меня, жених мой, рядом ты где-то!

Снял Тухкимо шапку-невидимку и отвечает:

— Я уж давненько тут сижу. А где король, что-то о нем ничего не слышно?

— О, не говори о короле! — вздохнула принцесса.— Он всех солдат своих на войне положил, и сам еще там, не знаю — жив ли, мертв ли. Давно уже от него вестей не было.

— Надо мне королю на помощь спешить,— говорит Тухкимо.

— Не уходи, и так уже долго в походе пробыл,— удерживает его невеста.

Но Тухкимо отвечает:

— Нет уж, надо идти.

Отправился парень на бранное поле. По пути повстречался ему король, мрачнее тучи домой идет. Поздоровался с ним Запечник и говорит:

— Не горюй, ваше величество, пойдем-ка с зятем на поле брани, посмотрим, может, что и исправим!

Отдал он королю бахилы и шапку-невидимку, а сам взял в руку волшебный посох, и пошли они вместе. Вышли на место боя. Неприятель там все еще добычу собирает. Закричал врагам Запечник:

— Есть ли еще кому биться?

— Есть, как не быть! — отвечают ему вражеские солдаты.

Тухкимо махнул одним концом посоха, и поднялись сразу все королевские солдаты, махнул другим концом — все враги на землю повалились. Спрашивает Тухкимо у короля:

— Ну как тебе зять, нравится?

— И не спрашивай! — отвечает король.— Бери мою дочь в жены и полкоролевства в приданое. Долго ты в походе был, много повидал и поумнел здорово!

Тут и сказка вся.

ЧУДЕСНАЯ БЕРЕЗА

Жили муж с женой, и была у них единственная дочь. Пропала однажды овца с пастбища, и пошли отец с матерью ее искать. Разошлись в лесу в разные стороны, и каждый в своем краю ищет. Выходит Сюоятар из лесу старухе навстречу и говорит:

— Плюнь, старуха, в мои ножны, проползи между ногами, обернись овцою черной!

Женщина плевать в ножны не стала и между ног Сюоятар не полезла, но та все равно ее в овцу превратила. Сама обернулась женой и стала мужа звать:

— Эй, старик! Нашлась уже овечка!

Старик ее за жену принял и пошел вместе с Сюоятар домой, радуясь, что овца нашлась. Как пришли они в дом, говорит Сюоятар старику:

— Надо нам, муженек, эту овцу зарезать, чтобы снова от стада не отбилась, в лесу не пропала.

Старик был человек тихий, покладистый, жене никогда не перечил:

— Ладно, так и сделаем.

А дочка как услышала их разговор, сразу побежала к овцам в загон и говорит черной овечке:

— Зарезать тебя хотят!

— Если убьют меня,— отвечает овца голосом матери,— ты похлебки из меня не ешь, мяса не пробуй, а собери все мои косточки и схорони их в поле на меже.

Вскоре вывели овечку из стада и зарезали. Сюоятар наварила гороховой похлебки с мясом и понесла стариковой дочери угощение. Но девушка просьбу матери не забыла, не стала похлебку есть, а собрала все косточки и отнесла их на край поля, на меже схоронила. Выросла на том месте береза, развесистая и красивая.

Прожили они втроем сколько-то времени, и родилась у Сюоятар дочка. Возненавидела колдунья старикову дочь и стала ее изводить всячески. Однажды устроил король в своем замке пир и велел созвать весь народ на угощенье:

Бедных, нищих собирайте,
На конях хромых везите,
А слепых на лодках быстрых.

Созвали всех калек и бездомных, всех сирых и нищих на королевский пир. Собираются и Сюоятар со стариком. Говорит колдунья мужу:

— Бери, старик, доченьку, идите с ней вперед, а я замарашке нашей работу дам, чтобы не скучала тут без дела.

Пошел старик с дочерью Сюоятар в замок, а колдунья в дом вернулась, разломала печь, высыпала в золу четверть овса и сказала падчерице:

— Если к вечеру овес в четверть не выберешь, печь на место не сложишь, съем я тебя!

Отправилась Сюоятар старика догонять, а девушка осталась дома над разломанной печкой плакать. Попробовала она выбирать из золы овсяные зерна, но увидела, что напрасна ее работа, и пошла, печальная, на могилку матери, под развесистую березу. Стала там девушка плакать, горевать, что матушка ее в земле сырой лежит и ничем ей

помочь не может. Поплакала она немножко, а из могилы голос матери доносится:

— Что ты плачешь, доченька?

— Высыпала Сюоятар четверть овса в золу, печь разломала и велела к вечеру все разобрать да на место поставить,— отвечает девушка.— Вот я и плачу, маменька!

— Не надо плакать! — говорит мать.— Отломи от березы веточку, взмахни ею крест-накрест над печкой, все само и сделается.

Девушка так и поступила: махнула над печкой крест-накрест березовой веточкой, и сразу же овес весь в меру собрался, а печка на место стала. Пошла девушка снова к березе и положила ветку на мамину могилку. А мать велела ей забраться на березу, на первом суку попариться, на втором суку ополоснуться, на третьем одеться. Сделала девушка, как матушка советовала, и стала она красавицей, что не было другой такой во всем королевстве. Получила она от матери в подарок платье расшитое и горячего коня, у которого один волос в гриве золотой, другой серебряный, а третьему и названья нет. Вскочила девушка на коня и помчалась в королевский замок, только искры из-под копыт жеребца посыпались.

Въехала она на королевский двор, и сам королевский сын вышел ее встречать, привязал жеребца к коновязи и повел девушку во дворец. Гуляет красавица с королевичем под ручку по дворцовым залам, и весь народ на нее дивится — никто не знает, кто эта красавица, из какого она королевства. Когда принялись гости за угощение, усадил королевский сын девушку рядом с собой во главе стола. Тем временем дочка Сюоятар под столом ползала, кости обгладывала. Королевский сын не посмотрел, кто это там кости грызет, подумал, что собака, да пнул ее ногой, а у той и рука сломалась.

Стала старикова дочь домой собираться, а королевич велел дверной косяк просмолить, и пристал к смоле перстень

с руки девушки. Не стала она за перстнем возвращаться, вскочила на коня и перемахнула на нем через высокие стены замка. Прискакав домой, разделась у березы, там же коня оставила, а сама на печку забралась. Пришли с пира отец с мачехой, и говорит Сюоятар девушке:

— Ты, убогая, все на печи сидишь, а того не видала, каково на королевском пиру было. Королевич дочку мою на руки взял, да уронил бедняжку на пол, у девочки ручка и сломалась.

Девушка-то знала, как все на самом деле было, но промолчала, только подальше на печь забилась.

На другой день король снова народ на пир созывает.

— Эй, старик,— говорит Сюоятар,— поднимайся, собирайся! Снова нас на королевский пир зовут. Бери с собой мою девочку и иди вперед, а я твоей работу оставлю, чтобы не скучала одна дома.

Поломала колдунья печь, высыпала в золу четверть льняного семени и сказала девушке:

— Если к вечеру льняное семя от золы не отделишь да печку не поправишь, убью я тебя.

Девушка снова в слезы. Но вспомнила она про матушку, пошла к березе, на первом суку попарилась, на втором ополоснулась, на третьем ее платье ждало, еще красивее вчерашнего. А под деревом уже конь стоял лучше прежнего. Отломила девушка веточку от березы, пошла в дом, взмахнула веткой над разломанной печью, и все сделалось, как она велела. Вскочила старикова дочь на коня и помчалась в королевский замок. Там уже ее королевский сын встречает, коня к коновязи привязывает, во дворец девушку отводит. Снова неизвестная красавица за трапезой во главе стола сидит рядом с королевичем, а дочка Сюоятар под ногами у гостей кости собирает. Не заметил королевский сын ее под столом, да нечаянно ногу ей перебил.

Собралась старикова дочь с королевского пира домой, а королевич уже дверную притолоку просмолить успел, и

пристал к смоле золотой обруч с головы девушки. Не стала она искать обруч, на коня своего вскочила и понеслась быстрее ветра домой. Оставила у березы коня, одежды свои дорогие и говорит матушке:

— Потеряла я во дворце золотой обруч — пристал он к просмоленной притолоке.

— Да хоть бы и два там оставила,— отвечает из могилы мать.— Я тебе еще краше подарю.

Девушка поспешила домой, и, когда вернулись отец и Сюоятар с пира, она уже на печке сидела. Говорит ей мачеха:

— Ах, убогая, ничего-то ты тут не видишь, а уж мы-то в королевском дворце повеселились! Дочку мою королевич весь вечер на руках по залам носил, да уронил на пол, вот и сломалась у девочки ножка.

Ничего не сказала старикова дочь, сидит себе на печи да помалкивает.

Прошла еще одна ночь, снова утро наступило, будит Сюоятар своего мужа:

— Просыпайся, старик, на королевский пир зовут!

Поднялся старик, Сюоятар дочку свою ему поручает и говорит:

— Возьми с собой ребенка, а я этой бездельнице работу найду, чтобы не скучала без нас.

Опять разломала злая старуха печь и выплеснула на обломки четверть молока. Говорит Сюоятар девушке:

— Если до моего прихода не соберешь молоко в посудину, печь на место не поставишь, худо тебе придется!

Девушка уж и не печалится. Сходила к березе, все дела свои справила и отправилась во дворец, как и в прошлый раз.

Приехала она в замок, а королевич ее во дворе поджидает, коня принимает, во дворец девушку провожает. Снова ее все во дворце привечают, но никто так и не узнал ее, не догадался, откуда такая красавица. За столом она, как и в прошлый раз, с королевичем сидела, а дочка

Сюоятар под столом ползала, кости грызла, так ей кто-то глаз выбил, потому как под ногами путалась.

На этот раз королевич порог просмолить велел, и, когда уходила девушка с пира, пристали к порогу ее золотые туфельки, да так там и остались. Прискакала девушка к березе, разделась и говорит:

— Ой, матушка, потеряла я во дворце свои туфельки!

— Ничего, доченька, будут тебе туфельки еще краше.

Пошла девушка в дом, на печь забралась, а тут и отец с мачехой с королевского пира вернулись. Сюоятар сразу стала девушку дразнить:

— Ах ты, убогая! Видела бы ты, что мы во дворце повидали! Мою доченьку там все на руках носили, да уронили бедную, глаз повредили. А ты тут на печи сидишь, ничего не знаешь.

— Да откуда мне знать,— отвечает девушка,— мне с печкой и молоком работы хватило.

А королевский сын перстень, обруч и туфельки с неизвестной красавицы в сундук спрятал и думает, как их хозяйку найти. Велел он для этого великий пир во дворце устроить, чтобы со всего королевства народ к нему на праздник пришел. Собирается и Сюоятар, дочке своей вместо руки скалку приделала, вместо ноги — рубель, а на место глаза камешек сунула и отправилась с нею в замок. Когда весь народ собрался, выходит королевич во двор и говорит:

— Кому этот перстень впору будет, этот обруч на голову подойдет, а туфельки по ноге придутся, та будет моей невестой!

Стали девушки пробовать, никому не подходит.

— Стариковой дочери еще нет,— говорит королевич,— позовите и ее сюда!

Привели замарашку в замок, и стал ей королевич все эти золотые вещи примеривать, но Сюоятар помешала девушке и говорит королевичу:

— Не давай ей, только в золе дорогие вещи выпачкает, дай лучше моей дочери примерить.

Пришлось королевичу дать перстень дочери Сюоятар. Стала мать своей дочке деревянную руку строгать, пока не подошел перстень. Построгала ей голову — и обруч подошел, построгала ногу — и туфелька впору пришлась. Что тут поделаешь? Пришлось королевскому сыну обещание свое сдержать, и назвал он дочку Сюоятар своей невестой. Постеснялся королевич свадьбу с такой безобразной невестой во дворце играть, и отправились они к Сюоятар.

Пожили в стариковом доме несколько дней, собрались наконец во дворец ехать. Уже за ворота выезжали, как спустилась старикова дочка с печки и, направляясь в хлев, прошла мимо королевича.

— Милый королевич! Не увози моего злата-серебра! — шепнула она ему на ухо.

Узнал тут королевич свою неизвестную красавицу, обеих девушек с собой взял и отправился в замок. Ехали они, ехали, встретилась им на пути речка. Королевский сын бросил дочку Сюоятар в реку, и обернулась та мостком, а сам с настоящей невестой по этому мостку дальше поехал.

Как ни старалась дочка Сюоятар, ничего не могла поделать, даже с места сдвинуться, так мостком над рекой и осталась. Видит, что не может сама спастись, и говорит:

— Пусть из пупа моего дудка вырастет, может, мать моя увидит да про мое горе узнает.

И выросла посреди моста золотая дудка.

Избавившись от дочери Сюоятар, взял королевич старикову дочь в жены, и отправились они вместе к березе на могиле ее матери. Там получили богатые подарки от матушки — три воза золота, столько же серебра да коня красивого и сильного, на котором и поехали в замок. Только отъехали, в тот же миг и береза пропала, ни следа не осталось от дерева.

Жили молодые в счастии и согласии, и вот родила жена

королевичу сына. Дошла весть об этом и до Сюоятар, а та думает, что это ее дочь там у молодого короля в женах, и решила:

— Пойду подарок внучонку на зубок отнесу.

Отправилась Сюоятар во дворец. Подошла она к речке и увидела на мосточке красивую золотую дудку. Стала она ее резать, а из-под мостка голос раздается, жалобно так:

— Не режь мне, матушка, пуповину!

— Ты ли это, доченька? — спрашивает Сюоятар.

— Я, матушка,— отвечает дочь,— в речку меня вместо мостка бросили.

Изрубила Сюоятар мост в щепки и поспешила к королевичу во дворец. Пробралась к его молодой жене и стала ту сманивать:

— Плюнь, проклятая, мне в ножны, на клинок ножа, собака, важенкою стань лесною!

— Опять ты сюда вредить пришла,— сказала женщина и не стала ни плевать, ни другого делать, но Сюоятар ее все равно в олениху превратила и дочь свою женой королевича сделала. Стал ребенок плакать, оттого что молока нет. Понесли его в королевские покои, стали играть с ним, успокаивать, а он все плачет-заливается.

— Что это с ребенком, никак не успокоится? — удивился королевич и отправился к старой вдове за советом.

— Да не твоя это жена,— отвечает вдовушка,— твоя важенкой по лесам бегает, а у тебя дочка Сюоятар супругою, сама колдунья тещею.

— Нельзя ли мне свою жену из леса вызволить? — спрашивает королевич.

— Принеси мне сына,— отвечает вдова,— я завтра пойду с коровами в лес, там под шорох листьев осиновых, в тени ветвей березовых, может, на вольном воздухе и успокоится дитя.

— Ладно, пошли за ребенком, может, и правда в лесу

ему лучше будет,— сказал королевский сын и привел вдову с собой во дворец.

— Почему это ты ребеночка в лес отправляешь? — спрашивает Сюоятар, не хочет мальчика отдавать, но королевич велел старушке-вдове сына забрать и в лес унести:

— Возьми его с собой, может, хоть там плакать перестанет.

Отнесла вдовушка мальчика в лес, увидала на болоте оленье стадо и стала напевать:

Важенка-голубушка,
Иди дитятко кормить,
Свою ягодку поить,
Сын у Сюоятар не ест,
У злой ведьмы не пьет,
Из рожка не сосет,
С ложки кашу не берет.

Подошла к ним важенка, стала ребенка кормить, холить, а к вечеру снова в стадо вернулась и предупредила вдову:

— Завтра утром приноси снова сыночка, и на другой день тоже, а потом придется мне со стадом в другие края уходить, в далекие земли.

На следующий день снова приходит вдова во дворец за ребенком, чтобы в лес его забрать. Не хочет Сюоятар отдавать, но отец говорит вдове:

— Возьми ребенка, пусть на свежем воздухе поиграет, крепче ночью спать будет.

Взяла вдова мальчика на руки и пошла с ним в лес. У края болота снова свою песню запела:

Важенка-голубушка,
Иди дитятко кормить,
Свою ягодку поить.
Сын у Сюоятар не ест,
У злой ведьмы не пьет,
Из рожка не сосет,
С ложки кашу не берет.

Снова важенка из стада приходит и весь день ребеночка кормит, как и в прошлый раз. От материнского молока стал мальчик таким пригожим, что другого такого и на всем свете не сыскать. Задумался королевич, спрашивает у вдовы:

— Нельзя ли как-нибудь важенку снова женщиной сделать?

— Попробуем,— отвечает старушка,— пойди со мной в лес, а как она оленью шкуру сбросит и я ей стану в голове искать, ты тем временем шкуру-то и сожги.

Отправились они в лес втроем. Опять пришла важенка сыночка кормить, как и в прошлые дни. Говорит ей вдова:

— Ты завтра далеко уходишь, я уж тебя не увижу больше. Давай я тебе на прощанье в голове поищу.

Скинула важенка оленью шкуру и положила голову вдове на колени. А королевич тем временем бросил шкуру в огонь.

— Что-то паленым запахло! — сказала женщина, огляделась и увидела своего мужа.

— Что же ты наделал — шкуру мою сжег!

— Я хочу, чтобы ты мне снова женой стала!

— Как же я теперь — голая-то? — сказала женщина и превратилась сначала в прялку, потом в рубель, а напоследок веретеном обернулась, но королевский сын все это поломал, и стала она опять женщиной.

— Неужто ты хочешь, чтобы меня злая Сюоятар съела? — спрашивает она у мужа.

— Теперь не съест,— отвечает муж.

Отправились они вместе во дворец. Придя домой, сказал королевич слугам:

— Выройте под баней яму в три сажени, налейте горячей смолы в нее, сверху красным сукном накройте, а тропинку к бане синим сукном застелите.

Слуги все это сделали, и спрашивает он у дочери Сюоятар:

— Не хочешь ли в баньке попариться?

Та обрадовалась, что муж о ней заботится, и пошла с матерью париться. Вошли они в баню, как только на красный половик ступили, так и провалились в трехсаженную яму с горящей смолой. Но и оттуда успела Сюоятар всей земле проклятие выкрикнуть:

— Пусть на земле черви будут вечно людям вредить, а в воздухе кровососы летучие!

Вот такая сказка.

ТРИ СЕСТРЫ

Давным-давно жили три сестры — две умницы, а третья попроще, но все они были красавицы. Неожиданно умерли у них родители, и пришлось сестрам идти в услужение, чтобы как-то себя прокормить. Собрались старшие в королевский замок, места искать, хотела и младшая с ними пойти, но сестры-гордячки не пожелали ее с собой взять и, оставив девушку дома одну, отправились вдвоем.

Шли они, шли по дороге, повстречали свинью у корыта. Говорит им свинья человеческим голосом:

— Девушки хорошие, уберите вы от меня корыто, а то я все ем да ем, скоро лопну!

— Вот еще! — отвечают сестры.— Будем мы в свином пойле руки марать! — и дальше направились.

Повстречалась им корова с подойником на рогах. Просит их корова человеческим голосом:

— Девушки милые, снимите с рогов моих подойник да подоите меня. За труды свои молочка попейте, остатки мне на ноги вылейте, а подойничек повесьте обратно.

— Некогда нам,— отвечают сестры,— в королевский замок надо спешить,— и пошли своей дорогой.

Идут дальше, а навстречу старик ковыляет и говорит им:

— Девушки хорошие, поищите у меня в голове, дам вам за труды посошок.

— Вот еще! Не пристало нам за такое дело браться, мы в королевский замок идем! — сказали сестры и дальше пошли.

Добрались они до места и стали при королевском дворце служанками.

Тем временем младшая у окошка вздыхает: «Надо, наверное, и мне отправляться, что дома-то высидишь, может, хоть свиней пасти возьмут», — и тоже пошла к королевскому замку. Шла она, шла, повстречала на дороге свинью-обжору, которая корыто с пойлом просила убрать. Помогла ей девушка и дальше отправилась. Немного и прошла, как встретилась ей корова с подойником на рогах и говорит:

— Девушка милая, подои ты меня, попей молочка в награду, остатки мне на ноги плесни, а подойник обратно повесь.

— Помогу я тебе, коровушка, помогу,— ответила девушка, подоила корову и сделала все, как та просила.

Отправилась она дальше. Навстречу — старичок ковыляет, на палку опирается. Поздоровался он с девушкой и говорит:

— Поищи-ка, доченька, у меня в голове, дам тебе свой посох за труды.

Девушка на просьбу не обиделась, на обочине присела и поискала у старичка в голове. Поблагодарил ее дедушка за работу, протянул свой посох и промолвил:

— Береги, доченька, этот посошок, а как придешь к королевскому замку, ударь им по той скале, что у самых ворот, и получишь все, что пожелаешь.

— Спасибо вам за подарок! — сказала девушка, взяла у старика посох и отправилась в замок, где и пристроилась свинопаской.

Нашла девушка своих старших сестер, поздоровалась

с ними ласково, да только те на нее крепко рассердились и стали потешаться над ней, службу ее грязную высмеивать. Но младшая все стерпела и, сколько бы сестры над ней ни издевались, слова грубого им не сказала.

Настало воскресенье; отправились старшие сестры в церковь, а младшую оставили дома еду готовить, но дали ей всего одно зерно и один боб. Опечалилась девушка, не знает, как из такой малости обед сварить. Пошла на кухню, поставила котел с водой на огонь, села и заплакала. Вдруг появился на пороге тот старичок, что посох ей подарил, и говорит:

— Не плачь, доченька, иди в церковь, а я тем временем обед сварю.

Побежала девушка во дворец отпрашиваться. Отпустили ее в церковь, и пошла она сначала к заветному камню. Ударила по скале посохом, явились пред ней прекрасные лошади и карета и красивое шелковое платье. Нарядилась девушка и отправилась в церковь. Там ее красоту все прихожане заметили; стали гадать, что это за прекрасная барышня и откуда она взялась. Когда служба кончилась, хотели люди получше разглядеть красавицу, но та быстро вскочила в карету и укатила. Подъехала она к скале, сбросила с себя богатые одежды, переоделась в свое рогожное платье и пешком вернулась в замок. Старичок тем временем уже обед сварил, оставалось только на стол накрыть, и, когда сестры из церкви вернулись, не за что им было свинопаску ругать — все было приготовлено на славу. Стали тогда сестры хвастаться перед младшей, чтобы хоть как-то ей досадить:

— Мы-то в церкви были, а тебя, замарашку, и не пустят туда; мы-то видели там принцессу-красавицу, а ты тут ничего не видела.

Девушка промолчала, пошла себе свиней кормить. Неделя минула, и снова настало воскресенье. Опять старшие сестры в церковь собрались, а младшую дома оставили, но

старик и на этот раз взялся обед приготовить, и девушка, отпросившись у своего господина, отправилась следом за сестрами. Стукнула она посохом по камню, и появилась перед ней серебряная карета и лошади. Переоделась девушка в серебряное платье и поехала. Оказался в тот день в церкви молодой король; приметил он прекрасную незнакомку. Захотелось ему узнать, кто она такая, откуда. Стала девушка из церкви выходить, он за нею, да не догнал — красавица уже укатила.

Снова прошла неделя, и в третье воскресенье старшие сестры опять ушли в церковь, оставив младшую дома, но та, получив у господина своего позволение, пошла к камню, как и в прошлый раз. Стукнув по скале посохом, оделась она в золотое платье, взяла с собой денег, села в золотую карету и подъехала к церкви на вороной упряжке. Молодой король уже поджидал красавицу, и, как только девушка зашла в церковь, велел он своим слугам порог просмолить, чтобы остался на нем какой-нибудь след незнакомки. Не знала девушка, что порог смолой вымазан, и, выходя после службы, наступила на него. Туфелька к дегтю прилипла и соскочила у нее с ноги. Тут весь народ за ней бросился, но девушка развязала кошелек и стала деньги горстями по обе стороны рассыпать. Люди кинулись собирать с земли золото, один только молодой король не остановился, а поскакал вслед за каретой. Девушка не успела у камня и одежду золотую с себя снять — натянула только сверху рогожные лохмотья и пробралась в замок неузнанной.

Король, не догнав девушку, вернулся к церкви, взял с порога золотую туфельку и, когда собрали людей во дворе замка, сказал:

— Та, кому впору эта туфелька будет, станет моей женой!

Все девушки кинулись туфельку примерять, но всем она мала оказалась. Старшие сестры тоже вовсю старались —

ноги себе обстрогали, пальцы изрезали, чтобы туфельку надеть, но ничего у них не вышло. Говорит король:

— Позовите сюда свинопаску, кто знает, может, на ее ногу туфелька подойдет?

Странными показались людям слова короля, да как тут ослушаешься — позвали замарашку, велели мерять. Надела она туфельку, а та словно по ее ноге шита. Но когда нагибалась девушка, сверкнули из-под рогожи золотые одежды, заметил это король. Сняли королевские слуги лохмотья с девушки, и предстала она в великолепном наряде. Поняли, что она-то и есть та незнакомка, которая приезжала в церковь, а король сразу же ее руки попросил. Стали во дворце свадьбу играть, и весь народ веселился, только старшие сестры не могли праздновать — ноги-то они себе испортили.

Тут и сказка вся.

ДЕВУШКА НА СЕРЕБРЯНОЙ ЦЕПИ

Жили старик со старухой, и были у них сын да дочь, оба очень красивые. Пошел как-то брат службу искать и поступил к королю пастухом. Сестра же осталась в родительском доме, и брат по ней очень скучал, все родной дом вспоминал.

Однажды на пастбище нарисовал парень сестру на трутовике[1] и взял с собой во дворец. Увидел случайно королевский сын картинку, и, поскольку девушка была так нежна и красива, что ни в песне спеть, ни словами сказать, попросил он у пастуха ее руки и сказал парню:

— Если сестра твоя так же красива, как этот портрет, пусть придет она в мой дворец, и я ее в жены возьму, а ты будешь с нами жить, на королевских харчах.

---

[1] Трутовик — губка березовая, род гриба, растущего на гнилых стволах.

Отправился пастух домой и стал сестру уговаривать:

— Собирайся, сестра, поедем со мной — станешь женой королевского сына, во дворце будешь жить.

Но девушка упирается, отвечает:

— Нет, дорогой брат, пока не сотру я батюшкин жернов — не покину родительский дом.

Пошел тогда брат в амбар, жернов на кусочки искрошил, сложил кое-как и ждет сестру. Пришла девушка молоть, а жернов и рассыпался.

— Пойдешь ли теперь, сестра? — спрашивает брат.

— Нет, не пойду,— отвечает сестра,— покуда скамью матушкиной прялицей[1] не перетру.

Что делать? Сестра на улицу вышла, а парень тем временем скамью изрубил на части; когда девушка вернулась в дом и стала прясть, скамья сразу и развалилась.

— Ну теперь-то пойдешь во дворец?

— Не пойду, прежде чем не сотру родительскую ступу в порошок!

Брат и ступу разломал на куски и спрашивает:

— Теперь пойдешь?

— Нет, дорогой брат, пока родной порог под подолом моим не рассыплется, никуда я из дому не уйду!

Брат тайком от девушки порог изрубил и спрашивает:

— Ну теперь-то пойдешь, сестра?

Что поделаешь, пришлось девушке идти, достала она из амбара лучшее платье и отправилась с братом в путь.

До дворца дорога шла морем, и когда они от пристани отчаливали, прибежала собачка Пятнашка и попросилась с ними в лодку. Девушка пожалела собачку, взяла с собой, и поплыли они к королевскому замку. Гребут по морю, видят — Сюоятар на мысу стоит, рукой им машет:

— Возьмите меня в лодку!

— Возьмем? — спрашивает парень у сестры.

---

[1] Имеется в виду донце прялки, на которой сидела пряха.

— Не бери,— отвечает девушка.— От худого худо будет, зло от злого человека!

Не взяли, гребут дальше, поравнялись с другим мысом. Сюоятар уже там стоит и кричит путникам:

— Возьмите меня с собой!

— Взять ли ее, сестра, в лодку? — спрашивает брат.

— Лучше не бери,— говорит девушка.— От худого худо будет, зло от злого человека.

Не взяли и на этот раз, дальше гребут. Поравнялись с третьим мысом. Снова Сюоятар на мысу стоит и кричит путникам:

— Возьмите меня в лодку!

Сестре не хочется ее брать, говорит она брату:

— Не надо!

Но брат решил все же подвезти женщину и отвечает сестре:

— Придется взять, это богу угодно.

Как только Сюоятар в лодку прыгнула, уселась посередине и лишила брата с сестрой слуха, обоих глухими сделала. Через некоторое время показался вдали королевский замок, и крикнул с кормы парень своей сестре:

— Подними, сестра, голову, поправь украшения — королевский дворец уже виден!

Сестра не расслышала, что брат сказал, и спрашивает:

— Что ты сказал, милый брат?

А Сюоятар с середины лодки за него отвечает:

— А вот что твой милый братец говорит: перестань грести и прыгай в море.

Девушка в море не прыгнула, но грести перестала, а Сюоятар на ее место села.

Проплыли еще сколько-то, брат снова говорит:

— Подними, сестра, голову, поправь украшения — королевский дворец уже близко!

— Что ты, милый братец, сказал? — спрашивает девушка.

Опять Сюоятар за парня отвечает:

— Говорит твой милый брат, чтобы ты разулась-разделась да в море прыгала.

Разделась девушка и отдала свое платье колдунье, но в море не бросилась. Еще ближе королевский замок, в третий раз говорит парень сестре:

— Подними, сестра, голову, поправь украшения, совсем уже близко королевский дом!

И на этот раз сестра не расслышала, опять переспрашивает:

— Что ты сказал, брат мой милый?

— Говорит твой милый братец,— снова обманывает девушку Сюоятар,— выколи глаза себе, сломай руки, прыгай немедля в море!

— Видно, придется мне единственного брата послушаться,— решила девушка и кинулась вниз головой в пучину, думая, что это брат ей так велел.

Парень бросился было за ней, но Сюоятар его остановила:

— Не беспокойся, я вместо нее буду!

Взялась она за весла и давай грести что есть силы. Девушка в волнах одна осталась, да скоро и потонула — не видать, не слыхать ничего. Что теперь делать? Боязно парню во дворец без невесты возвращаться, хотел уже домой поворачивать, но хитра была Сюоятар, уговорила его:

— Отвези меня в замок, сестрой своей назови, вот и минует тебя королевский гнев, еще и награду получишь.

Парню делать нечего, лучшего придумать не может, да и согласился. Облачилась Сюоятар в нарядное девушкино платье, чтобы во дворец в рогоже не являться, и стали они дальше грести. Добрались до места, и выходит королевский сын их встречать, невесту свою приветствовать, да как увидел уродливую Сюоятар, спрашивает у брата:

— Это что — и есть твоя сестра?

— Она самая.

Королевич принял Сюоятар, как свою невесту, слово свое сдержал, но, поскольку оказалась она не красавицей, а уродиной, рассердился он на парня и приказал:

— Бросьте-ка, слуги, этого обманщика к змеям-гадюкам за то, что такую красавицу-невесту мне привез!

Слуги брата под руки подхватили и швырнули к змеям-гадюкам на съедение, как настоящего преступника. Пришли наутро смотреть, а он жив-здоров. Являются слуги к королевскому сыну, докладывают:

— Чудеса, да и только, королевский сын! Раньше, бывало, за ночь начисто змеи-гадюки человека съедали, а нынче самая старшая гадюка этого парня только обнимает да баюкает!

— Пусть он там еще до завтра пробудет — небось съедят! — ответил королевич и велел на следующее утро еще раз сходить посмотреть.

А настоящая сестра пастуха, девушка-красавица, тем временем в море живет, с сыном морского владыки помолвлена. Хорошо ей там, добра разного сколько душа пожелает, но жалко ей брата, что страдает он в королевской темнице из-за злой колдуньи. Вышила сестра златом-серебром красивый платок и попросилась отнести подарок сыну королевскому, чтобы освободил тот брата из змеиной ямы. Отпустили девушку платок королевичу отнести, но приковали к серебряной цепи, чтобы не убежала.

Между тем Пятнашка вокруг замка бегает день-деньской, не знает, к кому притулиться, хозяйку потеряла, и никто ее не кормит. Настал вечер, совсем Пятнашка-бедняжка изголодалась, побежала к берегу, где лодка их была причалена, воды с нее полакала и улеглась на дне спать.

Рядом стоял дом одной старой вдовушки, а от дома спускались каменные ступени в море. В полночь поднялась по ним из пучины сестра-утопленница в серебряных око-

вах — за пять верст звон слышался — и присела на верхней ступенечке. Была она такая же красавица, как и прежде, и одежды на ней были прекрасные — сверкает на платье золото, ленты серебром переливаются. Заметила она свою собачку в лодке, позвала к себе, сунула в зубы платок и сказала:

Ты крадись, крадись, Пятнашка,
Дверь открой, толкни калитку,
Чтоб никто тебя не слышал,
Чтобы дверь не верещала,
Не скрипели бы ворота,
Телка черная б молчала.

— Отнеси королевскому сыну в изголовье этот платок, может, освободит он брата моего из змеиной ямы.

Собака хозяйкин наказ выполнила, пробралась неслышно во дворец и положила в изголовье у спящего королевича золотой платок. Той же дорогой обратно вернулась и прибежала к хозяйке на берег моря. Увидала девушка, что Пятнашка вернулась, снова она к ней обратилась:

Ты крадись, крадись, Пятнашка,
Подходи и отвечай мне:
Где теперь мой милый братец?

Пятнашка отвечает:

Милый братец твой в темнице,
Среди змей-гадюк ужасных!

Спрашивает девушка:

Что за новости у сына
Королевского в покоях?

Отвечает ей Пятнашка:

Вот что я могу поведать:
Сюоятар в твоей кровати,
С женихом твоим в постели.

Спрашивает еще девушка:

Чем на свадьбе угощали,
Сюоятар как пировала?
Чем гостей своих встречала?
Чем кормила людоедка,
Чем поила кровопийца,
На пиру своем колдунья?

Говорит в ответ Пятнашка:

Кость от мяса, хвост от рыбы,
Листья жухлые от репы,
Корки жженые от хлеба —
Вот чем потчевала ведьма!

— Приходи, Пятнашка, на следующую ночь на берег, ты мне еще понадобишься,— сказала девушка, бросилась со ступеней в море и вернулась обратно в дом к морскому владыке.

Наступило утро, проснулся королевский сын и заметил у себя в изголовье платок. Удивился он и говорит жене:

— Откуда это здесь такой чудесный платок появился?

Сюоятар начинает мужа обманывать:

— Подумаешь, чудо! Это я тебе платки узорчатые вышиваю, пока ты всю ночь спишь-почиваешь.

Но не поверил ей королевич и подумал про себя: «Не твоя это работа, такого за ночь не сделаешь».

Порасспросил он всех людей в замке, не приходил ли кто ночью в королевские покои, но ничего не выведал. Никто платка своим не признал, и осталось дело невыясненным. Вспомнил королевский сын о брошенном к змеям юноше и велел слугам пойти кости убрать — за ночь наверняка его гадюки съели. Сходили слуги в темницу, возвращаются обратно и говорят:

— Не съели еще. Старшая змея на хвосте его укачивает.

Удивился королевич, ничего не понимает. Пошел он к той вдове, что у моря жила, и спрашивает:

— Ты скажи мне, добрая женщина, что за чудо такое — бросил я пастуха к змеям-гадюкам, и уже две ночи они его не трогают, а раньше, бывало, за ночь человека съедали?

— За что же ты его туда посадил? — спрашивает вдова.

Отвечает королевский сын:

— Взял я красивого парня в пастухи, и рассказал он мне, что у него сестра есть, еще красивее. Попросил я его привезти девушку мне в невесты. Привез пастух сестру, но та оказалась уродиной, и велел я бросить его к змеям-гадюкам, а сестру все же в жены взял, слова своего не нарушил.

— Не сестра она ему,— говорит вдова.— Его сестра на дне морском, оттуда прислала она тебе платок в изголовье, надеясь, что ты ее брата пожалеешь. А жена твоя — злая колдунья Сюоятар.

Получив от вдовы такие известия, вернулся сын короля домой и весь день думал, пока не наступила снова ночь. Девушка опять отпросилась из моря подарок королевичу отнести — рубашку, серебром и золотом вышитую. Заковали ее в серебряные цепи и отпустили на берег. В полночь поднимается она из пучины — на пять верст звон слышен — и садится на верхней ступеньке каменной лестницы. Платье на ней все серебром-золотом переливается. Обращается девушка к собачке:

Ты крадись, крадись, Пятнашка,
Дверь открой, толкни калитку,
Чтоб никто тебя не слышал,
Чтобы дверь не верещала,
Не скрипели бы ворота,
Телка черная б молчала.

— Отнеси в изголовье королевичу эту рубашку.

Взяла Пятнашка рубашку в зубы и доставила ее в спальню королевского сына, как и было велено. Проснулся наутро королевич и увидел в изголовье золотую рубашку, удивился и спрашивает у жены:

— Кто это мне такую рубашку под подушку положил?

— О муж мой любимый!— говорит Сюоятар.— Само-то я дремлю, а руки мои работают — они и шьют, и вяжут, а ты все спишь-посапываешь.

Тут и слуги явились, докладывают:

— Дорогой господин, королевский сын! Все еще жив парень среди змей да гадюк, все еще старшая змея его на хвосте баюкает!

— Ну, выпустите его, раз не едят змеи,— отвечает королевич. Он приказал слугам выйти, надел на себя найденную утром рубашку и отправился снова к старушке-вдове, думая про себя: «Не моей это жены работа, она такого не умеет». Пришел он к вдове и говорит:

— Ты скажи мне, добрая вдовушка, что за чудо такое — прошлой ночью в изголовье моем платок вышитый появился, а нынче вот эта золотая рубашка?

— Да и впрямь чудо, сынок,— отвечает вдова,— вторую ночь выходит из моря прекрасная девушка на мое крылечко, платье ее золотом сверкает, серебром переливается, и такая она красавица, такая красавица, что ни в песне спеть, ни словами сказать. Второй раз приносит она для тебя подарочек. Это и есть твоя настоящая невеста, а та, что ты за жену почитаешь,— злая колдунья Сюоятар.

Захотелось королевскому сыну взглянуть на ту, которая ему такие подарки приносит, и говорит он вдове:

— Как бы мне поймать эту красавицу, если она еще раз из моря покажется?

— Должна она еще последний подарок тебе принести,— отвечает вдова,— но потом придется ей стать женой сына морского владыки. Сходи-ка ты в кузницу, вели кузнецам выковать тебе крепкую косу да длинную железную цепь и приходи сюда ночью стеречь. Как увидишь, что девушка из моря на берег выходит, сразу ее цепью опутай, а косою обруби оковы, что за нею из моря тянутся. Но не отпускай

ее, кем бы она ни обернулась, все косой секи, и станет она наконец опять человеком.

Пошел королевский сын в кузницу, выковал там себе косу и цепь и под вечер спрятался у каменных ступеней, намереваясь красавицу подстеречь.

Ждет-пождет он, все нету никого. Наконец в самую полночь слышится издалека серебряный звон, и выходит из моря девушка, такая красавица, что и в песне не спеть. Садится она на ступенечку и с собачкой заговаривает:

— Ты крадись, крадись, Пятнашка, отнеси эти расшитые штаны к изголовью королевского сына!

Выскочил тогда королевич из укрытия и бросился к девушке, как вдова учила. Красавица сразу в море попыталась кинуться, но королевич начеку был, опутал девушку железною цепью, не дал ей сбежать. Схватил затем косу и порубил серебряные оковы, так что те обратно в море упали. Девушка опять от него убежать старается, то в червя ползучего обернется, то в комара, то в ящерицу. И змеей-то она была, и веретеном, и скалкой, но королевский сын всех тварей косой посек, не отпустил, пока не стала она снова девушкой, такой же прекрасной, как и раньше.

— Что вы от меня хотите, королевский сын? Все равно меня Сюоятар съест...— сказала девушка.

— Не бойся,— отвечает королевич,— ей во дворце недолго осталось жить, а ты с единственным братом своим встретишься, я уже освободил его.

Отвел он девушку в дом к старой вдове, где и провели они ночь. Утром оставил королевич красавицу на попечение старушки, а сам отправился в замок. Спрашивает его жена:

— Где-то бродит мой муженек, о хозяйстве своем не заботится?

— Не беспокойся, не оставлю тебя более,— говорит королевский сын, а сам слугам приказывает:— Истопите железную баню. Под порогом выройте яму в три сажени, налейте туда смолы и зажгите, а сверху положите красный

половик, а от порога бани до самого дворца синее сукно постелите, по нему и отведете жену мою в баню.

Слуги все исполнили в точности и повели злую Сюоятар париться, как и принято вести жену королевича: кто подол за ней несет, кто под ручку поддерживает. Пришли к двери бани, а Сюоятар и говорит:

— Не надо меня дальше вести, я сама на порог прыгну, а оттуда на полок.

Но слуги не пускают ее, уговаривают словами ласковыми:

— Единственной жене королевского сына только по гладкому мостку, по красному сукну ступать!

Шагнула Сюоятар на красный половик, а слуги мигом сукно из-под ног ее выдернули, и свалилась колдунья в кипящую смолу, да там и осталась. Но, сгорая, выдрала она клок волос с головы, швырнула из ямы и крикнула:

— Станьте, волосы, гнусом назойливым, тварями скользкими, червями могильными, всем людям на мучение вечное!

Избавившись от Сюоятар, привел королевич во дворец ту красавицу, что из моря вышла, и назвал своей невестой. Стали в замке свадьбу играть. Брата красавицы сделал королевский сын своим первым помощником и отдал ему половину своего богатства за то, что такую красивую сестру привез.

Вот и сказка вся.

ДЕВЯТЬ ЗОЛОТЫХ СЫНОВЕЙ

Жили три сестры. Гуляя как-то в лесу, разговорились они между собой. Старшая сказала:

— Я могу из трех зерен войску обед сварить.

Средняя похвалилась:

— А я из трех льняных нитей могу войску одежду сшить.

Младшая промолвила:

— А я за три раза девять сыновей своему мужу рожу.

Случилось королевскому сыну в ту пору в лесу гулять, услышал он девичьи разговоры и подумал про себя: «Вот кого мне надо в жены взять — ту, что обещалась за три раза девять сыновей родить». Взял он девушку с собой в замок и женился на ней.

Прожили они вместе какое-то время, и забеременела молодая жена, а в срок разрешилась тремя сыновьями, да такими красивыми, что других таких и не сыскать:

От запястья ручки в золоте,
По колено ножки в се́ребре,
На макушке ясно солнышко,
На щеках сияют месяцы,
А на плечиках — ясны звездочки.

Послали за повитухой. Идет посланный по дороге, встречается ему Сюоятар и говорит:

— Куда идешь?

— Повитуху ищу.

— Возьми меня,— просится Сюоятар.

— Отчего ж не взять, если пойдешь,— отвечает слуга и просит Сюоятар за ним следовать.

— Погоди маленько,— говорит Сюоятар,— надо мне домой забежать, подожди меня здесь.

Слуга остался ждать, а Сюоятар тем временем взяла в лесу трех воронят в подол и вернулась на дорогу. Отправились они вместе в замок. Там отвели Сюоятар сразу же детей купать, но та, как только осталась наедине с матерью, подменила чудесных мальчиков на воронят и отнесла их во дворец с такими словами:

— Есть тут кого мыть — трех никчемных воронят!

— Ну, что поделаешь, хоть жену в баню отведи,—

сказал королевский сын, но сам крепко опечалился, что жена стала воронят рожать.

Повели роженицу в баню, как было велено, а Сюоятар тем временем трех ее сыновей отнесла в чистое поле, на зеленую ниву, и спрятала под белым камнем.

Снова живут-поживают в королевском дворце, много ли, мало ли времени проходит — опять понесла женщина и в положенный срок родила трех сыновей, да таких красивых и пригожих, что:

От запястья ручки в золоте,
По колено ножки в сéребре,
На макушке ясно солнышко,
На щеках сияют месяцы,
А на плечиках — ясны звездочки.

Снова послали за повитухой, как и в прошлый раз, и опять слугам на дороге Сюоятар встретилась, помощь свою предлагает. Не хотели посланные ее брать, но Сюоятар сошла с дороги, сделала крюк по лесу и снова им навстречу выходит:

— Возьмите меня в повитухи!

Слуги на этот раз не узнали ее и взяли с собой в замок.

— Погодите, я сначала домой загляну,— сказала Сюоятар, побежала в лес, нашла там трех галчат и взяла их с собой.

В замке пришла она к женщине, мальчиков-то вымыла, да только сразу же и спрятала, а галчат отнесла в подоле во дворец и сказала королевичу сердито:

— Есть тут чего купать, одни только галчата никудышные!

Приказал королевский сын жену прибрать как следует и сказал:

— Что поделаешь, хоть жену в баню отведите.

Сюоятар наготове была, и, как только повели женщину

в баню, колдунья мальчиков сразу же в чистое поле, на зеленую ниву унесла, да под белым камнем спрятала.

А королевич сильно опечалился, что стала жена ему птенцов приносить, и не знал, как такому горю помочь. Жена все терпит, не говорит правды королевичу, боится, что Сюоятар ей за это еще хуже сделает. Вот и холит вороньих птенцов да галчат, как своих детей. Что ж тут поделаешь?

Прошло еще сколько-то времени, развеялась грусть королевича, и снова жена забеременела. Проходила тяжелой сколько положено, да и родила снова трех сыновей, таких красивых, таких пригожих, что:

От запястья ручки в золоте,
По колено ножки в сéребре,
На макушке ясно солнышко,
На щеках сияют месяцы,
А на плечиках — ясны звездочки.

Послали опять слуг повитуху искать, и снова случилось с ними то же, что и в прошлый раз. Повстречалась по дороге Сюоятар и спрашивает:

— Куда шагаете?

— Повитуху ищем.

— Возьмите меня,— говорит Сюоятар.

Не пожелали слуги ее взять, дальше пошли. А колдунья с дороги свернула, крюк по лесу сделала и снова им навстречу вышла. Опять в повитухи просится.

— Ну пошли, коли пойдешь,— сказали слуги и взяли ее с собой.

Сюоятар сказала им, что домой зайдет, подобрала в лесу трех сорочат и принесла их в подоле в замок. Отвели ее к роженице, а та двоих сыновей под платок спрятала. Удивилась Сюоятар, видя только одного мальчика, и говорит женщине:

— Всегда вы троих сыновей рожали, почему же в этот раз одного только?

— Да видно, так богу угодно было, чтобы один родился,— ответила женщина, и пришлось Сюоятар с ней согласиться.

Вымыла она этого одного мальчика и спрятала, а сорочат отнесла во дворец и сказала сердито:

— Вот еще, мыть этих чертенят, сорочат никудышных!

— Ну ладно, что поделаешь,— сказал королевский сын,— отведите-ка жену в баню!

Повели женщину в баню, а Сюоятар тем временем достала мальчика из прятки и отнесла в чистое поле, на зеленую ниву, под белым камнем спрятала.

Задумался королевич, что же с женою делать, раз стала она только птенцов рожать. Долго думал, наконец решил от нее избавиться, и, когда привели бедную женщину из бани, приказал он ее заковать в железную бочку и бросить в море, чтобы не было ему больше от нее горя.

Качает бедную женщину синее море, носит по волнам бочку целых три года, уже подросли те два мальчика, которых она у себя под платком спрятала. Стало им тесно и скучно в бочке, захотелось на белый свет взглянуть. Вдруг заколотило море бочку еще сильнее, но не знают мать с сыновьями, отчего это — не видно ведь им, что снаружи делается. Догадались только, что о что-то твердое бочка бьется. Стали сыновья бога молить, просить его о милости:

— Господи всемилостивый, разбей нашу железную бочку, выпусти нас на день твой ясный взглянуть, воздухом свежим подышать.

Едва произнесли они это, как распалась бочка, развалилась на все стороны. Огляделись сыновья с матерью и увидели, что оказались они на острове посреди моря. Поблагодарили бога за помощь и отправились вдоль берега. Говорят между собой братья, прикидывают:

— Как же нам жить здесь, на пустом безлюдном острове?

Вынырнула вдруг щука из воды и говорит:

— Распори-ка мне, сынок, живот!

— Не буду я тебе живот распарывать,— отвечает парень.— С чего бы это я тебя убивать стал?

— Распори-распори,— говорит щука,— есть у меня в животе кое-что.

Не хотел парень и на этот раз щуке живот разрезать, но та все его уговаривает:

— Делайте, как я вас учу! В животе у меня есть синий платочек и яичко, они вам очень пригодятся. Возьмете тот платок, махнете им крест-накрест над землей, и в тот же миг для вас покои поднимутся. А если тем платочком воду у берега перекрестите и скажете: «Пусть будет здесь каменный мост через море до самого королевского замка», сразу такой мост и появится. А яичко храните, в свое время оно вас от лихой беды выручит.

Ну, сделали братья, как их щука наставляла, махнули синим платочком, и выросли на острове хоромы красоты сказочной, а от берега до королевского дворца каменный мост через море перекинулся.

Что им не жить теперь на острове? Живут себе, как прежде, в королевских покоях. А дворец на острове как звезда сияет. Увидел королевич из окошка сияние, захотелось ему узнать, кто это там поселился, да спросить не у кого.

Случилось как-то нищему идти берегом моря, и увидал он каменный мост от берега. Отправился нищий по мосту, шагает, шагает, вот уже остров впереди видится, и словно звезда яркая на нем горит, глаза слепит. Он все дальше идет, пока до острова не добрался, и увидел там золоченые палаты. Зашел странник во двор, на крыльцо поднялся, и встретила его красавица-мать с двумя сыновьями.

Накормили гостя хозяева, напоили, как принято, а когда собрался странник уходить, братья его до самого моста проводили.

Добрался старик до берега и пошел к королевскому

замку и стал там во дворе милостыню просить. А королевич в это время у окошка сидел, на прохожих поглядывал. Заметил он среди прочих нищего старика и спрашивает у него:

— Откуда, старик, путь держишь?

— О, дорогой королевич! — отвечает нищий.— Знал бы ты, где я был, не сидел бы дома.

— Ну и где же ты был? — снова спрашивает королевский сын.

Говорит тогда старик:

— Пошел я берегом моря от твоего дворца вон в ту сторону и набрел на каменный мост через море. Пошел я по тому мосту, долго шагал, пока не добрался до острова, а на острове дворец стоит, а в нем трое жителей — мать с двумя сыновьями, такими красавцами, что:

От запястья ручки в золоте,
По колено ножки в сéребре,
На макушке ясно солнышко,
На щеках сияют месяцы,
А на плечиках — ясны звездочки.

Там меня накормили-напоили досыта, ухаживали так, как за тобой здесь во дворце не ухаживают, да еще в обратный путь до самого моста меня братья проводили.

Выслушав нищего, подумал королевский сын: «Не моя ли это жена с сыновьями на острове живет?»

— Я и раньше не раз удивлялся, что это там за дворец сверкает,— говорит нищему королевич,— да не знал по сию пору, кто в нем живет. Как бы мне туда попасть, чтобы на хозяев поглядеть?

— Да ничего нет проще,— отвечает нищий,— если отправиться пожелаешь, то прекрасный мост к твоим услугам, а я тебя до места провожу.

Отправились они по мосту, старик дорогу показывает, королевич следом идет, и добрались до острова. Видит королевский сын хоромы золоченые, входит в дом и здоро-

вается. Посидел, помолчал и начал мальчиков расспрашивать:

— Из каких же это земель вы сюда прибыли?

Отвечают братья:

— Дак с вашей земли и прибыли. Сидели мы в бочке, и стало бочку о камни колотить, а мы и знать не знаем, где находимся. Господа просим, чтобы разбил нашу бочку. Он помог нам в беде, рассыпалась бочка, и оказались мы на этом острове. Пошли берегом вокруг острова, между собой разговариваем, как нам жить на этой голой земле. Вдруг щука из моря выплыла и велела ей живот вспороть. Не хотели мы поначалу ее убивать, но она все нас уговаривала, и сделали мы так, как она просила. Нашли мы в ее животе синий платочек и яичко. Платок этот нам очень помог — как махнули мы им крест-накрест, так сразу и каменный мост, и палаты золоченые появились.

Выслушав мальчиков, заплакал королевич и сказал:

— Это все я натворил, я в ваших страданиях виноват! Вы сыновья мои!

Подошел он к матери мальчиков, обнял ее и говорит:

— Ты жена моя, я муж твой, а это дети наши!

Узнали они друг друга, и пошло тут веселье несказанное. И промолвил тогда королевич:

— Пойдемте, сыночки, в королевский дворец, где вы и родились.

Взял он с собой жену и сыновей, и пошли они по мосту к берегу. Один из братьев достал из кармана синий платочек, махнул им крест-накрест на палаты, и те вмиг исчезли, а перейдя по мосту через море, махнул на мост — и тот пропал. А как добрались они до замка, закатили сразу пир в честь нашедшихся сыновей и жены королевича.

Начали они жить-поживать, как и прежде. Проходил день, наступал другой, мир и счастье царили в доме королевского сына. Но узнали однажды юноши от матери, что были у нее еще сыновья, которых Сюоятар сгубила, и стали

они по братьям тосковать. Не сиделось им больше дома, и начали они мать свою молить:

— Матушка родимая, отпусти ты нас родных братьев искать!

Не хотелось матери последних своих детей лишаться, попыталась она их остановить и сказала:

— Сыночки мои, не ходите, себя погубите!

Но братья все не отстают от нее, и до тех пор упрашивали, пока не отпустила их мать со словами:

— Ну раз уж вам так сильно хочется, идите, дети мои! Благословляю вас в дальний путь!

Стали братья в дорогу собираться, а мать молока из грудей нацедила, лепешки на нем замесила, испекла и дала с собой.

Вот отправились они наконец в путь, идут день, идут неделю, видят в одном месте орла на верхушке сухого дерева. Поссорились братья из-за этого орла. Один говорит:

— Сейчас я его застрелю! — и лук свой на него наводит.

А другой не дает ему стрелять, отговаривает:

— Не стреляй, брат, на что он тебе, все же он живой красивее!

Но первый брат не слушает второго, уже готов стрелу пустить, как вдруг молвит орел:

— Не стреляй, сынок, я тебе добром отплачу!

Удивился парень словам орла, опустил лук, но вскоре опомнился, снова стрелу навел и говорит:

— Что же он мне может хорошего сделать?

— Не убивай красивую птицу,— снова уговаривает второй брат.

Не выстрелил первый и на этот раз, но затем опять вспылил и в третий раз поднял лук. Уже было спустил тетиву, как опять орел те же слова говорит:

— Не стреляй, сынок, я тебе добром отплачу!

— Что же хорошего ты мне сделать можешь? — спросил парень, но лук все же опустил.

— Да мало ли что в пути случится,— ответил орел с верхушки дерева.

Не стал парень больше его пугать, спрятал стрелу в колчан, и отправились братья дальше. Через какое-то время выходят они на берег моря. Остановились и думают.

— Как же нам теперь на тот берег попасть? — спрашивает тот брат, что хотел орла убить.

— Вот то-то и оно,— отвечает другой сердито,— почему орла тревожил, меня не слушался?

— Я бы убил его, если бы ты, трус, не помешал,— говорит тот еще сердитей,— пусть-ка теперь летит на помощь, раз обещал. Если он и вправду добр и честен, пусть перенесет нас через море на тот берег.

Не успел он договорить, как опустился с неба орел, сел рядом с братьями и говорит:

— Полезайте, братья, мне на спину, перевезу я вас через море.

Парни на спину ему забрались, и поднялся он в небо. Летит все дальше, поднимается все выше, наконец говорит:

— Велико ли море вам кажется?

— Да не больше крышки от кадки,— отвечают братья.

Орел крылья сложил, камнем вниз бросился и упал вместе с седоками в море, но так, что только забрызгал братьев немножко. И сразу стал вновь подниматься, еще выше залетел и снова говорит седокам:

— А теперь большим ли море вам кажется?

— Да как решето,— отвечают, дрожа от страха, братья,— не больше.

Кинулся орел опять в море и на этот раз с головой окунул своих седоков в воду, но тут же взлетел и стал еще выше в небо подниматься. Наконец поднялся на самую страшную высоту и опять спрашивает:

— Велико ли на этот раз море кажется?

— Ох, не велико! — отвечают в ужасе братья.— Не больше сковородки будет.

В третий раз орел вниз бросился и глубже прежнего под воду нырнул, так что совсем у братьев сердце замерло, но долго их под водой не держал, а снова в воздух поднялся и больше уж высоко не взлетал, так над волнами и нес до самого берега. Потом ссадил орел их на песок и сказал тому брату, который убить его хотел:

— Ты как стал, сынок, в меня целиться, мне так же страшно было, как тебе, когда я в первый раз в море бросился. А когда ты второй и третий раз на меня лук поднимал, мне так страшно было, что я света белого не видел, вот и для тебя третий раз самым ужасным показался. Теперь я свое слово сдержал, через море вас доставил, идите, куда пожелаете!

Отправились братья бродить наугад по незнакомым землям и долго плутали в темных лесах. Идут, идут, а куда — не знают. Вспомнилось одному брату яичко, которое в животе у щуки было, и говорит он другому:

— Дала нам щука яичко, сказала, что поможет оно в трудную минуту, вот пусть теперь и выручает!

Достал яичко из кармана и покатил по тропочке. А оно как покатилось вперед, так и бежит, не останавливается, а братья за ним. Шли, шли они за яичком и пришли в густой сосняк, а там сидит на сосне старый ворон и спрашивает у них:

— Куда идете, ребята?

— Идем мы, ворон-птица, братьев своих искать,— отвечают юноши,— не знаешь ли ты, где они?

— Не знаю я про то, ребята,— говорит птица,— но если прямо пойдете, увидите дом — может, там знают, где ваших братьев искать.

Поблагодарили братья ворона за совет, снова яичко перед собой покатили и пошли за ним, пока не увидели указанный птицей дом. Зашли парни в избу, поздоровались и сели на лавочку. Спрашивает их хозяйка:

— Откуда, гости, будете?

— Оттуда-то и оттуда,— отвечают,— отправились мы братьев искать, не знаете ли вы, где они?

— Я думаю, ваши братья на нашей земле,— отвечает хозяйка.— Семеро юношей над морем весь день лебедями летают, а на ночь тут неподалеку в одном доме собираются и превращаются опять в людей. Если пойдете отсюда в этот дом, наверняка их там найдете.

Обрадовались братья, услышав такие вести. Больше ни минуточки не стали они задерживаться, распрощались с хозяйкой и бегом за яичком побежали. Вскоре оно остановилось, и когда огляделись братья, то увидели дом, о котором женщина говорила. Вошли они в избу, на лавку сели, а хозяйка их спрашивает:

— Откуда вы, сыночки?

— Да вот,— отвечают братья,— половину жизни своей уже по свету ходим, братьев разыскиваем, не здесь ли они живут?

— Кончились ваши скитания,— говорит хозяйка.— Братья ваши все дни лебедями над морем летают, а под вечер к нам ночевать возвращаются, лебединые перья во дворе сбрасывают и входят в дом юношами. Если дотемна подождете, то увидите их, но только не показывайтесь им раньше времени, а то испугаются они и улетят. Спрячьтесь, а когда они придут, идите во двор и сожгите все лебединые перья, и станут ваши братья навсегда людьми.

Очень обрадовались парни словам хозяйки. Стали они, вечера дожидаясь, с ней разговаривать. Наконец, когда солнце уже к западу клонилось, услышали они словно ветра шум, и опустилась на двор лебединая стая. Сбросили лебеди свои перья, обернулись мужчинами и вошли все вместе в избу. Забеспокоились сразу вошедшие и говорят хозяйке:

— Что-то как будто маминым молоком в избе пахнет,— и стали по углам искать.

Два младших брата настороже были и сразу во двор

выскочили. Взяли они там лебединые перья и в огонь бросили, как им женщина посоветовала. Проник запах дыма в избу, удивились семеро братьев:

— Отчего это гарью пахнет? — и бросились на улицу поглядеть. Как увидели они свои перья лебединые серым пеплом по земле развеянными, испугались сильно и побежали хозяйке рассказывать:— Что же это такое, хозяюшка, сжег кто-то наши перья!

Тут заходят в избу два младших брата, остальные к ним обернулись и спрашивают:

— Что вы за люди и почему наши перья сожгли?

— Да мы же ваши родные братья,— отвечают те.— Половину жизни вас искали, и вот нашли наконец.

Стали они друг друга расспрашивать да выведывать, признали старшие братья младших и обнялись с радостью. Вся ночь прошла в разговорах, до самого утра друг другу жизнь свою рассказывали. Наутро распрощались братья с хозяйкой и отправились все вместе домой. Перед дорогой достали младшие братья испеченные матерью лепешки и говорят остальным:

— Попробуйте-ка этих лепешек, на материнском молоке замешенных!

Те попробовали лепешек и отвечают:

— Ох и много же прошло времени с тех пор, как угощались мы маминими лепешками, ведь расстались мы с ней, даже молока материнского не попробовав!

Покатили братья перед собой яичко и шли за ним до самого королевского дворца, где веселье поднялось великое, так что и словами не рассказать. Король так обрадовался, что не знал, что делать от счастья, и устроили во дворце великий пир, который длился много дней подряд.

Вот и вся сказка.

ДЕВУШКА В КОРОЛЕВСКОМ САДУ

Жили старик со старухой, и было у них двое очень красивых детей — дочь да сын. Отец был уже стар, заболел внезапно и умер. Вскоре после смерти мужа занемогла и мать и совсем плоха стала. Когда почувствовала она близкую смерть, позвала она детей к своей постели и сказала им:

— Живите, дети, в согласии между собой, а я уже свое отжила!

Едва успела мать с детьми попрощаться, как умерла, и остались брат и сестра в родительском доме одни хозяйство вести. Жили они дружно и безбедно, но вскоре скучно стало брату и захотелось ему жениться. Поведал он об этом сестре и сказал:

— Благослови меня, сестрица, в дорогу, пойду я невесту себе искать.

— Пойди, братец, пойди,— сказала сестра и пожелала ему счастливого пути.

Распрощался брат с сестрой и отправился за своей долей. Повстречалась ему в пути Сюоятар, и, не узнав злую колдунью, посватался парень к ней. Привел он ее в родительский дом, и стали они вместе жить. Поначалу все у них хорошо шло, так что лучше и не бывает. Хоть и была у парня молодая жена, но сестру свою он любил, как и прежде, и велел ей по-прежнему хозяйство вести.

Не понравилось это Сюоятар, зло ее взяло, что не дают ей в доме хозяйничать. Однажды решил брат на охоту пойти, зашел к сестре и сказал:

— Благослови меня, сестра, в дорогу, хочу я в лес пойти, поохотиться.

— Иди, братец, иди,— ответила сестра, и отправился брат в лес, жене слова не сказав.

Еще больше разозлилась Сюоятар, что ушел муж без ее ведома в лес, и стала на его сестру зуб точить.

Пока муж в лесу был, пошла Сюоятар в хлев и перерезала там всю скотину — и лошадей, и коров, и овец, а когда увидела, что муж возвращается, выбежала к воротам встречать его и сказала:

— Пойди, пойди к своей сестрице, попроси у нее благословения — она тут без тебя всех коров зарезала, всех овец, лошадей, и всю живность, что в доме была!

— Что ж, пусть режет! — ответил муж.— Она хозяйка,— и не стал больше об этом говорить.

Прошло немного времени, снова брат в лес собрался, у сестры благословения попросил, а жене и слова не сказал. Жена взяла и всю посуду в доме на куски разбила, оставила только туесок, ложку и берестяной коробок. Увидела она, что муж из лесу возвращается, встретила его на дороге и говорит:

— Спроси-ка еще у сестрицы благословения — всю посуду она в доме перебила, только и оставила что туесок, ложку, да берестяной коробок!

Парень и на этот раз не рассердился, сказал только:

— Пусть бьет, не чужое, поди.

Прошло еще несколько дней, опять брат в лес уходит, с сестрой прощается, а жене ничего не говорит. А Сюотаяр, пока муж в лесу был, сына родила, да и задушила его сама, а когда муж домой вернулся, опять все на сестру свалила и сказала:

— Вот какое сестры твоей благословение — единственного твоего сына убила, которого я тебе родила!

Разгневался наконец брат на сестру, поверив наветам Сюоятар, и задумался: «Как же мне ее, несчастную, наказать — убить или из дому прогнать, за то, что такое творить стала?»

— Я для нее хорошее наказание придумала,— говорит жена,— поедем все вместе по ягоды, а там ей руки отрубим и бросим одну в лесу.

Муж ничего на это не ответил, так у него на душе

плохо было, и велел жене делать, как знает. Отправились они на лодке по ягоды на остров. Пособирали там ягодки какое-то время, и говорит брат сестре:

— Воротись-ка, сестрица, на берег, лодку мы на сушу не вытащили, как бы ветер не унес.

Пошла девушка с братом на берег и подтянула немного лодку, а парень схватил топор и прямо на борту руки ей отсек. Оставил он бедняжку на пустынном острове, а сам с женой домой воротился.

Девушка видит, что жива осталась, и решила идти куда-нибудь, не сидеть же на одном месте. Идет по острову и плачет. Заблудилась девушка и вдруг видит прекрасный сад. Зашла она в ограду и присела в тени дерева отдохнуть. Там прожила девушка много дней, собирая губами полянику вокруг себя да подбирая своими обрубками корочки от плодов, которые птицы, лакомясь дарами чудесного сада, с деревьев сбрасывали.

А сад этот, в котором девушка жила, принадлежал королевскому сыну. Приснилось однажды королевичу, что будто бродит он по своему саду и находит там прекрасную девушку. Проснувшись утром, вспомнил он свой сон и отправился посмотреть сад, в котором уже давно не бывал. Стал королевич гулять под деревьями и вдруг видит в тени молоденькую девушку, губами собирающую ягоды с земли. Удивился королевич, увидев в саду своем девушку, поздоровался с ней вежливо и спросил:

— Кто ты, безрукая девушка, и как попала ты в мой сад?

Увидев королевского сына, испугалась несчастная и не посмела ему ответить, а только подальше под деревья спряталась. Королевич подошел поближе, пригляделся к девушке и узнал в ней ту, которую во сне видел. Красивая девушка, стройная, только руки у бедняжки обрублены и глядит печально. Стал он с девушкой ласково разговаривать, та осмелела потихоньку и рассказала королевичу,

как стала безрукой и, заблудившись, оказалась в этом саду.

Выслушав рассказ девушки, подошел к ней королевич совсем близко и сказал:

— Милая девушка, много же ты горя повидала! Будь невестой моей, отведу я тебя во дворец и возьму в жены.

Но девушка ответила:

— Не дразни меня, королевский сын, все равно ты неправду говоришь!

— Нет, правду,— сказал королевич,— пойдем со мною, девушка, пойдем!

А несчастная все сомневается и говорит:

— Не надо меня, калеку, дразнить!

Королевский сын все уговаривает ее, все упрашивает, согласилась наконец девушка. Взял ее королевич на руки и отнес во дворец. Придя домой, пошел он к своим родителям и сказал им:

— Благословите меня, батюшка и матушка, вот какую красавицу мне Господь в жены послал.

Поглядели родители на невесту, убедились, что она и красавица, и в обхождении приятна, да и согласились на женитьбу сына. В замке сыграли свадьбу, и женился сын короля на безрукой девушке, которую нашел в своем саду.

Стали они жить в счастии и согласии, и весь народ в замке дивился на красоту и доброту молодой жены королевича. Такой прекрасной и ласковой женщины никогда еще во дворце не видывали — одно только плохо, что рук у нее не было.

Случились как-то у королевича важные дела, нужно было в другой замок ехать, и пришлось ему оставить молодую жену, хоть и была она в ту пору беременна. В пути остановился он ночевать в том доме, откуда его жена была родом. Брат ее с женой Сюоятар жили все еще там, как и прежде. Вот сидит королевич в избе, отдыхает, а Сюоятар ему говорит:

— Не истопить ли баньку путнику?

— Да не плохо бы попариться с дороги,— отвечает королевский сын и собирается в баню.

Пока он там парился, примчался из дворца гонец с письмом, что родился у королевича сын, такой красивый, что другого такого на земле нет:

Руки в золоте от локтя,
Серебром сверкают ноги,
На макушке светит солнце,
На щеках луны сиянье,
Звезды на плечах искрятся,
На груди горят светила,
А на спинке — Семизвездье.

Выхватила Сюоятар письмо у гонца, прочитала скоренько и, как увидела, о чем там говорится, бросила письмо в огонь, а взамен написала подметное, в котором сказано, что щенка родила жена королевича. Вернулся королевский сын из бани и прочел послание, да так опечалился, что заплакал и долго ничего сказать не мог. Оправился наконец немного и написал ответ, в котором приказывал: «Кто бы там у жены ни родился, до моего возвращения берегите обоих — и мать и дитя». Но Сюоятар и ответ перехватила, в печь бросила, а взамен написала, чтобы мать и дитя немедля заковали в железную бочку и бросили в море. Отдала колдунья письмо гонцу, а тот поспешил во дворец и передал письмо королю. Великая печаль воцарилась во дворце. Весь народ жалел молодую мать, и даже старый король заплакал, рассказывая невестке о письме:

— Приказано тебя, милая, вместе с сыном в бочку заковать и в море бросить, и даже я тебе, несчастной, помочь не могу! Придется сделать, как велено, хоть и тяжело мне на душе.

Что ж, погоревала женщина о своей судьбе да о сыне, которому суждено в тесной бочке сгинуть, да делать нечего, раз муж так велел. Приказал старый король большую железную бочку изготовить, положить в нее всякой про-

визии в достатке, и бросили женщину с сыном в море.

Носят волны бочку по морю, носят целых три года, уже подрос сын, силы набрался. Начало вдруг бочку колотить обо что-то, но не знают узники причины, и говорит сын:

— Нет ли у тебя, матушка, иголки какой, проковырял бы я в бочке дырку да посмотрел, что там такое.

— Есть,— ответила мать и дала сыну иголку.

Взял мальчик иголку, стал ею ковырять, и до тех пор ковырял, пока дырку не просверлил. Посмотрел сын в дырочку и увидел камень посреди моря, о который бочка колотится. Говорит он матери:

— Выбью я, матушка, дно у бочки, выберемся мы из этого тесного жилища и на камень поднимемся.

— Не делай этого, сынок, утонем мы в море! — отговаривает мать, но сын уже ногой в днище ударил и разбил-таки бочку.

Выбрались пленники из своей железной темницы и на скале расположились. Но камень был пологий и скользкий, и высокая волна слизнула мальчика в море. Загоревала мать, когда пропал в волнах единственный сын, но что поделаешь — сама еле-еле держится на скользком камне. Стала она богу молиться:

— Отпусти ты меня, Господи, на берег, раз уж в живых оставил!

Налетела с моря высокая и крутая волна, обрушилась на камень, белую пену разбрызгивая, и, подхватив женщину, отнесла ее к берегу, где выбросила наконец на песок.

Сидит женщина на прибрежной гальке, плачет — не знает, что ей одной делать на пустынном берегу. В то время плавала вдоль берега щука, попала в расщелину между камней и выбраться не может. Женщина поймала ее своими обрубками, но щука вдруг заговорила с ней по-человечески:

— Не убивай меня, добрая женщина, развею я твою печаль!

— Вдоволь уже меня веселили на этом свете,— сказала грустно женщина, но щуку отпустила в море.

Говорит ей щука из воды:

— Не горюй, добрая женщина! Пойдешь вдоль бережка, найдешь между скал клок пены морской. Вымой этой пеной свои культи, и заново у тебя руки вырастут, а как погладишь эту пену здоровыми руками, вернется к тебе утонувший сын.

Женщина так и сделала. Помыла она пеной обрубки, и сразу же выросли у нее руки, а как прикоснулась к пене здоровыми пальцами, появился перед ней утонувший сын, которого она уже за мертвого считала.

— Ух! Целую неделю проспал! — сказал, очнувшись, мальчик.

— Что ты, сынок, не одну бы ты неделю спал, если бы не я!— ответила мать и рассказала, как ей щука в беде помогла.

Пошли они вдоль морского берега, долго шли, не разбирая дороги и не встречая человеческого жилья, пока не вышли к одиноко стоящему дому. Зашли путники в избу, а это оказался родной дом женщины, и ее брат с женой там до сих пор жили.

Королевский сын, который в ту пору как раз в торговой поездке был, тоже свернул на ночлег к этому знакомому уже дому, и, когда зашли женщина с сыном, он уже в избе сидел. В доме жену королевича никто не узнал, так как почернела она от невзгод и горестей, да и платье на ней было старое и разорванное. Женщина же всех сидящих в избе сразу узнала и тихонько сыну шепнула, что тут все их близкие собрались. Хозяева гостей за нищих приняли, но очень удивились мальчику, поскольку был он так красив, что и словами не рассказать:

Руки в золоте от локтя,
Серебром сверкают ноги,
На макушке светит солнце,

На щеках луны сиянье,
Звезды на плечах искрятся,
На груди горят светила,
А на спинке — Семизвездье.

А парень смело по избе расхаживает, всех сидящих рассматривает, и при каждом его шаге вся комната сиянием озаряется. Стали брат женщины и королевский сын его расспрашивать:

— Расскажи-ка, сынок, сказку, ты много всякого должен знать, всю землю, поди, обошел.

— Что ж, расскажу я вам сказку,— ответил мальчик,— только надо дверь стеречь, чтобы не вошел никто и не вышел.

Поставили у дверей стражу и велели мальчику рассказывать. Тот на стражников у двери посмотрел, подсел к своей матери и поведал их горестную историю. Поняла Сюоятар, к чему он клонит, и велела замолчать мальчику, но мать на запрет не посмотрела и досказала все до конца.

Тут всем ясно стало, что она и есть жена королевича. Удивился муж, откуда у нее руки появились,— ведь раньше она была безрукая. Рассказала женщина и про то, как ей щука помогла, и все стало яснее ясного. Какое тут веселье в доме брата началось — такого нигде и не видывали! Все вместе отправились с королевичем во дворец и стали там жить, а Сюоятар к лошадиным хвостам привязали и смертью лютою казнили.

Вот и сказка вся.

СЕСТРА ИЩЕТ БРАТЬЕВ

Жили в одной деревне муж и жена. Девять сыновей у них уже родилось, а дочки все не было. Сердились братья на родителей, что не могут им сестру родить.

А когда мать снова понесла, решили братья, что опять будет мальчик, и ушли из дому в глухой лес, поставили там избу и стали жить. Плохо им было без хозяйки управляться, и вот снарядили они одного брата в родной дом узнать, кто там на свет появился — девочка или мальчик. Но к тому времени мать еще не разродилась, и сын сразу же вернулся обратно в лес, наказав напоследок матери:

— Как родишь, так повесь знак у ворот: если будет девочка, то прялку, а если парень — топорище. Если увижу я у ворот топорище, то и в избу заходить не стану, от вереи назад поверну, ну а будет прялка — войду в дом и мать с отцом и сестру дорогую с собой заберу.

В тот же вечер родила женщина девочку и повесила у ворот прялку, как было условлено, но глухой ночью прокралась к воротам Сюоятар и вместо прялки повесила на столбе топорище. Тем временем братья отправили гонца к отчему дому поглядеть на условный знак у ворот. Тот как до места добрался и увидел топорище на столбе, крепко запечалился, даже к родителям не зашел, а сразу вернулся к братьям и рассказал им все как есть.

С тех пор о девяти братьях ничего не слышно было, так они и жили в лесу, отдельно от всех людей, а родители с дочерью, как и прежде, в старом доме дни коротали.

Когда дочь повзрослела, рассказала ей мать про то, как из-за злой колдуньи Сюоятар девять ее братьев навсегда ушли из дома. Затосковала девушка, загоревала, и утром плачет, и вечером слезы льет, а все ей легче не становится. Пыталась мать ее успокоить, от слез отвлечь, да все без толку — не унимается печаль девушки, не высыхают на глазах ее слезы. Наконец убедилась мать, что ничем дочку не утешить, набрала она в миску дочкиных слез, муки намешала, испекла лепешку и подает ее девушке с такими словами:

— Не плачь больше, доченька! Найди ты себе верного спутника да отправляйся братьев искать.

Была у девушки собачка Пятнашка, такая преданная своей хозяйке, что ни на шаг от нее не отставала, и стала дочка мать просить:

— Отпусти меня, маменька, с Пятнашкой братьев искать — лучшего товарища мне и не надо.

Делать нечего, благословила мать дочку в дальнюю дорогу, дала ей с собой лепешку, что на девичьих слезах замешена, напоследок сказала, чтобы перед собой ее катила и следом шла. Это, мол, и будет верная дорога.

Отправилась девушка со своей собачкой в путь, покатила перед собой данную матерью лепешку:

— Ты катись, катись, лепешка,
К девяти родимым братьям,
Одной матерью рожденным!

Так и пошла девушка за лепешкой, да недалеко успела уйти, как догнала ее Сюоятар и за ней увязалась. Пошли они вместе, и вскоре разморила их жара, тяжело стало идти — погода стояла самая сенокосная. Случилось рядом с тропинкой ламбушке быть, вот и говорит Сюоятар девушке:

— Пойдем, доченька, искупаемся, уж больно стало жарко!

Девушка уже было согласилась, но Пятнашка ее не пускает:

— Не ходи, хозяюшка, купаться, погубит тебя Сюоятар!

Послушалась девушка собачку, не пошла с колдуньей в воду. Разозлилась за это Сюоятар на Пятнашку, пнула ее и сломала бедняжке лапку. Жалко стало девушке свою верную собачонку, но боялась она Сюоятар, не посмела ничего сказать, а только покатила перед собой лепешку и пропела:

— Ты катись, катись, лепешка,
К девяти родимым братьям,
Одной матерью рожденным!

Покатилась лепешка по тропинке, девушка с колдуньей следом, а Пятнашка не отстает, на трех ногах ковыляет за ними. Вскоре снова подошли к ламбушке, опять Сюоятар начинает девушку сманивать и говорит:

— Пойдем, доченька, ополоснемся в ламбушке, легче будет потом дорога!

Девушка уже собралась за колдуньей идти, но Пятнашка снова хозяйку предупредила:

— Не ходи, милая, купаться, погубит тебя Сюоятар!

Послушалась девушка Пятнашкиного слова и раздумала купаться, не пошла и Сюоятар, но на собаку разозлилась пуще прежнего, а поскольку ничего другого не могла придумать, снова бедную Пятнашку пнула, да так, что у той и вторая лапка сломалась. Совсем стало девушке на сердце тяжело, но что же она со злой колдуньей сделать может – опять толкнула перед собой лепешку и пропела:

— Ты катись, катись, лепешка,
К девяти родимым братьям,
Одной матерью рожденным!

Отправились они за лепешкой дальше. Сюоятар уже думала, что избавилась от собачонки, но та все ковыляет на двух лапках и на ходу говорит девушке:

— Если я помру, хозяюшка, ты помни мои слова, не ходи с проклятой старухой купаться — погубит она тебя.

Так прошли они еще немного, опять на пути ламбушку встретили, и начинает Сюоятар девушку сманивать:

— Пойдем, доченька, окунемся в прохладной ламбушке, не то совсем нас жара замучает!

Но девушка Пятнашкино предостережение помнила и опять отказалась. Снова разозлилась Сюоятар на собаку и третью ногу ей перебила, чтобы не было больше от нее помехи, но та и на одной лапке за хозяйкой поскакала. Так добрались они до четвертой ламбушки, и снова не позволила Пятнашка девушке с колдуньей выкупаться. На

этот раз Сюоятар не на шутку рассвирепела, схватила палку и так стукнула собаку по голове, что у той и дух вон. Девушка никак собачке помочь не могла, потому что сама колдунью боялась, и только лепешку свою дальше толкнула да за ней пошла. Через какое-то время опять набрели они на маленькую ламбушку, и снова стала Сюоятар девушку купаться звать, на жару жаловаться. Девушка уже и сама от зноя сомлела, и, поскольку Пятнашки рядом не было, забыла она предостережение своей верной собачки, разделась на бережке и прыгнула вслед за Сюоятар в воду. Плывет Сюоятар девушке навстречу и говорит:

— Плесни мне, доченька, водицы на глаза, а потом я тебе плесну.

Не понравилась девушке эта затея, но Сюоятар так ее уговаривала да приставала, что все же добилась своего. Тогда и она в свою очередь плеснула воды девушке в глаза, сказав: «Мой облик тебе, твой облик мне!»— ведь девушка была стройна и красива, а Сюоятар стара и уродлива, как и подобает колдунье.

И вот стала красавица на старуху похожа, а та, наоборот, превратилась в прекрасную юную девушку. Отняла Сюоятар у своей спутницы голос и разум, чтобы обман никогда не раскрылся, и отправились они после купания дальше. Толкнула Сюоятар лепешку, на девичьих слезах замешенную, и сказала те слова, что от девушки слышала:

— Ты катись, катись, лепешка,
К девяти родимым братьям,
Одной матерью рожденным!

Покатилась лепешка по тропинке до самого дома девяти братьев и во дворе остановилась. Сюоятар ее в торбу спрятала, вошла вместе с девушкой в дом. Посидели они немного, и спрашивают у них братья:

— Издалека ли гости пожаловали?

Тут-то девушка все бы и объяснила, да не сумела бедняжка — ведь не было у нее ни голоса, ни разума,

и пришлось ей промолчать. А Сюоятар, у которой было обличье красивой девушки, отвечала братьям:

— Здравствуйте, братья мои милые, я — ваша сестра родная, вашей матушки десятый ребенок, которого вы и не видели!

Братья в толк взять не могут, удивляются:

— Но почему же тогда у ворот топорище было повешено, если мать дочку родила?

— Подменили,— объясняет Сюоятар,— какой-то злой человек подменил. Мама-то прялку повесила, да вот ночью кто-то вместо нее топорище к столбу прицепил. А когда я стала взрослой девушкой и услышала от мамы, как из-за этого обмана вы навек из дому ушли, захотелось мне вас, моих родимых братьев, увидеть, и стала я матушку просить, пока не отпустила она меня вас разыскивать. Те слезы, что, по вам тоскуя, я наплакала, собрала мама в посудину, намешала туда муки и испекла мне подорожную лепешку, наказала перед собой ее катить, чтобы на путь указывала. Я и делала все по маминому совету, и вот я здесь, а лепешка, на моих слезах замешенная,— вот она, возьмите, братья!

Соврала все это Сюоятар, а братья и поверили ей, что она их родная сестра, стали ее как сестру привечать. Спросили только:

— Для чего же ты эту дурнушку с собой привела?

— В большом доме работа найдется, хоть пастушкой будет,— ответила, не смутившись ничуть, Сюоятар, и больше о девушке речи не было.

Уж это ли не горько было девушке, что не могла даже с братьями поздороваться, но что поделать, если Сюоятар и голос и разум отняла, оставалось только слушать, как она врет-заливает. А колдунья вскоре стала в доме хозяйничать, всем заправлять, а настоящей сестре приходилось днями долгими скотину в лесу пасти да всякие мучения терпеть. Рано утром провожала Сюоятар девушку

до развилки и давала ей там голос и разум, чтобы могла со скотиной управляться, а вечером на том же месте встречала и обратно отбирала и разум, и голос. Долго жила так девушка в доме своих братьев, а Сюоятар все время ее мучила. Когда пекла ей лепешку с собой на выгон, то в середку запекала камень, по краям только слегка тестом обмазывала и такую пищу давала бедняжке в лес на целый день. А до чего же хорошо самой Сюоятар жилось! Обличьем-то она была пригожа, братья в ней души не чаяли, берегли как зеницу ока, ни в чем не отказывали, если только могли ее желание исполнить. Пастушка же была такая безобразная, что вряд ли стали бы ее братья в доме терпеть, если бы Сюоятар нарочно ее для своей утехи не держала. Пока девушка дома была, вечером да ночью, не было у нее ни голоса, ни разума, а когда со скотиной по лесам бродила, снова становилась такой же разумной, как и прежде. Там плакала она над своей судьбой и пела жалобно:

— Ты за ельник скройся, солнце,
В березняк скорей упрячься,
Закатись за можжевельник,
Отпусти пастушку с луга!
Сюоятар моя хозяйка,
Госпожою — злая ведьма,
В хлеб мой камни запекает,
Гальку гладкую в лепешки:
Я об камень нож сломала,
О булыжник затупила,
В доме родственников милых,
Девяти родимых братьев,
Одной матерью рожденных!

Работая в поле, братья часто слышали с пастбища эту песню и дивились тому, что пастушка в лесу песни поет, а дома и слова не вымолвит, но, поскольку девушка была такой безобразной, что им и видеть ее не хотелось, так и осталось дело невыясненным. Но вот однажды вечером, когда погода стояла безветренная и теплая, младшему

брату, валившему в это время лес на пожоге, показалась песня пастушки такой красивой и притягательной, что решил он пойти посмотреть, действительно ли это их дурнушка так хорошо поет. Бросил он свою работу и пошел на голос. Вскоре нашел он пастушку на лужайке и спрашивает у нее:

— Отчего ты, девушка, в лесу так поешь красиво, а дома слова не вымолвишь?

— Да ведь я ваша настоящая сестра! — отвечает девушка.— А та, которую вы за сестру почитаете — злая колдунья Сюоятар, хитростью она мое обличие забрала, а меня такой вот сделала, да еще разум и голос отняла, чтобы не рассказала я вам о ее обмане. Только отправляя меня в лес, возвращает она мне голос и разум, чтобы могла я скотину пасти, а вечером у развилки встречает и снова отнимает.

Выслушав девушку, поверил ей младший брат, понял всю хитрость Сюоятар. Обнял он сестру, расцеловал, хоть и была она безобразна, и побежал за остальными братьями. Собрались все девять братьев вместе, девушка снова рассказала им про то, как ее Сюоятар обманула и как с тех пор мучила. Братья на радостях стали обнимать сестру и жалеть ее за то, что столько ей пришлось ради них вынести, а злой колдунье поклялись отомстить за ее мучения. Но сначала решили вернуть сестре ее прежний облик и не дать Сюоятар снова отобрать у девушки разум и голос. И так и эдак прикидывали, наконец придумали: отправиться девушке домой среди бела дня, глаза руками закрыть и причитать,— болят, мол, а тут и братья на помощь подоспеют и выведут Сюоятар на чистую воду.

Так девушка и сделала, пошла в тот день домой пораньше, и Сюоятар не встретила ее на развилке, а девушка пробралась в дом с голосом и в полном разуме. Спрашивает ее Сюоятар сердито:

— Ты чего это среди бела дня с выгона вернулась?

— Не могу я больше по лесам бродить, глаза мои болят! — ответила пастушка и застонала жалобно.

Тут вошли братья в комнату, стали девушку жалеть, говорят Сююятар:

— Милая сестрица, плюнь бедняжке в глаза, чтобы не болели да чтобы могла она работать хорошенько.

Не решилась Сююятар свою ненависть к пастушке при братьях показывать, и пришлось ей плюнуть девушке в глаза. А та настороже была и сразу сказала заклятье:

— Забери свое обличье, мне мое отдай тотчас же!

Вмиг стала настоящая сестра милой и пригожей девушкой, а злая Сююятар превратилась в безобразную старуху, какой и была на самом деле.

Стали думать, как колдунье отомстить. Затопили баню, под полом вырыли глубокую яму, набросали туда горящего смолья и закрыли сверху досками так, чтобы огонь наружу не пробивался, а тропинку до бани и пол застелили черным сукном, чтобы ловушки видно не было. Когда все дела закончили, пошли двое старших братьев звать Сююятар в баню, вроде как они все еще за сестру принимают, но та, видно, что-то заподозрила, стала отказываться, сказала, что нет у нее желания сегодня париться. Братья стали ее упрашивать, и наконец согласилась Сююятар. Повели ее в баню по черному сукну да под ручки. Как дошли до порога бани, не захотела Сююятар дальше по сукну идти, говорит:

— Прыгну я отсюда на припечек, а оттуда на полок.

Но братья не пускают ее на припечек, уговаривают:

— Ступай, сестрица наша единственная, ножкой своей беленькой по гладкому настилу, по богатому сукну!

Вошла Сююятар в баню, а братья ее с двух сторон поддерживают. Тут доски не выдержали — подгорели снизу,— и провалилась колдунья в огневую яму. Братья быстро выскочили и дверь на засов закрыли. Загорелась баня, а из огня услышали девять братьев с сестрой крик Сююятар:

— Пусть обернутся мои глаза гадюками, волосы — во́ронами, а пальцы — пиявками, чтобы людям досаждать, труды людские пожирать!

Тут и сказка вся.

БЕГЛЕЦЫ

Жили во дворце король с женой. Проходил год за годом, а детей у них все нет и нет, и очень они из-за этого печалились.

Отправился однажды король в плаванье к дальним берегам, и вдруг сел корабль на мель посреди моря. Ни туда, ни сюда — с места не сдвинуться. И так и сяк пробовали, разные средства испытывали — ничто не помогает, все напрасно. Страх охватил корабельщиков. Тут поднимается из моря Водяной и говорит королю:

— Если обещаешь мне то, что у тебя дома народилось,— отпущу, а нет — век тебе на этой мели сидеть, никогда не выбраться!

Думает про себя король: «Если родился жеребенок у кобылы — отдам жеребенка, если корова отелилась — теленка отдам, если ягненок у овцы появился — и его не жалко». Пообещал король Водяному отдать, что у него дома народилось, и корабль сразу с мели снялся.

Вернулся король домой, и что же — встречает его жена, на одной руке сына держит, на другой — дочку, и от счастья вся прямо светится. То-то король обрадовался долгожданным своим детям. Но недолго он веселился — вспомнил данное Водяному обещание и загрустил не на шутку. Жене все же ничего не сказал, пошел один в лес и стал там рыть глубокую яму, чтобы спрятать своих детей от Водяного. Когда яма была готова, сделал король из нее землянку, принес туда запас еды и запер под землей сына с дочкой.

Вскоре приходит Водяной к королю и спрашивает:

— Когда обещанное отдашь?

Стал король жеребенка предлагать, но не берет Водяной; король ему теленка дает — не хочет нечистый; ягненка сулит — он и того не желает. Требует от короля его родных детей. Купил тогда король в бедном крестьянском доме мальчика и девочку, отдал их Водяному. Взял Водяной детей и отправился восвояси. По дороге спрашивает у них:

— Раз вы королевские дети, ответьте-ка мне на такой вопрос: что слаще всего на свете?

— Слаще всего на свете мед! — отвечают дети.

— А что мягче всего?

— Мягче всего пуховая подушка,— снова отвечают дети.

— А что тверже всего? — спрашивает Водяной.

— Камень.

— Что горше всего?

— Деготь.

— Нет, не королевские вы дети,— промолвил Водяной.

Отвел он детей обратно в замок и стал настоящих королевских наследников искать. Весь замок обшарил, нигде никого не нашел. Решил напоследок в кузнице посмотреть. Там тоже никого не было, но вдруг заговорила с ним старая кувалда:

— Всю жизнь, и в будни и в праздники, колотит меня король о наковальню, за это выдам я тебе его тайну. Возьми меня на плечо и иди вперед, а где я на землю упаду — там и дети спрятаны.

Поднял Водяной кувалду на плечо и пошел с нею в лес. Там, где король детей своих спрятал, свалилась кувалда на землю, и стал Водяной в том месте копать. Откопав землянку, нашел он в ней мальчика и девочку, королевских детей. Взял их на руки да понес в свои владения. По дороге говорит похитителю мальчик:

— Раз выкрал ты нас от отца и матери, то или убей поскорее, или накорми!

— А что, по-твоему, слаще всего? — спрашивает у него Водяной.

— Слаще всего на свете — материнское молоко!

— А что мягче всего?

— Мамины руки.

— А что тверже всего?

— Отцовское сердце.

Выслушав ответы мальчика, убедился Водяной, что это королевские дети, и сделал брата с сестрой своими слугами.

Живут они так не год и не два. Выросли уже дети и стали о доме тосковать. Но прошло еще какое-то время, привыкла девушка к Водяному и стала жить с ним, как законная жена.

До чего же брату горько, совсем невмоготу у Водяного жить. Однажды в полночь вышел парень к верее и сел там у столба горе свое выплакать. Сидит и плачет, ни слова не может вымолвить, ни мысли подумать — так ему на душе тяжело. Вдруг прибежал откуда-то волк и спрашивает парня:

— Что ты, сынок, плачешь? Если тебе здесь живется несладко, садись ко мне на спину, увезу я тебя!

— С радостью я отсюда сбегу,— отвечает парень,— но есть у меня еще сестра.

— Ну сходи за ней, сюда приведи,— говорит волк,— выручу я вас обоих.

Отправился парень за сестрой, вытащил ее из постели Водяного и отнес на руках к тому месту, где их волк поджидал. Вскочили они на волка верхом, помчался серый со всех ног, предупредив сперва парня:

— Как увидишь, что Водяной гонится, мне скажи.

Не много они так проскакали, как уже кричит парень:

— Водяной догоняет!

— Ах догоняет! — отвечает волк.— Достань-ка у меня из-под хвоста кремень и брось через плечо на дорогу да скажи: «Поднимись гора из кремня, в облака упрись вершиной, чтоб на крыльях не подняться, на ногах не перебраться!»

Так парень и сделал, бросил через плечо кремень, и выросла в тот же миг гора до неба, преградив Водяному дорогу. Не смог Водяной через гору перебраться, остановился у подножья и говорит сердито:

— Если б из дому мотыгу да зубило из амбара, то расчистил бы дорогу, ход проделал бы себе я.

Вернулся он домой за мотыгой да зубилом и снова к горе прибежал. Принялся Водяной скалу долбить, и скоро проделал он в горе дыру, чтобы снова за беглецами погнаться. Но не посмел он свои вещи на дороге оставить, стал в землю закапывать. Когда он яму вырыл, запела синичка над ним на дереве:

— Пи-пи-пи синичка,
Чирик-чирик воробышек,
Сделал дядька пряточку,
А я ее увидела!

— Ишь, подлая, что говорит,— буркнул Водяной,— придется мотыгу и зубило домой отнести, не то утащит кто-нибудь.

Отнес он их домой и помчался вслед за беглецами. Догнал. Отвел Водяной брата с сестрой назад, и стали они жить, как и жили. Девушка опять с Водяным спит, а брату житье хуже прежнего кажется, не знает, что и придумать, чтобы снова убежать. Пошел он как-то вечером опять к верее погрустить да поплакать. Вдруг подходит к нему медведь косолапый в шубе лохматой и говорит:

— Что, сынок, увезти тебя?

— Да я-то рад отсюда вырваться, но у меня еще сестра есть,— отвечает парень.

— Ну сбегай за ней,— говорит медведь,— но долго не задерживайся!

— Я мигом! — сказал парень и побежал к Водяному в избу.

Сестра, как и прежде, с Водяным спала, но парень, не долго думая, стащил ее за волосы с постели и понес к верее.

Уселись они на медведя и поехали. Бежит медведь по дороге, седокам советует:

— Если увидите, что Водяной за нами гонится, мне крикните.

Недалеко и уехали, как послышался сзади грохот, а когда оглянулся парень, то увидел настигающего их Водяного. Закричал он медведю испуганно:

— Уже догоняет!

— Не бойтесь,— ответил медведь,— достаньте из-под моего хвоста щетку, бросьте на дорогу и скажите: «Поднимись, лесная сопка, протяни деревья к небу, чтоб закрыть пути крылатым и для пешего дорогу».

Сделал парень, как медведь советовал, и встала позади них гора лесистая на дороге, да такая высокая, что ели и сосны на ее вершине небесный свод царапали.

Уперся Водяной в эту гору — нет дальше дороги. Рассердился он и говорит:

— Если б из дому мотыгу да зубило из амбара, то расчистил бы дорогу, ход проделал бы себе я.

Сбегал Водяной домой за мотыгой и зубилом, вернулся к горе и пробил в ней такую дыру, чтобы пролезть на ту сторону. Стал он мотыгу и зубило закапывать, а синичка опять на дереве поет:

— Пи-пи-пи синичка,
Чирик-чирик воробышек,
Сделал дядька пряточку,
А я ее увидела!

— Вот гадкая тварь, что говорит! — сказал Водяной.— Надо отнести мотыгу и зубило домой, не то эта птаха про них кому угодно расскажет.

Помчался он со всех ног домой и, оставив их там, снова бросился в погоню за беглецами. Догнал, схватил парня за руку и пригрозил:

— Если еще раз убежите, съем я вас!

Вернулись они снова в дом Водяного. Сестра стала жить

с ним, как и прежде, а брат места себе не находит, трижды нестерпимее ему теперь в неволе. Сидел он как-то у вереи и плакал, как обычно. Горевал он, горевал, и вдруг выскочила откуда-то лиса и говорит ему:

— Садись мне на спину — увезу.

— Была не была! Поехали,— отвечает парень,— но надо бы и сестру с собой взять. Подожди здесь, я за ней схожу.

Лиса пообещала подождать, и парень поспешил за сестрой. Зашел он в избу, стал сестру у Водяного из-под бока вытаскивать, а та проснулась да не хочет на этот раз никуда бежать. Брат ее силой сгреб в охапку и потащил к верее, где их лиса поджидала. Уселись они лисе на спину, а та предупреждает:

— Как увидите, что Водяной гонится, мне скажите!

— Ты знай беги,— отвечает парень,— мы скажем, если кто нагонять станет.

— Ну тогда держитесь крепче,— сказала лиса и помчалась со всех ног. Но все равно скоро стал их Водяной догонять, и крикнул парень лисе:

— Совсем близко Водяной!

— Под хвостом у меня огниво есть,— советует лиса,— бросай его на дорогу, увидишь, что получится.

Сделал парень, как лиса велела, бросил огниво на дорогу, и закипел в том месте огненный порог, загрохотали в нем камни, искры посыпались. Остановился Водяной — нет ему ходу на ту сторону. Стал реветь, волком выть, но не дотянуться ему до беглецов.

Увидев, что Водяного уже бояться нечего, слезли брат и сестра с лисьей спины, и построил парень на том месте избушку. Стали они в ней жить. Прошло немного времени, брат с сестрой уже хозяйство наладили, приходит к ним волк посмотреть, как они устроились, здоровается и говорит:

— Вот ты и убежал от Водяного. Не возьмешь ли, братец, меня в товарищи?

— Убежал, брат,— отвечает парень.— Возьму я тебя в товарищи — веселее будет вместе жить.

Вскоре и медведь пришел, также поздоровался и говорит:

— Не возьмешь ли меня, парень, в товарищи?

— Что ж, давай! — согласился тот, и остался медведь с ними жить.

Наконец и лиса пришла парню счастья на новом месте пожелать и тоже попросилась в компанию.

— Тебя-то я с радостью приму,— говорит парень,— ты ведь меня от Водяного спасла, будь теперь моим товарищем!

Живут они вместе какое-то время, позвал как-то парень своих товарищей в лес погулять. А сестра его бегом к порогу и давай в него песок сыпать. Бросает, бросает, перестал уже порог кипеть, и перебрался Водяной к девушке. Пошли они в дом, легли спать как муж с женой. Ночь прошла, а наутро превратился Водяной в иголку, девушка сунула ее в стенную щель, чтобы брат не нашел.

Вернулись на другой день брат с товарищами из лесу, бросились звери на стены избушки, бревна царапают, по углам рыщут. Испугалась девушка, говорит брату:

— Уйми, братец, своих товарищей, разнесут избушку по бревнышкам!

Велел парень зверям вести себя пристойно, устыдились те и сразу присмирели, в угол забились.

Настал новый день, снова брат с товарищами отправился в лес и остался там на ночь. А иголка опять Водяным обернулась, и провела девушка с ним ночь, наутро спрятала иголку в постели, чтобы брат не нашел.

А дальше вот что было: едва парень с товарищами в дом вошли, звери сразу запах Водяного почуяли и бросились постель рвать и трепать. Удивляется королевский сын на своих товарищей, что так безобразничают, причины не знает, а сестра опять брата уговаривает:

— Уйми их, не вели постель рвать!

Успокоил парень товарищей, присмирели звери, расселись пристойно по углам.

На третий день опять парень в лес с друзьями ушел и только наутро домой вернулся. Сестра в постели его встречает, стонет и просит жалобным голосом:

— Милый брат, отправь ты своих товарищей за девять железных дверей добыть мне целебной мази — гложет меня болезнь тяжелая!

Брат сестре поверил и послал зверей за мазью, а сам остался при больной сидеть, на тот случай, если ей что понадобится. Но едва звери за девятью железными дверями оказались, двери за ними сразу захлопнулись. И остались там медведь, волк и лиса взаперти. Водяной тут же в своем облике перед парнем предстал и, схватив его, сказал:

— Долго ты меня за нос водил — теперь довольно, больше меня не проведешь, теперь уж я тебя съем!

Стали парню погибель готовить. Сестра истопила железную баню, а Водяной отнес парня в парилку, чтобы мясо помягче стало. Тем временем звери из-за девяти железных дверей выбираются, под порогами подкапываются, четыре двери еще осталось.

А Водяной уже парня в руки взял и говорит:

— Теперь тебя, мягкого, и съесть можно!

Тут закричал с крыши бани ворон:

— Крра, крра, королевский сын, продержись еще маленько! Последнюю дверь твои товарищи подкапывают.

Парень из рук Водяного вырвался и, чтобы время оттянуть, забрался снова на полок. Но Водяной достал его оттуда и принялся огнем поджаривать. Второй раз закричал ворон с крыши:

— Крра, крра, королевский сын, продержись еще капельку! Твоим товарищам версту только пробежать осталось.

Стал парень опять Водяному противиться, из когтей его вырываться. Но тот его крепко держит. Подоспели тут товарищи, бросились на Водяного, да и разорвали его в клочья. Парень, вырвавшись живым из острых когтей,

подпалил баню, и сгорели вместе с нею останки Водяного.

Стал парень товарищей своих благодарить, что из такой беды его вызволили. Закатил для них пир, и кормит и поит самыми вкусными кушаньями да напитками с посуды золотой и серебряной. После трапезы позвал королевич своих товарищей снова в лес погулять, как и прежде.

Пока их не было, достала сестра решето и стала пепел просеивать в надежде найти что-нибудь от останков Водяного. Сеяла, веяла, тысячу раз весь пепел через решето пропустила и нашла-таки кусочек кости. Отнесла его в избу и положила брату в изголовье. Вернулся брат из лесу уставший, лег отдохнуть. А кость Водяного, что в изголовье была спрятана, во время сна впилась парню в голову и убила его. Сестра подняла тело брата с постели и схоронила в земле, отомстив таким образом за смерть Водяного.

Но товарищи брата вскоре по нему соскучились и стали искать, куда он подевался. Здесь и там порыскав, нашли наконец запах хозяина и пришли по запаху к тому месту, где был парень зарыт. Стали звери в этом месте землю копать да освободили мертвого хозяина. Загоревали товарищи, между собой советуются:

— Как же нам теперь хозяина своего оживить, неужто средства такого нет?

Что делать? Стали они тело осматривать и, увидев в голове его кость Водяного, поняли, какой он смертью умер. Сказал тогда медведь товарищам:

— Приложу-ка я свою голову к тому месту, откуда кость торчит, пусть и мою голову проколет,— и прижал свою огромную лохматую башку к голове умершего парня.

А кость тут же из парня выскочила и в медведя вонзилась. Тот сразу же умер, а парень ожил и сказал, глаза открывая:

— Ого! Целую неделю проспал!

— Так и есть, хозяин! — говорят волк и лиса.— Но без нас бы ты навеки заснул.

Говорит тогда серый волк:

— Приложу-ка я свою голову к медвежьей, может, оживет косолапый.

Только он к медведю прижался, кость Водяного из медвежьей головы в волчью перескочила, волк ноги протянул, а медведь очнулся. Думает про себя лиса: «Всегда я хитра была, неужто теперь пропадет моя голова?» Легла она на землю и приложила свою голову к волчьей, но, когда кость из волка выскочила, отпрянула лиса, и воткнулась кость в старую сосну.

— Ладно, сосен в лесу много — ничего, что одной меньше стало,— сказала лиса, радуясь, что злой смерти избежала.

Тут и волк ожил, и отправились все вместе с хозяином домой, забрали сестру и, оставив избу пустовать, зашагали к старому родительскому дому.

Долго они шли, наконец увидели впереди церковь, такую старую, что крыша у ней вся мхом поросла. Заходят они внутрь, видят — поп службу справляет и двое стариков молятся. Оказалось, что старики эти — родители брата с сестрой, король с королевой, но так уже стары они стали, что не узнают своих детей, и даже днем без свечи работать не видят.

Взял тогда королевич живой воды, побрызгал ею родителей, те сразу помолодели, стали добрыми и красивыми, как и прежде. Как узнали родители детей своих, обрадовались несказанно, и отправились все вместе в королевский дворец, где сын отцу все свои тяготы рассказал и такими словами закончил:

— Не раз мне из-за сестры приходилось на волосок от смерти быть.

Услышав рассказ сына, разгневался король, приказал вывести дочь за ворота и из пушки ее застрелить. А товарищей королевича накормили во дворце из золотой и серебряной посуды и определили им при дворе вечное содержа-

ние. Парень же стал в родительском замке хозяйничать. Сколько еще прожили — неведомо.

Вот и сказка вся.

ЧУДЕСНАЯ СВИРЕЛЬ

Давным-давно родилось у одного короля три дочери, и собрал отец во дворце всех знахарей своего королевства, чтобы узнать у них, какая судьба девочкам уготована и какое будущее их ждет. Много пришло знахарей, и все они как один предсказывали, что если выпустит король своих дочерей до двадцатилетнего возраста на вольный воздух, то быть несчастью.

Так и держали девочек взаперти по совету предсказателей, никогда из комнат на улицу не выпускали. Исполнилось младшей пятнадцать лет, и рассудил про себя король: «Довольно детей в темноте томить, подросли уже — что им на улице сделается».

Был рядом с дворцом прекрасный фруктовый сад, туда отпустил король своих дочерей погулять, приставив к ним стражу. И случилось вот что: едва девушки пришли в сад и стали там играть да веселиться, как пронесся над землей страшный вихрь, исчезли принцессы с глаз стражи во мгновение ока. Так и не нашли их нигде. Воцарилась в замке печаль великая и всеобщая, а король с того дня так мрачен стал, что на королевские дела и внимания не обращал.

Было у короля в числе прочей челяди три лакея и один паренек-конюх. Чтобы угодить своему господину, вызвались лакеи на поиски пропавших принцесс идти. Взяли с собой помощников и отправились в путь. Конюха же брать не захотели, хоть тот и просился.

Прошла неделя, вернулись лакеи в замок за провизией, так ничего и не узнав. Переночевав, наутро снова у короля позволения спросили искать пропавших де-

вушек. Конюх и на этот раз с ними идти хотел, но те не пожелали его с собой взять и сказали:

— Что мы с тобою, мужиком, там делать будем, какая от тебя польза!

Огорчился парень, что не взяли его в компанию, и отправился в лес дрова для конюшни рубить. Там подошел к нему пожилой дядька, ростом гораздо выше всех обычных людей, и стал, посмеиваясь, смотреть за работой парня.

— Что это тебе,— говорит,— такому молоденькому, приходится дрова рубить? Дай-ка я попробую!

Парень сразу смекнул, что не простой это дядька, но не испугался, а стал прикидывать, как бы ему непрошеного помощника перехитрить. Вскоре пришла ему на ум хорошая мысль, загнал он топор в чурку и сказал как бы огорченно:

— Не вытащить мне теперь топора, вы уж, дяденька, помогите мне, щель в чурке руками разожмите, а я топор выдерну.

Дядька, дурья башка, сунул пальцы в щель, а парень тут же топор вытащил и на плечо закинул. Остались дядькины пальцы в чурке зажатыми, заревел он от боли и стал просить конюха, чтобы тот его отпустил. Парень на вопли внимания не обращает, говорит спокойно:

— Не отпущу, пока не скажешь, где королевские дочки спрятаны.

— Если отпустишь, то скажу! — отвечает дядька.

— Я свое слово сдержу,— уверил его парень, и пришлось дядьке все рассказать:

— Все три принцессы в плену у горного тролля. Младшая на глубине ста саженей в железной келье сидит, с железной короной на голове и железным кольцом на пальце. Средняя на сто саженей глубже в серебряной келье, в серебряной короне и с серебряным кольцом, а старшая еще на сто саженей глубже, в золотой келье заключена, на голове у нее золотая корона, а на пальце золотое кольцо.

— Хорошо, теперь я знаю, где их искать,— сказал парень.— Но как же я их оттуда вызволю?

— Ну, это дело нехитрое! — отвечает дядька.— Дам я тебе для этого все, что потребуется, только отпусти меня!

Конюх топор свой снова в щель загнал и выпустил дядькины пальцы из дубовой чурки. Дядька дал ему веревку в сто саженей, саблю, бутылку живой воды и свирель и сказал:

— Все это тебе для дела пригодится, а когда потребуется в гору войти, поиграй на этой свирели, я тут же перед тобою явлюсь.

На том они и расстались; парень отправился домой, на королевскую конюшню, а дядька исчез куда-то.

Вскоре после этого вернулись домой лакеи со своими людьми, но опять никаких вестей о принцессах не принесли. Пришел тогда конюх к королю и попросил смиренно, чтобы и его отпустили королевских дочек искать.

— Я об этом деле кое-что знаю,— сказал он,— пусть лакеи на этот раз дома останутся, я один пойду на поиски.

Услышав его просьбу, разрешил король парню отправиться, но сказал:

— Навряд ли ты о дочерях моих что-нибудь разузнаешь, раз другим не удалось, но если уж тебе так хочется, то, пожалуй, попробуй.

Парень, получив позволение, долго не раздумывал, а сразу собрался в путь, прихватив с собой данные дядькой причиндалы. Пришел он в лес и заиграл на свирели. В тот же миг появился тот самый дядька, которому парень пальцы в дубовой чурке защемил, подошел к нему и спросил:

— Уже ли ты в дорогу готов?

— Да,— ответил парень.

— Ну, тогда шагай за мной! — сказал дядька и пошел впереди, парню дорогу указывая.

Тем временем лакеи, проследив, как парень из замка вы-

ходил, пошли за ним следом, чтобы посмотреть, куда тот направится. Удивились они, увидав, как парень свирелью странного старика вызвал, и, когда конюх за дядькой последовал, стали лакеи за ними красться. А те, не ведая о том, шли себе беззаботно до самой горы, где жил горный тролль, заточивший в своих подземельях королевских дочерей.

Когда подошли они к входу в гору, спустил старик парня на веревке, а затем и сам следом полез. На глубине ста саженей преградила им дорогу железная дверь. Дядька научил парня, что делать:

— Бери саблю в руку и бей по двери!

Парень так и сделал, и едва он саблей по двери полоснул, как рассыпалась та на кусочки, и вошли они в железную келью. Там сидела младшая дочь короля в железной короне и с железным кольцом на пальце. Но сторожил ее сам горный тролль, у которого на голове торчал большой рог, а во лбу был один-единственный глаз. Поднял он свою страшную голову и говорит:

— Ох-хох! Что-то человечьей кровью запахло! — и стал уже со своего места подниматься, но девушка успокоила его такими словами:

— Никого здесь нет, это ворон над нами пролетал, кусок мертвечины в клюве нес — вот и пахнет.

Горный тролль был уже стар и близорук, не увидел стоящего в дверях парня, а, поверив речам принцессы, уселся обратно на место.

В то время в келье как раз печка топилась, и возле очага стояла большая железная кочерга, которой тролль угли в печи помешивал. Взял ее парень тихонько, в огне добела накалил, и затем ткнул раскаленной железякой в единственный глаз тролля. Тролль завопил так, что гора задрожала. Вскочил он на ноги и стал вокруг себя руками размахивать, но, не видя ничего, не поймал парня, а тот, изловчившись, отсек троллю саблей голову. Тут появился знакомый старик и посоветовал:

— Теперь младшая дочка спасена. Сними с нее железную корону и железное кольцо, колечко саблей надвое разрежь — одну половинку себе возьми, а вторую принцессе на палец надень.

Парень так и сделал: разрезал саблей кольцо надвое, половинку себе взял, а другую обратно девушке отдал. Корону оставили они в троллевой келье, и отправились парень с принцессой и дядька дальше.

Теперь нужно было среднюю дочь вызволять. Дядька спустил парня с девушкой на сто саженей ниже и сам за ними последовал. Там оказались они перед серебряной дверью. Старик снова парню советует:

— Доставай саблю и руби дверь!

Парень сделал, как было велено, и дверь раскрылась. В серебряной келье сидела средняя дочь короля в серебряной короне и с серебряным кольцом на пальце. Снял парень с нее корону и бросил в угол, а кольцо расщепил саблей надвое, половинку у себя спрятал, а другую надел девушке на палец. После этого вышли они все из кельи. Снова дядька опустил парня с девушками на сто саженей глубже, к старшей принцессе в золотую келью, и там случилось то же, что и прежде. Разбив саблей золотую дверь, снял парень с принцессы золотую корону и на пол бросил, а кольцо снова надвое разделил, половинку себе взял, а другую девушке вернул.

Когда все было сделано, стали они из горы наружу выбираться — дядька впереди, остальные сзади. Так поднимались они ступень за ступенью все выше, и дядька помогал парню и принцессам. Осталось им последние сто саженей подняться, дядька вперед полез, потом на веревке девушек поднял, и последним стал парня вытаскивать. И тут вот что случилось...

Лакеи тем временем на горе поджидали, и, когда старик уже парня на свет божий из норы вытаскивал, подскочили к нему королевские слуги и перерубили ве-

ревку — дядька даже помешать им не успел. Сорвался парень и полетел кувырком обратно в глубь горы.

Перепугавшись, дядька сразу же в лес убежал, а лакеи прихватили с собой королевских дочек и отправились во дворец. По дороге заставили они девушек поклясться, что подтвердят королю все, что те будут рассказывать. Со страху пришлось принцессам согласиться, и, когда прибыли они во дворец, лакеи предстали перед королем и стали хвастаться, как они девушек из когтей горного тролля вызволяли. Принцессы слова их подтвердили, и пришлось королю придворным поверить. Приняли лакеев во дворце с большими почестями, стали их славить, а о конюхе никто даже не вспомнил — уже и король забыл, что в поход его отправлял. Принцессы-то своего спасителя помнили, да не смели никому и слова молвить, они ведь клятву дали.

Конюх же, свалившись внутрь горы, остался жив. Когда веревка оборвалась, полетел он кубарем вниз и, ударившись оземь, крепко покалечился. Но, очнувшись, вспомнил, что дал ему дядька бутылку живой воды, хлебнул он снадобья. Тут же вернулись к нему силы, стал он здоров, как и прежде. Пошел парень по мрачным подземельям, не зная, что ему делать, да вспомнил вдруг дядькин совет и подул легонечко в свою свирель. Тут же старик перед ним появился и спрашивает парня:

— Что так горько плачешь, сынок?

— Плачу,— отвечает парень,— потому что никогда мне отсюда не выбраться, хоть и спас я королевских дочек от горного тролля.

Отвечает ему дядька:

— Здесь поблизости ворон один живет, может, у него силы хватит тебя отсюда вытащить.

— Конечно, хватит! — обрадовался парень.— Я здесь так измучился да исхудал, что не много во мне тяжести осталось.

Привел дядька ворона, парень сел к нему на спину,

и вылетели они из горного подземелья на белый свет. Там опустил ворон парня на землю, а сам улетел восвояси.

Думает парень, прикидывает, куда бы ему податься. Не посмел он идти в королевский замок, лакеев побоялся. Была у дороги кузница, свернул парень к кузнецу и пошел к нему в ученики.

Прошло несколько недель, и понадобился в королевском дворце кузнец. Захотелось, видишь ли, младшей принцессе такую же корону, как была у нее в горе, и велели кузнецу ее изготовить. Не хотел бедняга за такую работу браться, боялся он, что не сумеет заказ выполнить. Но приказ короля был суров, не помогли кузнецу отговорки. Никто его и слушать не стал — делай, и все тут.

Ну что тут придумаешь, пришлось кузнецу за работу приниматься. Несколько дней провозившись, склепал он кое-как корону и послал ее королевской дочери, но той корона не понравилась — где же простому кузнецу принцессе угодить,— и велели ему новую сделать.

Закручинился мастер, не знает, как и быть. Пожалел парень кузнеца и задумался, как бы хозяину помочь. Когда кузнец вечером лег спать, пошел парень за кузницу, заиграл на свирели. Тут же явился к нему дядька и спрашивает:

— Зачем звал, сынок?

Парень отвечает:

— Захотелось королевской дочери такую же корону, как у нее в горе была, не можешь ли ты помочь?

— Это можно,— сказал старик, и не успел парень глазом моргнуть, как появилась в его руках железная корона из жилища тролля. Обрадовался парень, отправился сразу же спать, а корону себе в изголовье положил.

Утром пошел кузнец подмастерья своего будить и видит на лавке корону. Удивившись, спросил он у парня:

— Когда это ты успел корону сделать и почему тайком мастерил?

— Да ни от кого я не скрывался,— ответил парень.— Неужели не слышно было стука, когда я всю ночь напролет в кузне работал?

— Ну раз сам ты корону сделал и неплохо она у тебя получилась,— сказал кузнец,— так сам же и отнеси ее принцессе, может, угодишь ей.

Но не пошел во дворец парень, велел мастеру отнести. А уж если захочет, пусть скажет, что подмастерье корону сделал. Кузнец с учеником согласился, отнес принцессе корону и сказал, что изготовил ее подмастерье. Поглядела королевская дочка на корону, примерила и стала мастера благодарить, говоря, что в горе у нее точно такая же была, если не хуже. Кузнеца щедро наградили, и король пообещал не забывать о нем, если случится во дворце для него работа.

То-то рад был мастер, что дело таким образом обернулось и с честью он трудное задание исполнил. Хотел было уже домой с наградой отправиться, но тут пришла средняя дочь короля и не пустила его никуда. Она, видишь ли, увидела у младшей сестры корону, захотелось ей иметь серебряную, такую же, как у нее в горе была. Велела она кузнецу корону изготовить и дала ему мерку. Видит мастер, что непростая ему работа предстоит, да спорить не смеет. Взял у принцессы мерку и отправился домой.

Зашел кузнец к подмастерью и сказал:

— Хватит ли у тебя уменья из серебра корону смастерить? Вот и мерка, по которой делать надо.

Отвечает на это парень:

— Вообще-то не обучен я с серебром работать, никогда не пробовал, но давай вместе попытаемся, может, и выйдет у нас толк.

Весь день мастерили вместе в кузнице, пока не получилась у них корона. Отнес ее мастер принцессе, но та примерила и сказала:

— Не годится эта корона, не подходит мне, да и серебро тут нечистое.

Что делать? Пришел кузнец домой, расстроенный тем, что не сгодилась его работа, и рассказал все ученику. Парень ничего на то не ответил, а дождался опять вечера, прокрался ночью за кузницу и заиграл на свирели. Появился перед ним прежний его знакомый, спрашивает:

— Зачем звал меня, что тебе надобно?

— Мне бы добыть ту серебряную корону, что у средней принцессы в горе была, хочет она такую же иметь,— отвечает парень.

— Ну, это мы быстро! — сказал дядька, и в тот же миг появилась корона перед ними.

Забрал ее парень и спать отправился, сам в постель лег, а корону на лавку положил рядышком.

Утром опять приходит мастер ученика будить, видит на лавке серебряную корону и говорит парню:

— Ну ты и плут, я погляжу! Что же ты хочешь за свою работу?

— Ничего мне не надо,— отвечает парень,— отнеситека корону принцессе на примерку.

Не хочет мастер идти, просит парня самого свою работу отнести, но ученик ему отвечает:

— Мне идти не годится, потому как мастер всегда ученика старше!

Пошел кузнец сам корону относить, доставил ее в королевский дворец, где принцесса, примерив ее, поблагодарила мастера и сказала:

— Совсем такая же, как у меня в горе была, и сидит хорошо!

Снова кузнец повеселел, услышав такую похвалу, но недолго его радость длилась. Увидала старшая сестра серебряную корону у средней, подивилась ее красоте, и захотелось ей золотую корону иметь, такую же, как была у нее в троллевой горе.

— Что это за подмастерье такой искусный у вас? — спросила она кузнеца.— Может, он и мне сумеет такую красивую корону сделать, как сестрам,— я бы за это женой ему стала, и получил бы он в приданое все королевство, кто бы он ни был.

Ничего не ответил принцессе кузнец, взял молча мерку и пошел домой. Отдал он мерку ученику и сказал:

— Вот сделай-ка по этой мерке золотую корону, получишь королевскую дочку в жены и все королевство в приданое. Раз сумел ты железную да серебряную сделать, сможешь и золотую, а моей помощи тебе не надо, как и в прошлый раз.

С теми словами оставил он подмастерья одного и, ничуть о деле не заботясь, пошел по своим делам. Но решил все же кузнец проследить тайком, что парень делать станет. С такою мыслью не лег он в ту ночь спать, а стал прислушиваться, стучит ли парень в кузнице или что другое делает. А парень догадался, что у мастера на уме, и из комнаты не выходил, дожидаясь, пока хозяин уснет. Так и караулили они друг друга до самой полуночи, пока сон не сморил кузнеца и не захрапел он так, что вся изба дрожала. Парень, услышав, что хозяин спит, поднялся с постели и пошел за кузницу, как в прошлый раз, заиграл там на свирели. Опять появился перед ним знакомый старик, спросил, чего парень хочет. Тот рассказал дядьке свое дело и сказал, что нужна ему золотая корона из троллевой горы, чтобы исполнить желание старшей королевской дочери. Не успел парень и глазом моргнуть, как доставил ему дядька золотую корону. Парень пошел спать спокойно, а корону положил рядом на скамью.

Настало утро, проснулся кузнец и, вскочив с постели, поспешил в комнату ученика. Там увидел он золотую корону на лавке, удивился и говорит парню:

— Ну ты и мастер — такую тонкую работу за одну ночь

сделал! Иди теперь сам с короной к принцессе, узнаешь, подойдет ли ей.

— Что ж, можно и сходить,— согласился подмастерье и собрался во дворец.

Но не пожелал он пешком к королю идти и заиграл на своей свирели. Пришел на зов дядька, и говорит ему парень:

— Надо бы мне теперь эту корону в королевский замок доставить, да неловко туда пешком являться. Может, сделаешь мне золотую карету да тройку серых коней, все же приличнее мне будет на королевский двор въехать.

— Ну, это я мигом, раз тебе большего не требуется! — ответил старик, и тут же появилось все, что парень просил — и карета и лошади. Залез подмастерье с короной в золотую карету и помчался на серой тройке к королевскому дворцу.

Лакеи, зная, какое обещание дала королевская дочка, послали на дорогу наемных убийц, чтобы помешать парню принцессу получить. Но, увидев такую богатую тройку, не догадались убийцы, что ученик кузнеца на ней едет, шапки сняли и поклонились в пояс, удивляясь, откуда такой важный и благородный господин пожаловал. Миновал парень разбойников и лихо вкатил на королевский двор. Вылез он из кареты и направился с короной в руке в королевские покои. Собрался тут весь дворцовый люд поглядеть на чудесную корону, которую подмастерье для принцессы сделал. А сама королевская дочка, которой этот подарок предназначен был, прямо прыгала от радости и корону нахваливала, говоря, что она точно такая же, как у нее в троллевой келье была, если даже чуточку не лучше.

Тут и парень осмелел, достал половинки колец из кармана и подошел сначала к младшей принцессе, надел ей половинку железного кольца на палец:

— Не от вашего ли колечка половинка?

Что тут скажешь, как раз сошлись половинки, и все

королевские советники это подтвердили. Тогда подошел парень к средней дочери и надел ей на палец половинку серебряного кольца:

— Сходятся ли колечки?

Напоследок приложил и золотую половинку к кольцу старшей принцессы и спросил:

— А это не отсюда ли половинка?

И все советники снова сказали, что так оно и есть.

А дальше вот что было. Королевская дочка надела на голову золотую корону и сказала парню:

— Раз дело так обернулось, буду я твоей, а ты моим будь, и все королевство тебе достанется!

Созвали весь дворцовый люд и других гостей множество и справили в королевском замке такую свадьбу, что другой такой никогда не будет.

Получил бывший конюх власть казнить и миловать, и решил он троих лакеев наказать. Одному присудил всю жизнь старый лапоть в руках носить, другому — на свинье верхом ездить, а третьего приказал высоко в небо закинуть.

Тут и сказка вся.

БЕСОВА МУЗЫКА

Стояла в лесном краю одинокая новина, в которой жил старый крестьянин с единственным сыном. Вокруг дома росли большие березы, и на них часто отдыхали тетеревиные стаи. Сын просил у отца разрешения пострелять тетеревов, но отец всегда запрещал ему строго-настрого. Наконец не утерпел парень, нарушил отцовский запрет и, схватив тайком от отца лук, выстрелил в одну птицу, сидевшую на березе. Но стрела хоть и попала в тетерева, да не убила его; птица поднялась в воздух и, прежде чем упасть на землю, отлетела в сторону леса. Парень, желая все же добыть

птицу, побежал за ней, но едва он подоспел к тому месту, где тетерев упал, как тот снова поднялся и полетел дальше. Так садился и взлетал тетерев, пока не увлек юношу за собой на многие версты от дома. Следуя за птицей, оказался парень в дремучем лесу. Стало темнеть, и пришлось ему оставить свою охоту, так как тетерев вдруг пропал в чаще, словно его и не было.

Стал юноша к дому пробираться, но не нашел он обратной дороги, а только петлял по лесу, нигде не встречая человеческого жилья. Настала ночь, и решил уже парень в лесу заночевать, как вдруг увидел убегающего от волков беса. Голодные звери уже нагоняли нечистого и кусали его за пятки. Парень поднял свой лук и выстрелил в волчью стаю. Сраженный стрелой вожак упал, и остальные волки, испугавшись, разбежались кто куда. Доволен был бес, от напасти избавившись, подошел он к юноше и стал его благодарить за то, что тот от волков его спас, и обещал наградить, если пойдет с ним парень к нему домой.

— Хорошо бы где-нибудь переночевать, я ведь весь день по лесам плутаю, домой попасть не могу,— сказал юноша и согласился пойти с бесом.

— Ну, иди тогда за мной,— сказал бес и повел парня к себе.

Добравшись до дома беса, парень сразу же спать лег, устав от беготни по лесам, а сам хозяин отправился добывать в лесу пищу, чтобы своего спасителя накормить. Кухарка тем временем стала юношу будить, трясет его, тормошит, говоря, что попал он в опасное место, и советуя ноги уносить. Но парень только глаза приоткрыл и снова заснул, да так и не проснулся. Вернулся старый бес из лесу и велел кухарке еду приготовить. Скоро подала она на стол, стали парня к ужину будить, но так и не подняли, пришлось бесу с кухаркой все самим съесть. Снова пошел бес в лес и принес домой дичи. Но и на этот раз не проснулся юноша, сколько ни будили его, и в третий раз пришлось отправиться нечистому на охоту.

Тем временем проснулся парень и стал с кухаркой разговаривать. Та, услыхав, что гость хозяину жизнь спас и теперь награды дожидается, не стала больше гнать парня, а стала прикидывать, что бы ему у нечистого за услугу попросить. Наконец велела она ему требовать ту лошадь, которая стоит в третьем стойле с правой стороны конюшни.

Вернулся старый бес с охоты и, увидев юношу бодрствующим, стал его кормить и поить на славу. Подождав, пока парень поест, спросил у него нечистый:

— Что же ты, сынок, в награду хочешь?

— Ничего другого я не хочу,— отвечает парень,— кроме лошади, что стоит в твоей конюшне с правой стороны в третьем стойле, потому как дорога домой длинная и не хотелось бы мне пешком топать.

— Ох, сынок! — говорит старый бес.— Дорогой же ты подарок просишь, это ведь моя самая лучшая кобыла. Не могу я ее тебе отдать, бери что-нибудь другое.

Но парень ответил, что другого подарка он не хочет, и пришлось наконец бесу отдать ему эту лошадь. Подарил бес гостю еще кантеле[1], скрипку и дудку в придачу и сказал:

— Если случится с тобой беда, то поиграй на кантеле, не поможет — на скрипке сыграй, а если и от этого помощи не будет, то подуй в дудку — наверняка из беды выберешься.

Поблагодарил парень хозяина за подарки, взял инструменты и сел на кобылу. Едет он сколько-то, и вдруг заговаривает с ним лошадь:

— Не стоит тебе домой возвращаться — выпорет тебя отец. Давай лучше в город поедем, там нас с тобой хорошо встретят.

Подумал парень над предложением лошади и решил, что права она. Повернул он в сторону города, поехал. Прибыв в город, стал он скоро известен всем жителям из-за своей

---

[1] К а н т е л е — музыкальный инструмент.

замечательной кобылы. Даже король про это узнал и сам вышел поглядеть. Стал он у юноши лошадь торговать, предлагать ему любую цену, но кобыла не позволила сделке состояться, сказав парню:

— Не продавай меня, а попроси короля, чтобы взял он тебя в конюхи и меня в свою конюшню поставил — станут все его кони такими же красивыми, как и я.

Юноша пересказал все это королю, и тот назначил его конюхом, рассчитав прежнего. Вскоре все королевские лошади действительно стали гладкими и крепкими, но прежний конюх на юношу зло затаил и искал случая отомстить ему. Стал он королю на парня наговаривать, но тот на доносы внимания не обращал. Наконец наговорил бывший конюх королю, будто слышал, как хвастался парень, что может найти того боевого коня, который у короля несколько лет тому назад в лесу пропал. Захотелось королю вернуть своего славного скакуна, и призвал он юношу к себе, приказав ему в трехдневный срок сыскать коня, а не то худо будет.

Опечалился парень, пошел он к своей кобыле и спрашивает ее, как ему быть.

— Не тревожься,— отвечает лошадь.— Попроси для начала у короля сто быков и вели изрубить их на куски. Потом с этим мясом отправимся мы в путь, и, когда прибудем к источнику, выйдет из него конь, но ты его не бери; выйдет второй — ты и на него не гляди, а жди, пока поднимется третий. Вот его-то и хватай, и сразу накинь на него мою уздечку.

Парень все сделал, как кобыла велела, и отправились они к источнику. Из родника вышло на берег три коня друг за другом, и парень накинул на последнего уздечку. Говорит ему кобыла:

— На обратном пути набросятся на нас во́роны черта, съесть захотят, но ты езжай побыстрее и бросай за собой

на дорогу куски мяса, сколько успеешь. Только так мы от воронов уйдем.

Послушался парень кобылу и привел-таки королю его белого коня.

Но не перестал бывший конюх против парня козни строить. Теперь донес он королю, что новый работник хвалился найти королеву, пропавшую без вести много лет назад. Приказал король юноше разыскать его пропавшую жену и сказал, что если не выполнит он королевского указа, то головы лишится. Совсем парень загрустил, пришел в конюшню к своей кобыле, жалуется на судьбу:

— Теперь велено мне жену короля разыскать, да где же ее найдешь, если о ней много лет никаких вестей нет!

— Ничего, найдется,— отвечает кобыла.— Ты не печалься, садись на меня и поезжай к тому же роднику, из которого мы коня королевского добывали, сбрось меня в этот источник. Там я сразу же человеком стану, потому что я и есть королева, которую ищут, а нечистый много лет назад превратил меня в лошадь.

Обрадовался юноша, узнав такое дело. Примчался он к источнику, столкнул кобылу в воду, и стала она сразу же женщиной, такой же красивой, как и раньше была. Вернулись они с парнем в королевский замок. Король, получив обратно красавицу-жену, стал при всем народе парня благодарить и пожаловал ему богатые подарки. Но прежний конюх его в покое не оставил. Оговорил он парня, нашептал королю, что хочет, мол, молодой работник самого короля убить и на его место сесть.

Разгневался король не на шутку и велел немедленно юношу повесить. Стали его солдаты к месту казни тащить, как было велено, но попросил парень у короля позволения поиграть на кантеле перед смертью. Получив разрешение, стал он играть, как умел. Но едва кантеле зазвучало, все королевские слуги бросились в пляс. Парень играл весь день и до того замучил своих палачей, что под вечер те свалились

на землю, и казнь пришлось отложить до завтра. На другой день снова народ собрался на казнь смотреть, но попросил юноша на этот раз позволения на скрипке сыграть, прежде чем покинет он этот мир. Король согласился, и едва провел парень смычком по струнам, как и сам король, и весь народ на площади пустился в пляс. Весь день заставил их плясать парень и снова остался неповешенным. Стали на третий день его к дереву тащить, а он опять просит позволения поиграть, теперь уже на дудке, но не соглашается король, говорит ему:

— Ты уже два дня и меня, и мой народ плясать заставляешь, и если тебе еще разрешить, то я до смерти дотанцуюсь. Никакой больше музыки не будет, надевайте ему петлю на шею!

Но парень все просит смиренно о милости, и говорят тогда придворные королю:

— Позвольте, ваше величество, еще парню поиграть, ведь таким молодым ему помирать приходится!

Уговорили они короля, и согласился тот на просьбу парня, но велел привязать себя к большой елке, чтобы не плясать на этот раз до упаду. Когда короля веревками к ели примотали, начал парень в свою дудку дуть что было мочи. Снова весь народ в пляс пустился, а король, к елке привязанный, только дергается и спиной об ствол трется. Протерлась у него одежда, и кожа на спине слезла от такой пляски.

Тут наконец сам старый бес на помощь юноше приходит и спрашивает:

— Что за беда с тобой стряслась, сынок, что ты такой шум поднял?

— Да вот повесить меня хотят! — отвечает парень.— Вот видишь, веревка на дереве — это для меня.

— Ах вот что они задумали! — воскликнул бес и вырвал с корнями дерево из земли и так высоко в небо зашвырнул, что назад оно уже и не упало.

Потом спрашивает бес у парня:

— И кто же это тебя повесить решил?

Парень показал ему на привязанного к ели короля, а нечистый схватил эту ель и вместе с королем вслед за первым деревом бросил, так что только в ушах засвистело.

Избавился юноша от петли, и выбрал его народ королем на место прежнего властелина.

Тут и сказке конец.

ОЛЬХОВАЯ ЧУРКА, или СИНИЙ КРЕСТ

Жили в старину старик со старухой, и никогда у них детей не было. Горько им было одним стариться, и взял старик да вытесал из ольховой чурки куклу. Положила ее старуха в колыбель и три года, как младенца, качала. К концу третьего года ожила ольховая чурка, стала здоровым ребеночком.

В то время как ожил мальчик, отец в поле пахал, а мать коров доила. Выбрался Ольховая Чурка из колыбели, и, когда родители домой пришли, он уже их на пороге встретил и сразу же у матушки хлеба попросил.

Ну, время идет, год за годом проходит, вырос сын и стал красивым и сильным мужчиной, таким, что и словами не рассказать.

Исчезли вдруг с неба солнце, месяц и заря. Три года люди живут в беспросветной тьме, небывалую ночь пережидают, совсем по божьему свету истосковались. Стали совещаться, как вернуть светила на небо. Созвал король на пир всех своих подданных — и нищих, и калек, и слепых, и глухих — весь народ свой в замке собрал, чтобы поглядеть, найдутся ли в его королевстве такие герои, которые освободили бы солнце, месяц и зарю.

Было у короля зелье крепкое, заговоренное: кто выпьет его три бутылки — тот зарю освободить сможет, кто шесть осилит — тому месяц добыть под силу, а кто девять бутылок одолеет, тот и солнце ясное на небо вернет. Так знахари королевские предсказали. Стали среди народа таких силачей искать. Искали, искали, нашли такого, кто три бутылки выпить мог. Искали еще и нашли другого, который шесть бутылей выпил. Еще одного найти надо, чтобы все девять осилил. Ищут такого, ищут, но, как ни стараются, не находится такой силач. Говорит тогда король:

— Видно, только Ольховая Чурка может девять бутылок волшебного зелья выпить. Позовите-ка его сюда!

Привели по королевскому приказу Ольховую Чурку во дворец, и он одну за другой все девять бутылок опорожнил, даже не поморщился.

Дал король каждому из трех силачей по доброму коню и денег в дорогу: триста монет выпившему три бутылки, шестьсот монет — выпившему шесть бутылок и девятьсот монет могучему Ольховой Чурке. Дал еще каждому с собой своего крепкого зелья и проводил всех троих в путь. Были у силачей верные псы, взяли они собак с собой и отправились все вместе.

Ехали, ехали, долго ли, коротко ли в темной ночи скакали, и стало уже небо светлеть. Поскакали три товарища на зорьку, и через какое-то время месяц на небе появился. Ну, поехали в сторону месяца, встало из-за лесов солнышко, согрело их своими лучами. Теперь прямиком на солнце помчались товарищи, скачут, скачут все прямо и прямо, наконец подъехали к незнакомому городу. Спешившись, пошли они к старой вдове, что рядом жила. Говорят ей приезжие:

— В вашей стране, вдовушка, солнышко прячется!

— Ох, сыночки! — отвечает вдова.— Не всегда и нам солнышко ясное светит! Проклял его злой человек за то, что пекло сильно, и досталось солнышко девятиглавому

змею. Когда тот в море уходит, солнце с собой уносит, и у нас тьма настает, а вот когда змей на берегу — у нас день. А вор месяц проклял за то, что мешал он ему свое недоброе дело делать, и шестиглавый змей месяц забрал. Когда он из моря выходит, у нас луна светит, а когда в воду ныряет, хоть глаз выколи. А зарю ленивец проклял, потому что будила его рано, спать не давала, вот и досталась зорька трехглавому змею. Когда он на земле, у нас небо светлеет, а когда в море, так день и не наступает.

Разузнав все у вдовы, отправились силачи бродить по городу в надежде еще кое-что проведать. Прогуливаясь, заметили они странную вещь: половина города плакала, половина смеялась. Удивившись этому, пошел тот силач, что выпил три бутылки огненного зелья, к вдове и спрашивает:

— Скажи, вдовушка, почему это половина города смеется, а другая половина плачет?

Ответила ему вдова:

— Оттого, сынок, половина смеется, а другая плачет, что, когда трехглавый змей из моря выйдет, должен король старшую дочь ему на съедение отдать. Если не приведут девушку, змей половину города съест, половину народа и половину всех богатств королевских. Если бы удалось кому того змея убить, вышла бы из моря заря и светила бы всем людям на земле.

Услыхав такое, решил силач дождаться прихода змея и стал расспрашивать в замке о намерениях короля, чтобы знать, сможет ли он чем-нибудь беде помочь.

Зашили старшую дочь короля в кожаный мешок и отнесли к берегу моря, к большому камню, откуда змей, из моря поднявшись, мог бы ее забрать. Наступил вечер, выпил богатырь три бутылки волшебного зелья и, вскочив на коня, поскакал к берегу. На прощанье сказал он своим товарищам:

— Если брошу я вам свой башмак, отправьте псов ко мне на помощь!

Приехав к берегу моря, спешился он около большого

камня и, распоров мечом кожаный мешок, сказал королевской дочке:

— Вставай да поищи-ка у меня в голове!

Испугалась его девушка и подумала: «Это и есть тот, кто меня съесть хочет!» — но ни слова не посмела вымолвить, присела на кочку и стала искать у парня в голове. Тот положил голову ей на колени и повернулся к морю, чтобы видеть, как змей будет из воды выходить. Недолго пришлось ему ждать, как всколыхнулось море раз, всколыхнулось другой и третий, догадался парень, в чем тут дело. Вскочил он на ноги и сказал:

— Иди-ка, девушка, спрячься за камнем, змей идет!

Спряталась королевская дочь, как было велено, и едва она за камнем укрылась, как поднялся змей из волн морских и вышел по мосткам на берег. А парень уже на коня вскочил, готов был с чудищем биться. Конь, испугавшись змея, стал всхрапывать и головой мотать, но парень дал ему шпоры и сказал:

— Что ты ржешь, жратва жабья, что храпишь, чертова сыть!— и поскакал навстречу змею.

— Ху-хуу! — сказал, завидев силача, змей.— Человечьей кровью запахло, погрызу я богатырских косточек! Выдуй-ка своим чистым духом поле бранное из меди, где нам с тобой биться!

— Выдуй сам своим нечистым духом для битвы поле железное! — ответил парень, подъезжая поближе.

Дыхнул змей своим нечистым духом, и засверкало железное поле. Стали они на том поле биться. Бьются, бьются — уже две головы парень у змея срубил, но третью никак снести не может. Снял он тогда башмак с ноги и швырнул товарищам в город. Те по знаку псов отпустили, как и было условлено. Собаки набросились на змея и в клочья разорвали чудище, а парень тем временем и третью голову отсек.

Закончив дело, отправился он к своим товарищам и завалился спать. Едва ночь прошла, как засияла зорька на

небе, даря свет всему миру. Стал весь народ молиться:

— Благослови, Господи, того героя, который зарю от змея освободил!

А король проснулся поздно, когда уже заря погасла, и ничего о случившемся не узнал. Приказывает он своим слугам:

— Ступайте на берег моря да вытряхните из мешка косточки моей несчастной дочери. Мешок домой принесите, он еще для других дочерей пригодится.

Отправились слуги королевский приказ исполнять, но, придя на берег, увидели, что сидит там за камнем королевна, живая-здоровая и такая же прекрасная, как и прежде. Отвели ее слуги во дворец, где король, увидев дочь невредимой, обрадовался несказанно. Сначала не знал он от счастья, куда и деваться, что делать, так ему на душе хорошо стало, но потом, опомнившись, призвал к себе слуг и велел им рассказать все толком.

— Да ничего мы, повелитель, не знаем, кроме того, что на берегу увидели,— отвечают слуги,— за камнем твоя дочь сидела живехонька, а по другую сторону камня змей изрубленный лежал. Там три его головы рядышком валялись, так одну голову трое мужчин приподнять не могли, а тушу так и все вместе лагами сдвинуть не сумели.

Выспались силачи и весь следующий день по городу гуляли. Наступил вечер, и снова половина города плачет, а другая смеется. Удивившись, отправился выпивший шесть бутылок зелья к вдове. Спрашивает он у нее:

— Что это полгорода плачет, а полгорода смеется?

— Ой, сынок,— отвечает вдовушка,— оттого половина народа плачет, а другая смеется, что придется сегодня королю среднюю дочь шестиглавому змею отдать на съедение, иначе съест змей половину замка, половину народа, половину богатств королевских. Если бы кому под силу было этого змея одолеть, вышел бы месяц на небо.

Выслушав женщину, стал парень ждать, что теперь

король делать станет. А во дворце скоренько зашили среднюю дочь в кожаный мешок, как вчера старшую сестру, и отнесли к берегу моря на съедение змею. Достал силач шесть бутылок того зелья, что король им в дорогу дал, наказал товарищам в случае беды псов спустить, вскочил на коня и поскакал к морю королевне на выручку. Прибыв к камню, рассек он мечом мешок и сказал:

— Вставай, поищи у меня в голове!

Испугалась девушка, подумала: «Вот она, погибель моя, пришла!» — но слова не сказала, присела на кочку и стала искать в голове у парня. Почесывала она ему голову, волосы перебирала, как вдруг море всколыхнулось раз, и другой, и третий. От этого проснулся парень, задремавший на коленях у девушки, вскочил на ноги:

— Ну что, идешь уже, похититель месяца! — и велел девушке за камнем спрятаться. Та сделала, как было велено, а море в четвертый раз всколыхнулось, а затем в пятый и шестой, и наконец вышел из волн шестиглавый змей, по мосткам на берег поднялся. Силач его верхом встречает. Конь под ним забеспокоился, завидев такое чудовище, зафыркал, но парень узду натянул и прикрикнул:

— Что храпишь, чертова сыть, что ржешь, жратва жабья! — и поехал змею навстречу.

— Фу-фуу! — говорит змей.— Погрызу нынче богатырских косточек!

— Как бы не так,— отвечает парень,— попробуй погрызи!

Говорит тогда змей:

— Ну-ка выдуй чистым духом своим оловянное поле, где нам с тобой биться!

— Сам выдуй своим нечистым духом поле бранное из меди! — отвечает парень.

Дыхнул змей, и началась у них битва на медном поле. Бьются, бьются — уже три головы отсек парень змею, еще сражаются — уже и четвертая покатилась, дальше вою-

ют — и пятую силач отрубил. Но шестую голову никак ему не достать. Сбросил тогда парень башмак с ноги, да так поддал, что улетел тот в город к товарищам, и отправили они собак ему на помощь. Псы набросились на змея, стали его зубами рвать, а тут парень и шестую голову снес чудищу. Закончив битву, пошел он к товарищам и лег спать, а месяц тотчас на небо выкатился, стал светить всем честным людям. Увидал народ месяц ясный и стал бога молить:

— Помоги, Господи, тому человеку, который месяц у змея отвоевал!

Встает наутро король и говорит слугам, как и вчера:

— Пойдите, вытряхните косточки из мешка, еще он младшей дочке пригодится.

Слуги за мешком отправились, пришли на берег моря и видят там королевну живую-невредимую, такую же прекрасную, как и прежде. Отвели девушку во дворец, а король от радости и речи лишился, совсем разум потерял от счастья. Успокоился он маленько и велел слугам рассказывать. Те отвечают:

— Мертвый змей на берегу лежит, шесть голов его рядом на мостках валяются, и до того они тяжелы, что шестеро мужчин одну голову поднять не могут, а уж тушу-то и все вместе даже лагами не сдвинули.

Проходит день, наступает вечер, и снова в городе половина народа плачет, другая смеется. Заметив это, отправился Ольховая Чурка к вдовушке, спрашивает:

— Отчего это половина народу плачет, а половина смеется?

— Оттого половина смеется, а другая плачет, что девятиглавый змей требует младшую дочь короля, если же не приведут ее, то будущей ночью сожрет он половину замка, половину народа, половину королевских богатств. Вот если бы сумел кто этого змея одолеть, то снова бы стало солнышко землю греть.

Запомнил Ольховая Чурка ее слова и стал бродить по городу, примечая, что во дворце делается. И вот что он увидел: младшую дочь короля, как и ее старших сестер, зашили в кожаный мешок, и королевские прислужники отнесли ее на морской берег. Приметив это, достал Ольховая Чурка огненное зелье и выпил все свои девять бутылок. Потом вскочил на коня и поскакал к берегу, крикнув товарищам:

— Если случится со мной беда и брошу я вам свой башмак, то спустите псов на подмогу!

Приехав к морю и найдя у камня кожаный мешок, распорол его силач своим мечом и сказал королевне:

— Вставай, поищи у меня в голове!

Девушка ни слова не проронила, села искать у парня в голове. Поискала она, как было велено, и тут заколыхалось море — раз вспенилось, и другой, и третий, и так до девятого раза. Догадался Ольховая Чурка, что змей из воды выходит, спрятал девушку за камень, а сам вскочил на коня. Жеребец, завидя змея, захрипел, на дыбы встал, не хочет вперед идти, но парень пришпорил его хорошенько и выругал:

— Нечего ржать, жабья жратва, нечего храпеть, чертова сыть!— и поехал прямо на змея.

— Ох-хоо! — сказал змей.— Сам Ольховая Чурка ко мне на съедение пожаловал!

— Да, это я,— ответил силач,— но как бы ты не подавился!

— Ну, выдуй-ка чистым духом золотое бранное поле, где нам с тобой биться,— сказал змей.

— Сам своим нечистым духом выдохни серебряное поле для битвы! — бесстрашно ответил Ольховая Чурка.

Дыхнул змей, и засверкало серебряное поле. Стали они драться. Бьются-сражаются, срубил силач у змея голову, потом вторую, затем третью, и так шесть голов отсек. Но никак три последние не даются, все еще змей ими

парню угрожает. Говорит тогда Ольховая Чурка вежливо:

— Посмотри-ка, солнышко встает, да такое красное, что и твоя шея, змей, словно зорька ясная!

Повернул змей одну голову в сторону, а парень ее тут же и отрубил. Две только головы у змея осталось, но никак не может их Ольховая Чурка одолеть. Снова он со змеем заговаривает:

— Глянь-ка, змей, дом твой горит!

Но змей настороже был, не забыл, как его парень обманул, и не стал головы поворачивать, но силач не растерялся и снова змея подзуживает:

— Оглянись, змей, жену твою порочат!

Не стерпел этого змей, оглянулся, и еще одну голову отсек ему Ольховая Чурка. Последняя голова осталась у чудовища, но не может парень ее мечом достать, все еще змей на него огнем дышит. Скинул тогда силач башмак с ноги и подал знак товарищам. Те, об уговоре помня, отправили собак ему на помощь, и удалось Ольховой Чурке змею последнюю голову отсечь, а псы остатки растерзали.

Сделав дело, пошел парень к товарищам и лег спать, а королевская дочка осталась сидеть на берегу у большого камня. Прошла ночь, наступил день, и встало солнышко над землей. Снова народ молиться стал:

— Благослови, Господи, того героя, который солнце ясное освободил!

Король в замке ничего не знает, считает дочь свою погибшей и говорит слугам:

— Пойдите, вытряхните косточки из мешка, соберите остатки и мне принесите!

Слуги отправились приказание исполнять, но на берегу увидели они девушку в полном здравии и прежней красе и привели ее во дворец. Велел король слугам рассказать все, что они видели, и сказали они:

— Лежит у моря змей растерзанный, а головы его, все девять, на мостках валяются. Девять человек не могли одну

голову поднять, а тушу и лагами с места не сдвинули.

Устроил король пир во дворце и созвал на него всех своих подданных. Вышел сам к народу и говорит:

— Кто змеев многоголовых одолел, кто дочерей моих любимых от смерти спас, пусть соберет все головы в кучу и приходит ко мне за наградой.

Услыхав слова короля, пошли трое товарищей на берег моря. Тот, что трехглавого убил, собрал три головы в кучу. Тот, что шестиглавого одолел,— шесть голов в одну кучу свалил. А Ольховая Чурка, победитель девятиглавого змея, побросал все девять голов в кучу и отнес королю на погляд. Говорит король силачам:

— За то, что избавили моих дочерей от лютой смерти, пусть каждый возьмет себе в жены ту, которую от змея спас. Отдаю зятьям во владение половину замка, половину подданных, половину камней драгоценных и самих рядом с собою поселю!

Поклонились товарищи королю и отвечают:

— Не надо нам ни дочерей твоих, ни замков, ни каменьев. Дай нам немного хлеба в дорогу, чтобы домой добраться, а больше нам ничего и не надо.

Велел король хлеба героям принести, и навалили перед ними булок и кренделей горы высокие, но товарищи взяли по два десятка караваев на каждого и, выехав из королевского замка, отправились в родные края.

Едут они, едут, видят у дороги плохонькую избушку с покосившимися постройками, слышат — оттуда голоса громкие доносятся. Говорит Ольховая Чурка товарищам:

— Подождите меня, я схожу разведаю, о чем это в избушке говорят. Здесь Сюоятар живет, мать тех змеев, которых мы с вами зарубили.

— Ну иди! — сказали товарищи и остались ждать на дороге.

Ольховая Чурка слез с коня и, обернувшись горностаем,

скользнул в поленницу, стоявшую у стены избушки. Прислушавшись, услыхал голос Сюоятар:

— По этой дороге едут убийцы моих сыновей, надеются домой попасть, но как бы не так — я их все-таки съем!

— Как же ты их съешь? — спрашивает кто-то.

— А вот так,— отвечает Сюоятар.— Нашлю я на них такой голод, чтобы и шагу ступить не могли, а по обе стороны дороги приготовлю им столы накрытые, но как только они за еду примутся, тут я их и настигну. Могли бы они и спастись на этот раз, если бы догадались трижды крест-накрест по столам мечом ударить. Тут пропали бы и столы, и голод. Но даже если они мою хитрость разгадают, их еще одна ловушка будет ждать. Наколдую я жажду им страшную, чтобы с коней валились, а около дороги сделаю ламбу да ковши на берегу, чтобы путнику напиться. Как только они пить примутся, тут я их и убью. Могло бы и на этот раз их то же средство спасти, если бы догадались по ламбе мечом трижды хлестнуть — пропала бы и ламба и жажда. Но если они и на этот раз уберегутся, то есть у меня еще одно средство: нашлю я на них такой сон, чтобы в седле засыпали, а у дороги приготовлю для них мягкие постели, и как только они на тех постелях вытянутся, тут я их и съем! Но если и на этот раз надоумит их кто мечом по постелям ударить, то уж больше я ничего поделать не смогу. Но не узнают они про это средство, а чтобы никто им сказать не мог, то пусть превратится в синий крест тот, кто слова мои повторит!

Подслушал Ольховая Чурка слова Сюоятар, выскочил из поленницы и превратился опять в человека. Когда вернулся он омраченный к своим товарищам, стали они его расспрашивать, о чем в доме Сюоятар толкуют, но Ольховая Чурка не решился им правду сказать, помня заклятие Сюоятар, и пришлось ему немножко соврать.

— Ничего интересного, так просто бабы между собой треплются.

Отправились они дальше, проехали сколько-то по дороге, и напал на них голод, наколдованный змеиной матерью, да такой, что совсем товарищей силы покинули. Вдруг видят они перед собой столы накрытые по обе стороны дороги. Успел Ольховая Чурка с коня соскочить и ударил по столам трижды своим мечом. Столы тут же исчезли, а товарищи стали Ольховую Чурку тузить да толкать, спрашивая:

— Столы стояли накрытые, а ты поесть нам не дал! Почему не дал?

Не сказал им Ольховая Чурка настоящей причины, помня, что превратится в синий крест, а стал от ответа увиливать:

— Да на что нам чужие пиры, не больно-то мы и голодны, дома поедим, когда приедем.

— И вправду голод пропал,— и они поехали дальше.

Недалеко успели отъехать, как скрутила их такая жажда, что чуть с лошадей не валятся. И тут же у дороги увидели путники ламбушку, а на берегу ковши, чтобы жаждущему напиться. Двое силачей, увидев воду, поторопились к берегу, но Ольховая Чурка опередил их, ударил трижды крест-накрест мечом по воде, тут же и ламба пропала с ковшами вместе. Опять рассердились товарищи на Ольховую Чурку, стали его колотить:

— Не дал ты нам напиться из чистой ламбушки! Почему не дал?

— На что нам вода чужбинная! — снова хитрит Ольховая Чурка.— Вот приедем домой, там и напьемся, дома и вода слаще.

Не решился он настоящую причину сказать, помнил о заклятии Сюоятар: «Кто повторит мои слова, тот превратится в синий крест!»

Отправились товарищи дальше, едут, едут, устали сильно, и такой их сон одолел, что в седле засыпают. Вот-вот уже с лошадей повалятся, как вдруг видят: стоят вдоль дороги постели чистые, с пуховыми перинами, мягки-

ми подушками. Увидев их, соскочил Ольховая Чурка с коня и перекрестил мечом трижды одну постель, и она вмиг пропала, но товарищи его в это время уже с лошадей слезли и на перины бросились. Тут их Сюоятар и настигла. Ольховая Чурка, видя такое дело, бросился бежать, даже лошадь свою проклятой ведьме оставил. Сюоятар двоих силачей тут же съела, так и погибли герои бесславной смертью, и достались Сюоятар и лошади их, и все, что у них с собой было. Отвела ведьма лошадей к себе домой, украсила бубенцами и колокольчиками и приковала в конюшне железными цепями к чугунному кольцу.

Ольховая Чурка бредет лесом один, без товарищей, не знает, как и быть, горюет, что конь пропал, не на чем домой добираться. Устал он шагать и присел на пень отдохнуть. Вдруг заметил он на другом пне глаз человеческий, самый настоящий. Стал он оглядываться да прислушиваться в удивлении, и услышал голоса в лесу. Пошел он на звук и видит — девять слепых девушек в чаще мыкаются. Их когда-то родители прокляли, вот Сюоятар над ними власть и получила. Выколола злая ведьма сестрам глаза, один только на всех оставила, чтобы в лес ходить. Этот-то глаз и нашел Ольховая Чурка. Девушки стали его просить жалобно, чтобы отдал он им единственный глаз:

— Кто бы ты ни был, отдай нам наш глаз. Если в отцы нам годишься — отцом будь, если в братья — братом, если в сестры — сестрой примем.

Пожалел их Ольховая Чурка, отдал глаз:

— Возьмите, мне ваш глаз не нужен, а вы без него совсем пропадете.

Назвал парень себя и сказал, что лишился коня и теперь не знает, как до дому добраться. А девушки, видать, знали о его приключениях и, получив свой глаз обратно, рассказали:

— Твоя лошадь в конюшне у Сюоятар, и кони твоих товарищей там же. Она их бубенцами, колокольцами

убрала и нас заставляет за ними присматривать, но если тайком проберешься в конюшню и мечом своим перерубишь цепи, которыми конь к кольцу прикован, то мы прикинемся, что ничего не знали и не слышали. Так ты себе коня добудешь.

Сказав это, пошли девушки к дому Сюоятар, и одна из них все время шла впереди, держа в вытянутой руке единственный глаз, чтобы с дороги не сбиться. Так добрались они до своей хозяйки, а Ольховая Чурка осторожно крался за ними и тайком прошмыгнул в конюшню. Увидал он там свою лошадь и ударил раз мечом по цепям, которыми она была прикована. Всполошились от этого лошади, зазвенели бубенцы, колокольчики, услыхала Сюоятар шум, велит сестрам:

— Пойдите поглядите, не Ольховая ли Чурка там за конем пришел.

Дала ведьма всем девушкам глаза, чтобы лучше видели, и пошли они в конюшню, но никого не нашли — Ольховая Чурка под ясли спрятался. Не увидев ничего, вернулись девушки к Сюоятар и сказали:

— Все лошади в конюшне, никого больше нет.

Сюоятар на том успокоилась, но немного прошло времени, как Ольховая Чурка второй раз ударил мечом по железным оковам, и снова зазвенели колокольчики, загремели бубенцы. Опять послала Сюоятар девушек поглядеть, как и в прошлый раз. Сходили те в конюшню, как было велено, но вернулись ни с чем и сказали:

— Никого, хозяйка, чужого там нет.

Ольховая Чурка тем временем под яслями прятался, и, едва девушки за порог вышли, снова он оттуда вылез и третий раз рубанул мечом по железным цепям. Упали цепи, но и конь при этом всполошился, загремели-загрохотали бубенцы-колокольчики. Услышав шум, решила Сюоятар сама с сестрами в конюшню пойти, вытащила из-под яслей Ольховую Чурку и говорит ему:

— Ну что, попался!— хотела было сразу же съесть его.

— Не ешь меня, бабушка! — просит парень.

— Съем сначала обманщиц,— сказала Сюоятар и сожрала всех сестер одну за другой.

А парню такое условие поставила:

— Если добудешь мне красавицу Катрину с красивой Кий-реки, то не съем я тебя, в живых оставлю.

— Добуду,— отвечает Ольховая Чурка и обещает привезти ведьме красавицу Катрину. С тем и отпустила его Сюоятар.

Что делать, собрался Ольховая Чурка в путь, красавицу Катрину искать. Дала ему Сюоятар малюсенькую лодку-однодеревку, и пришлось Ольховой Чурке на той долблёнке по морю в плаванье отправиться. Гребет он, гребет по волнам, слышит крик с конца одного мыса:

— Куда едешь, Ольховая Чурка? Возьми меня с собой, веселей вдвоем плыть!

— Садись,— ответил парень, повернул к мысу и взял путника с собой.

Забравшись в однодеревку, приладил тот к лодке один борт, и отправились они дальше. Сколько-то пути одолели, уже на другом мысу кто-то кричит:

— Возьми меня в лодку, Ольховая Чурка, втроем веселей будет!

Взял его парень в лодку, и тот второй борт нарастил. Теперь в лодке уже два борта высокие.

Еще сколько-то времени проплыли, снова на мысу кто-то рукой машет:

— Возьми меня, Ольховая Чурка, вчетвером веселее будет!

Взяли его в компанию, а он к лодке нос смастерил. Гребут дальше, недалеко и отплыли, снова кричат им с мыса:

— Ольховая Чурка, возьми меня в лодку, вместе веселее!

Взяли и его, как и других попутчиков. Последний корму

для лодки с собой принес. Гребут они дальше, смотрят — пятый уже путник на мысу стоит и в лодку просится. Взяли и его, а тот к бортам края приделал, и отправились они дальше. Стал Ольховая Чурка своих попутчиков расспрашивать, к первому обращается:

— Ты кто таков будешь?

— Я Псарь.

— Ну а ты,— спрашивает Ольховая Чурка у второго,— кто такой?

— Я Спун-Храпун.

— Ну а ты кто? — спрашивает парень у третьего.

— Парильщик.

— А ты, четвертый, что за человек?

— Я на свадьбе красавицы Катрины едок.

У последнего попутчика спрашивает Ольховая Чурка:

— А ты кто такой?

— Водонос я по должности,— отвечает тот.

Едут дальше, уже чудная река Кий видна. Причалили путники к пристани, а из дома на них собак спустили. Злые псы вокруг лодки крутятся, на товарищей бросаются. Говорит тогда Ольховая Чурка первому попутчику:

— Пойди-ка усмири этих собак, раз ты Псарь!

Вышел Псарь первым из лодки, снял с головы шляпу и помахал ею по обе стороны, собаки вмиг все присмирели. Поднялись путники по тропинке к дому, вошли в избу и сели на лавку. Удивились хозяева их приходу, говорят:

— Не было еще таких гостей, чтобы собаки в дом пустили, всех на берегу съедали!

— Не для того мы сюда приехали, чтобы собаки нас съели, драконхвостые нас разорвали! — ответил Псарь и о другом заговорил.

Как наладилась беседа, стал Ольховая Чурка хозяйскую дочь сватать:

— Приехали мы к вам на красивую Кий-реку за красавицей Катриной. Отдадите ли нам ее?

— Если переночуете у нас, завтра поговорим,— ответили хозяева.

— Отчего бы не переночевать,— отвечает за всех Спун-Храпун.

Постелили гостям в амбаре и велели спать ложиться. Пошли путники в амбар и улеглись все в ряд, а Спун-Храпун, тот поверх товарищей поперек лег. Ночью подожгли хозяева амбар, но искры сыпались на спящего сверху Спуна-Храпуна и вреда никакого товарищам не причинили, только постройка зря сгорела. Мужчины утром встали живые-здоровые и пошли в избу. Сказал Ольховая Чурка хозяевам:

— Глупые вы люди, свой амбар сожгли, нам-то ничего не сделалось, только постройка сгорела!

— Не отдадим вам дочери раньше, чем попаритесь в нашей бане! — сказали хозяева.

Гости согласились. Натопили для них железную баню докрасна, думая, что хоть там они сгорят.

Что делать, отправился Парильщик первым в баню, и, как дохнул один раз, сразу вырос посреди бани сугроб, перед каменкой лужа разлилась, а стены инеем покрылись. За ним зашли остальные в баню, попарились и все вместе в избу вернулись, ворча сердито:

— Странные вы люди! Так баню натопили, что и одному человеку пара не хватает!

Испугались в доме, что придется отдать красивую Катрину, и говорят гостям:

— Не отдадим дочери, пока не съедите всех наших угощений.

— Что ж, это можно,— отвечают товарищи,— несите на стол.

Стали хозяева блюда носить — все, что в доме было, на стол тащат. Коров зарезали, овец зарезали и, когда уже все на столе было свалено, зовут гостей обедать. Пошел один

Едок к столу, принялся за пищу и умял все, что было. Спрашивает он, усы вытирая:

— Это что же, все?

— Все,— отвечает хозяйка,— в доме-то корки хлеба не осталось, и живность всю прикончили.

Достал Едок свой дорожный мешок и позвал товарищей за стол:

— Раз уж в доме и гостей-то угостить по-хорошему не могут, давайте хоть моими припасами перекусим.

Расселись путники, перекрестились и принялись за еду, да так все и насытились харчами Едока.

Но никак не хотят хозяева дочь отдавать, говорят гостям:

— Не отдадим дочку, пока с нею воды в решете не наносите.

А разве ж вода в решете удержится! Но все же соглашаются товарищи:

— Давайте решето, наносим!

Подает хозяйка одно решето дочери своей, красивой Катрине, а другое гостям, и принимаются они за дело. Красавица Катрина вперед на берег побежала, а Водонос, которому товарищи решето отдали, сидит себе на лавке, не торопится. Удивились хозяева, говорят ему:

— Что ж ты сидишь, иди дело делай!

— Не торопите меня,— отвечает Водонос,— я успею,— и встал с лавки. Вышел он из избы, но далеко не пошел, остановился за сараем с решетом в руках и ждет. А красавица Катрина уже с берега домой возвращается, полное решето воды несет. Водонос взял да и перелил воду из ее решета в свое, вошел в дом и сказал:

— Глядите, я уже принес воды в решете, а красивая Катрина еще только на берег побежала.

Глянули родители в окошко, а девушка и вправду снова к берегу спускается, чтобы еще раз воды набрать.

Говорят промеж собой хозяева: «Эти сваты лихие с лю-

бым делом справятся, никак нам их не одолеть, придется отдать обещанное». И отдали Ольховой Чурке красавицу Катрину, которая так красива была, что ни на суше, ни на море такой не сыщешь:

Сквозь одежду видно кожу,
Тело светится под кожей,
Косточки под телом видно,
В серединке сердце бьется.

Забрал Ольховая Чурка невесту и отправился с товарищами в обратный путь. Гребут, гребут они по морю, скользят по волнам на лодке, а по дороге попутчики каждый на своем мысу на берег выходят. На первом мысу Водонос вылез и оторвал у лодки обшивку. На втором мысу Едок вышел и нос у лодки унес. У третьего мыса Спун-Храпун на берег попросился и корму забрал. Так же и четвертый и пятый на своих мысах на берег сошли и борта у лодки забрали. Осталась одна узенькая долбленка, и поплыли на ней Ольховая Чурка с красавицей Катриной дальше. Скользит суденышко по волнам морским, словно лыжа, но больно уж узка лодочка. Упал у красавицы Катрины край подола в воду, а Ольховая Чурка мизинцем поднял подол да поправил, чтобы не мочился он в воде.

Подъехали к дому Сюоятар, ведьма заметила их с пристани, и, когда Ольховая Чурка с Катриной из лодки вышли, пожала она парню руку и сказала:

— Если трогал ты прекрасную Катрину хоть пальцем, пусть у тебя тот палец отломится,— и отгрызла парню мизинец.

Рассердился Ольховая Чурка на старуху, выхватил меч из ножен и сказал:

— Если мучила ты слепых сестер, пусть меч мой тебя за то покарает,— и порубил Сюоятар на десять кусков.

После этого говорит красивая Катрина своему жениху:

— Если сумел ты меня добыть, то бери теперь в жены! — и бросилась Ольховой Чурке на шею.

Ольховая Чурка вырыл на берегу глубокую яму, навалил в нее дров, хвороста, поджег и бросил в огонь останки злой ведьмы. Сам сходил в старухину конюшню за своим конем, взял в ведьминой казне серебра и золота, сколько надо было, и вернулся к своей невесте. Подхватил он красавицу на руки и поехал с ней к дому.

Долго ехали, наконец приехали в родную сторонку, в родительский дом. Там нашли они стариков еще живыми, но такими дряхлыми, что даже днем без свечи они работать не видят. Но когда поздоровалась с ними красавица Катрина, обняла стариков, они сразу половину возраста сбросили, помолодели и сына признали, которого много лет уже погибшим считали.

Живет Ольховая Чурка с молодой женой в родительском доме, горя не знает, но проходит время, и стал король выведывать, куда он своих товарищей девал, которые с ним вместе со змеями бились. Не хотел Ольховая Чурка отвечать на такие вопросы, помнил ведьмино заклятье, что в синий крест превратится, но король все допытывается:

— Куда же ты дел своих товарищей, уж не убил ли? — и велел для парня виселицу готовить.

Пришлось Ольховой Чурке рассказать всю свою историю. Начал он по порядку:

— Прыгнул я горностаем в поленницу...— да все так как было и поведал, но едва он говорить закончил, как превратился в синий крест на кладбище.

Забрал король его жену себе, увез красавицу Катрину в свой дворец и в жены взял. И живут они вместе по сей день, рожают крепких сыновей и красивых дочек.

И я на той свадьбе был. Подарили мне восковую лошадку, седло из репы да кнут из гороха. Долго длился пир свадебный, много дней гости веселились. Домой возвращаясь, задержался я у риги, рига загорелась, а я тушить стал. От жара лошадка моя растаяла, репа испеклась, ребятишки ее утащили и съели. Я за ними погнался, а они со-

бак на меня натравили. Стал я от собак кнутом отбиваться, но псы мой гороховый кнут погрызли. Так и остался я ни с чем! Еле живой домой пришел, не знал, как до постели добраться.

Вот и сказка вся.

ЛИСА-СВАХА

Жили муж с женой, и был у них один-единственный сын Юсси. Заболела мать тяжело и помирать собралась. Пришел сын к ее постели и сказал печально:

— Куда же я, бедный, денусь, если ты умрешь?

— Не печалься,— говорит мать,— если я помру, то ведь не один ты — с отцом останешься.

Прошло немного времени, умерла мать, и слег за нею следом отец. Приходит сын к отцу и говорит:

— Как же мне быть, батюшка, если ты умрешь?

— Не грусти, сынок,— сказал отец.— У меня три ловушки в лесу поставлены. Когда я помру, ты сходи проверь их, но, если кто попадется, не убивай, а принеси живым в дом.

Недолго прожил старик, умер, и остался Юсси сиротой. Долго он плакал, много дней подряд слезы лил, и вспомнилось ему, что отец, умирая, наказывал. Подумал парень: «Велел мне батюшка ловушки проверить, дай-ка пойду я нарочно, погляжу».

Отправился он в лес, проверил одну ловушку, проверил другую, а в третьей ловушке нашел рыжую лису. Понес парень ее в дом, как покойный отец наказывал, а про себя подумал: «Много ли толку от моей добычи, помру я с голоду, если не придумаю, как мне дальше жить».

С такими мыслями пришел он домой со своей добычей и сел пригорюнившись на скамеечку, думая, за какую работу

ему взяться, чтобы с голоду не пропасть. Тут слышится из угла избы словно бы человеческая речь, и говорит парню лиса:

— А не желаешь ли ты, Юсси Юхолайнен, к кому посвататься?

Удивился лисьим словам парень, подошел к лисе и спрашивает:

— Как же я, лисичка, посватаюсь? С бедной женой мне не прожить, а богатая за меня не пойдет.

— А ты пойди в королевский замок свататься, вот богатую и получишь! — говорит лиса.

— Хорошо тебе, лисичка, шутки шутить! — отвечает парень.— Как же я пойду к королю свататься, разве ж из этого толк будет?

— Да ты не беспокойся,— говорит ему лиса серьезно,— вот увидишь, я дело так справлю, что будет толк!

Услышав такое, подумал про себя парень: «Хуже не будет, а пусть себе лисичка потешится!» — и пошел следом за лисою, посмотреть, куда она его приведет.

Идут они вдвоем, вместе путь одолевают, наконец подошли к королевскому замку — уже дворец за деревьями виден. Говорит тогда лиса своему хозяину:

— Подожди меня здесь, а я вперед пойду, разузнаю, дома ли королевская семья и что в замке творится.

Оставила лиса Юсси Юхолайнена и побежала во дворец, где сразу же пробралась прямо к королевской семье в покои и говорит королю:

— Одолжите, ваше величество, четверть — хочет мой хозяин свое серебро и золото перемерять.

Король, услышав о новоявленном богаче, дал четверть и сказал лисе:

— Проси своего хозяина пожаловать ко мне во дворец — найдется и комната для гостя, и пища для угощения.

Получив от короля четверть, понесла лиса ее будто бы своему хозяину, а сама по пути нацарапала во дворце золо-

тых и серебряных крошек со стен и рассовала их по утору четверти. Помедлив немножко, отнесла она посудину обратно королевским слугам, поблагодарила и побежала к Юсси рассказывать, что король его во дворец приглашает.

А король тем временем думает про себя: «Правду ли говорила лиса про своего хозяина, что так он богат, или все это выдумка?» Чтобы в деле как следует разобраться, говорит он слугам:

— Принесите-ка мне ту четверть, которую лиса занимала, если ею и вправду серебро да золото мерили, наверняка крохи какие-то на донышке остались.

Исполнив приказание, принесли слуги четверть на проверку, и король, присмотревшись хорошенько, нашел золотые и серебряные крошки в уторе. Поверил тут король словам лисы и сказал:

— Да, этот парень не бродяга какой-нибудь, раз серебро да золото четвертями меряет!

Под вечер явился Юсси Юхолайнен с лисой в королевский дворец, а ему уже отдельную комнату приготовили и стол накрыли с кушаньями и напитками, каких только пожелать можно,— все лучшее из королевских припасов выбрали. Так провел он вечер вдвоем с лисой, и наступила ночь. Утром лиса его снова покинула, пришла к королю и сказала:

— Дай-ка, король, свои одежды посмотреть, не хуже ли они, чем у Юсси Юхолайнена.

Приносит король одно платье для начала, лисе показывает, но та и смотреть не хочет, говорит, что у хозяина лучше. Король другое платье достает, еще богаче, но и то лисе не нравится. Тогда приносит король свои лучшие парадные одежды и лисе показывает — мол, неужто и это не то?

— Вот этот наряд похож на костюм моего хозяина,— говорит лиса.

Взяла она у короля платье, чтобы хозяину показать,

отнесла его Юсси Юхолайнену и велела парню одеваться. Юсси, зная, что лиса дурного не посоветует, послушался ее и надел на себя королевский наряд. Только кончил он одеваться, как лиса опять его наставляет:

— Иди теперь к королю да посватайся к его дочери — вот тебе и богатая невеста, раз бедная не годится!

— Да, пожалуй, богатая лучше будет,— ответил Юсси и отправился с лисой в королевские покои.

Поклонился Юсси королю и попросил отдать за него принцессу. Король думал-гадал, как быть, да и согласился — да и как не отдать своей дочери такому жениху, у которого и наряды не хуже королевских, и серебра да золота столько, что четвертями меряет!

Ну что ж? Стали к свадьбе готовиться, гостей созывать, господ, крестьян — полный замок народу собрался. Пируют день, пируют другой, скоро неделю празднуют — начинает уже народ со свадьбы расходиться, по домам разъезжаться.

Собираются и Юсси с молодой женой домой подаваться, ехать-то все равно надо. Стали прощаться перед дорогой. Но не хотелось королю вот так вдруг одному оставаться, единственную дочку замуж отдав, и вознамерился он своего зятя проводить.

— Дай-ка,— говорит король,— поеду и я на твой дом поглядеть, надо же мне, дети мои, хоть раз взглянуть, как вы на новом месте жить будете. Вместе и поедем.

Не по вкусу пришлось Юсси такое дружелюбие, это каждому понятно, но что поделаешь, если король уже в дорогу собрался. Поняла лиса, что попал хозяин впросак, и сказала громко, чтобы король услышал:

— Побегу я, хозяин, вперед, предупрежу слуг в замке, что гости едут, а вы следом поезжайте. Как до развилки доедете, сворачивайте налево, там дорога до замка короче будет.

Выслушал Юсси лису, которой уже верить привык, подумал: «Ну, ты-то лучше знаешь, какой дорогой до моего

замка ехать, а мы уж за тобой последуем, может, куда и доедем».

Положившись на лису, выехал парень с женой, тестем и остальными провожатыми из королевского замка, не зная, где их путешествие закончится.

Лиса тем временем побежала по дороге одна, и встретились ей десять работников в голубых кафтанах, словно в инее, с топорами на плечах.

— Эй, вы что за люди? — спрашивает лиса.

— Мы Змеевы дровосеки,— отвечают работники,— а тебе что за дело?

— Ах бедняги! — говорит лиса.— Король за мной следом едет, хочет Змея убить. Если он спросит, чьи вы люди, не говорите, что Змеевы, скажите — Юсси Юхолайнена, а не то король и вас порубит.

Дровосеки лису выслушали и обещали сказать королю, как она велела, а сама рыжая дальше побежала.

Бежит, бежит она по дороге, а навстречу ей — двадцать работников в голубых кафтанах, словно в инее, вокруг них большой табун лошадей.

— Вы что за люди будете? — спрашивает у них лиса.

— Табунщики Змеевы,— отвечают работники.

— Ой, не говорите королю, что вы Змеевы! Король за мной следом едет, собрался Змея воевать, так и вас не пощадит. Вы скажите, что Юсси Юхолайнена работники.

— Это нам нетрудно,— обещали табунщики, а лиса дальше побежала.

Не успела она от них далеко отбежать, как встретились ей целых тридцать работников в голубых кафтанах, словно в инее, а с ними стадо коров громадное.

— Чьи вы такие будете? — опять спрашивает лиса.

— Змеевы пастухи,— говорят работники,— а тебе что за дело?

— Ох, несчастные вы, несчастные! Не говорите хоть королю об этом, он сюда едет со Змеем биться, заодно и вам

головы посечет. Скажите, что Юсси Юхолайнена вы работники!

Пастухи обещали лисьему совету последовать, чтобы избежать королевского гнева. Рассталась с ними лиса и побежала скорее дальше.

Бежала, бежала она по дороге и увидела перед собой замок Змея, такой красивый да богатый, что:

На земле прекрасней нету,
И на море нет сравненья.
Дуб растет среди подворья,
Дерево стоит святое,
Ветки золотом покрыты,
На ветвях златые птицы
Песни звонко распевают!

А вокруг замка парк раскинулся, и гуляет в парке красавец-лось, один волос у него золотой, другой серебряный, а третьему и названья нет.

Зашла лиса в дом, огляделась и видит, что Змей дома один, никого больше нету. Говорит лиса Змею, переступая порог:

— О Змей, несчастная твоя голова! Хочет король дом твой разорить и тебя самого погубить!

Перепугался Змей не на шутку.

— А нельзя ли мне,— спрашивает,— как-нибудь спастись?

— Непросто это сделать,— отвечает лиса,— но попробуй где-нибудь спрятаться, может, и не найдет тебя король!

Стоял во дворе амбар со льном, в него-то Змей и схоронился, а замок на лису оставил, считая ее за своего друга, поскольку она его об опасности предупредила.

Король со свадебниками тем временем дальше по дороге едет, поравнялись уже путники с дровосеками, и подивился король, чьи это работники в таких красивых кафтанах. Спрашивает он у них:

— Кто ваш господин, дровосеки?

— Юсси Юхолайнен! — отвечают работники, как их лиса учила.

«Хороший же мне зять попался, даже у меня нет таких дровосеков,— подумал король,— видно, хозяйство у него немалое!» Но вслух ничего не сказал, а отправился со свадебниками дальше. Через какое-то время подъехали они к табунщикам, и спрашивает у них король:

— Кто ваш господин, работнички?

— Юсси Юхолайнен! — отвечают табунщики.

Король от лошадей и табунщиков зятя в восторг пришел, и даже позавидовал — у самого-то таких нет. Отправился свадебный поезд дальше. Еще сколько-то проехали, встретили пастухов в голубых кафтанах. Снова король удивляется, спрашивает у них:

— Кто ваш господин, пастухи?

— Юсси Юхолайнен,— отвечают работники,— у него мы пастухами служим, а коровы эти — все из его стада!

— Хорошие у тебя коровы,— говорит король зятю,— даже у меня таких нет!

Тому бы ответить следовало, но не может Юсси и слова вымолвить от удивления, едет себе молча рядом с королем, ждет, чем дело кончится. Поехали они дальше.

Лиса между тем хозяйничает в Змеевом замке. Амбар, где Змей от короля спрятался, она подпалила, и сгорел там хозяин замка вместе со льном, только пепел один остался. А лиса завладела опустевшим дворцом, навела везде порядок и поспешила навстречу гостям. Спряталась она в придорожной канаве и ждет свадебников.

А король со всей свитой по дороге едет и, увидев башни Змеева замка, спрашивает у спутников:

— Чей это там дворец показался?

Не знает Юсси, что и отвечать на такой вопрос, места-то ему совсем незнакомые, но тут лиса из канавы выскочила и докладывает:

— Это, ваше величество, и есть замок вашего зятя

Юсси Юхолайнена, куда вы путь держите. Поезжайте за мной, я вам дорогу укажу!

С теми словами побежала лиса вперед, а остальные за ней следом поскакали. Король до того рад богатству зятя, что даже посмеивается про себя и слова сказать не может от удивления, видя такую роскошь и красоту кругом. Но когда во двор въехали и предстали перед путниками все чудеса замка, у короля прямо голова закружилась. На дубе посреди двора птицы поют-заливаются, в парке лось скачет, играет, и все прочее кругом так же красиво.

Заходят свадебники в покои, дивятся на убранство богатое, в себя прийти не могут от восхищения — лавки да стулья в комнатах золотые, стены серебряные, а полы да потолки камнями самоцветными выложены.

— Вот зять так зять, есть чему подивиться! — радуется король и, склонив голову набок, любуется на покои, на всякие диковинки, и никак он от удивления не оправится, такое все кругом невиданное.

Когда собрались все королевские провожатые в замке, пригласила лиса гостей за стол, и начался тут пир, как в богатых домах и заведено. Столы кушаньями да напитками полны, и такие там были лакомства, что и рассказать нельзя,— чего только нет, разве что птичьего молока. Пьют-едят гости в доме зятя, много дней пируют, и стал уже король обратно собираться, в путь-дорогу укладываться. Говорит тогда лиса хозяину, чтобы гости тоже услышали:

— Надо бы и нам теперь к королю на пир поехать, поглядеть, чем там угощают, есть ли у них такие лакомства, как у нас.

Хотел было король отговориться, да раз зашел разговор, тут уж ничего не поделаешь, надо зятя к себе приглашать.

Отправились все вместе обратно к королю в гости и, приехав на место, стали приглядываться, чем король гостей удивит, да где там — нет ни птиц золотых на дубу, ни лося чудесного в парке! Выпустил король собак во двор лаять

да телят на подворье скакать, но разве таким кого удивишь!

Говорит тогда лиса своему хозяину:

— У тебя теперь, Юсси Юхолайнен, житье получше королевского, я уж тебе больше не нужна. Живите долго и весело!

С теми словами рассталась лиса с Юсси и в лес убежала, куда — неведомо, и с того дня никто ее не видел и не слыхал.

Вот и все тут.

НЕЗНАМО ЧТО

Жил в старину один человек. Отправился он на охоту. Бродя по лесу, вышел он на берег реки и стал присматриваться, не видно ли где дичи. Выплыли из-за камышей три утки и совсем близко к берегу подгребли. Заметив их, спрятался охотник в кустах и стал уток караулить, чтобы поближе подпустить, но тут услышал он странные речи. Плавая совсем недалеко от него, стали утки разговаривать. Говорит одна:

— Не искупаться ли нам, подруженьки — уж больно здесь бережок красив да гладок.

После этих слов вышли все три утки на берег, обернулись прекрасными девушками и, скинув с себя на траву одежду, побежали в речку купаться. Охотник, прятавшийся в ивняке, увидел это и подумал про себя: «Дай-ка я у этих красавиц одежду украду, может, так познакомиться с ними сумею». Вышел он потихоньку из своего укрытия и, пока девушки в реке плескались, выбрал самое красивое платье, спрятав его, снова в кустах укрылся.

Накупавшись, наплескавшись в воде вдоволь, выходят девушки на берег и бегут к своим платьям одеваться, а одна своей одежды не находит. Перепугались девушки. Две

подружки схватили скоренько наряды и убежали, а третья, голенькая, не знает, что и делать без платья. Говорит она печально:

— Если бы мне кто мою одежду принес, не знала бы я, как и благодарить его! Если бы малолетний был — братом бы назвала, если мужчина взрослый — замуж бы за него пошла, а если старик — дочерью бы ему стала.

Услышав такое, не стал больше охотник прятаться, вышел из кустов и отдал платье девушке. Она, как и обещала, женихом его назвала, пошла с ним в его дом и стала хозяйкой.

Женившись на такой красавице, стал муж реже на охоту ходить, и зажили они хорошо. Жили-поживали вместе, как мужу с женой подобает, и собрались все окрестные господа на красавицу подивиться — ни у кого из них не было такой прекрасной жены, как у простого крестьянина. Через господ и король проведал, какая в его государстве красавица живет. А у короля был сын, которого уже пора было женить, и все королевское семейство головы ломало, где ему достойную жену найти. Услышав разговоры про жену крестьянина, решил король:

— Надо нам эту знаменитую красавицу для нашего сына раздобыть!

Объявил он свое решение господам придворным и спросил у них совета, как нынешнего мужа красавицы погубить. Вельможи рады королю услужить, и давай совещаться. Наконец объявляют они свою задумку:

— Всемилостивый государь! Не знаем мы другого средства, как задать ему такие непосильные работы, чтобы наверняка пропал, их исполняя.

Понравился совет королю, и призвал он к себе крестьянина:

— Слышал я, что ты мастер искусный во всех ремеслах. Покажи-ка мне свое уменье — к завтрашнему утру добудь мне такую скатерть, чтобы луна и звезды на ней сияли, как

настоящие, а если к сроку моей воли не исполнишь, не сносить тебе головы!

Выслушав короля, вышел опечаленный муж из замка и побрел домой. Ничего жене не сказал, но та сама по глазам его угадала, что случилось что-то, и первым делом спрашивает:

— Что невесел так, милый друг?

— Да есть отчего печалиться,— ответил муж, рассказав о своей беде,— вот какую работу мне король задал да велел к утру закончить.

— Не горюй, муженек,— сказала жена,— утро вечера мудренее, ложись-ка ты спать!

Муж все равно ничего лучшего придумать не мог, согласился с женой, лег и скоро уснул. Но жена спать не стала, а тайком от мужа всю ночь расшивала скатерть со звездами и месяцем. Когда муж проснулся утром, скатерть уже готова была, взял он ее у жены и отнес королю во дворец.

Стали там скатерть рассматривать, на все стороны поворачивать, но не к чему королю придраться — на славу была вещь сработана, и даже звезды на ней, как настоящие светят.

Но не оставили беднягу на том в покое. Король уже новую задачу придумывает, раз на первый раз не удалось погубить крестьянина. Пошел он снова у придворных совета спрашивать. Они, за мудрецов себя считая, долго думать не стали, решили, что средство нашли самое верное, и доложили королю. Тот снова к себе крестьянина позвал и сказал ему сурово:

— Придется тебе мое поручение исполнить: пойти туда — невесть куда, принести то — незнамо что. Если не справишься, голову потеряешь.

Что тут станешь делать? Такого приказа и понять-то никто не сумеет, не то чтобы выполнить! Опечаленный отправился бедняга домой. Там жена спрашивает, как и в прошлый раз:

— Что так невесел, милый друг?

— Так и так,— отвечает муж, есть для печали причина — решил, видно, король меня со свету сжить, не знаю уж, что на него накатило. Теперь, слышь, велено мне пойти туда — невесть куда, принести то — незнамо что. Иначе отрубят мне голову.

— Не расстраивайся, муженек,— говорит жена,— ложись спать спокойно, утро вечера мудренее, может, что и найдем.

Муж, новой напастью огорченный, ничего другого не придумал, внял жениному совету и спать лег.

Жена, увидев, что муж крепко спит, принялась опять за работу и всю ночь усердно шила. До рассвета успела она вышить красивое полотенце и утром подала его мужу со словами:

— Как отправишься ты сегодня добывать это безымянное что-то, за которым тебя послали, не бойся ничего, шагай себе смело вперед, пока не встретится тебе дом у дороги, в нем и заночуешь. Если увидишь там что-нибудь странное, не обращай внимания, повесь на гвоздь сумку, шапку и рукавицы и начинай по избе похаживать, словно у себя дома, и при этом помахивай полотенцем и нос им вытирай, да так, чтобы видно было хорошо.

Выслушав советы жены, вышел муж из дому и зашагал по дороге. Все идет и идет, уже темнеть стало, а дома все не видно. Но он все дальше шагает, и, когда настала темная ночь, показался впереди большой замок. Заходит путник во двор, начинает к постройкам присматриваться, и видит он странные вещи: изгородь вокруг замка вся из человеческих костей сложена, и на каждом столбе — голова, только один столб пустой торчит. Подумал про себя крестьянин: «Видно, судьба мне тут свою погибель найти, но раз уж я здесь, то зайду все же в замок — будь что будет».

Заходит он в дом и видит там огромную носатую старуху. Кричит старуха вошедшему:

— Вот те на! Только человечины захотелось, так она сама в рот идет!

Тут уж любой бы испугался, но крестьянин, помня наказ жены, на старуху и не глянул, а повесив на гвоздь сумку, шапку и рукавицы, стал по избе прохаживаться, как у себя дома, да помахивать вышитым женой полотенцем, изредка им нос вытирая.

Едва увидела старуха полотенце в его руках, как заговорила с ним ласково:

— Да ты, я гляжу, муж дочери моей родной тетки, не стану я тебя убивать! Что же тебя сюда привело?

Рассказал ей крестьянин, куда его король послал.

— Вот оно что, сынок, нелегкая у тебя задача. Погодика, может, что и придумаем,— сказала старуха, вышла на улицу и крикнула с крыльца:— Слуги мои верные! Собирайтесь все сюда!

Поднялся тут шум-гам такой, что ничего не разобрать,— полный двор старухиных прислужников набился. Когда все собрались, спрашивает у них хозяйка:

— Знает ли кто из вас, что это такое: пойди туда — невесть куда, принеси то — незнамо что?

— Не знаем мы! — отвечают все как один.

Ничего от них не добившись, отпустила старуха слуг и говорит крестьянину:

— Не могу я тебе в твоем деле помочь, но иди-ка ты дальше, пока не встретишь второй замок, там моя сестра живет, может, она что знает.

Поблагодарил крестьянин старуху за совет, распрощался и дальше отправился. Шел весь день, пока смеркаться не начало, подошел к большому замку, такому же, как и вчерашний. Там одна старуха в доме была, только еще толще, и нос у нее длиннее, чем у первой. Признав по полотенцу в госте родственника, собрала она своих слуг и спрашивает

у них, не знают ли они, что это: пойди туда — невесть куда, принеси то — незнамо что. Но не знают такого старухины слуги. Ничего от них не добившись, отправила она крестьянина дальше в путь, сказав на прощанье:

— Иди вот этой дорогой, к вечеру придешь к еще одному замку, там наша третья сестра живет, уж если она тебе ничем не поможет, значит, никто не поможет.

Что делать, поблагодарил крестьянин старуху за совет и отправился дальше. Прошагав весь день, подошел он к третьему замку и нашел там, как и во вчерашнем, носатую старуху, только была она еще толще, чем сестры. Созвала она своих слуг, чтобы родственнику помочь. Едва крикнула, как послышалось вокруг замка кваканье да чавканье, и наполнился двор большими лягушками. Спрашивает у них старуха:

— Знаете ли, что это такое: пойди туда — невесть куда, принеси то — незнамо что?

— Нет, не знаем! — отвечают лягушки.

— Неужто никто не знает? — спрашивает старуха.— Может, не все собрались?

— Еще самая старая не прискакала,— отвечают лягушки.

Тут плюхнулась посреди двора старая лягушка, та, которую ждали. Снова спрашивает старуха своих слуг:

— Знаете ли вы, что это такое и где его найти, имя которому Незнамо что?

— Нет, не знаем! — ответили все, как и прежде, но старая лягушка прискакала к своей хозяйке и сказала:

— Я на этот вопрос ответ знаю!

Услыхав это, отпустила старуха всех остальных своих слуг, а старой лягушке приказала ждать во дворе до утра, пока ее позовут. Гостя же накормила, напоила в замке на славу и уложила спать, как дорогого родственника.

Проснувшись наутро, засобирался крестьянин в дорогу. Отвела его хозяйка во двор к лягушке и сказала:

— Иди следом за этой старой лягушкой, ничего не бойся, и придешь ты, куда тебе нужно.

Крестьянин был уже в дорогу готов, распрощался со старухой и сказал лягушке:

— Ну что ж, пошли!

Лягушка запрыгала впереди него, указывая дорогу, как хозяйка велела, а крестьянин за ней зашагал. Весь день они так друг за другом шли, наконец настал вечер, и прибыли они в такой же замок, из какого в путь отправились. Вспрыгнула лягушка на крыльцо, и дверь в сени сама перед ней открылась. Лягушка в сени скакнула — перед ней вторая дверь растворилась, лягушка в дом — крестьянин за ней. Посреди комнаты была дыра в полу, прыгнула в нее лягушка, а крестьянин вслед за своим проводником полез. До пояса под пол провалился, а выше пояса в комнате остался. Торчит он так посреди избы, ждет, что же из этого получится, но ничего не слышно. Надоело крестьянину в тесной дыре стоять, захотел он из нее вылезти, но тут дверь открылась и вошел господин в дорогом охотничьем костюме. Снявши с себя лесное снаряжение, стал он по комнате расхаживать как хозяин, а крестьянина словно и не замечает. Ходил, ходил так молча, наконец говорит:

— Незнамо что!

— Чего? — отвечает тут же голос из дыры.

— Собери поесть! — говорит господин, а сам все расхаживает по комнате.

Едва он сказал эти слова, как явился перед ним стол с напитками и кушаньями, ешь-пей сколько душе угодно. Сел охотник к столу, поел-попил вдоволь и, насытившись, опять говорит:

— Незнамо что!

— Чего? — отвечает голос, как и в первый раз.

— Убери со стола,— молвил охотник, и в тот же миг исчез стол, словно его и не было. Господин открыл дверь и в другую комнату вышел.

Крестьянин, следивший за всем происходившим в комнате с великим удивлением, запомнил сказанные господином слова и подумал про себя: «Ну это и есть то, что мне надо, только бы добыть суметь». Для пробы сказал он тихонечко:

— Незнамо что!

— Чего? — тут же откликнулся голос.

— Собери-ка на стол! — приказал крестьянин, и появился перед ним стол, такой же богатый, как у господина был, только пониже, чтобы мог крестьянин покушать, стоя по пояс в дыре. Насытившись, сказал он снова:

— Незнамо что!

Невидимый слуга отвечает:

— Чего?

— Убери стол! — велел крестьянин, и пропал стол, как не было.

Тут задумался крестьянин: «А нельзя ли этого невидимку с собой увести? Дай-ка попробую!» — и снова позвал:

— Незнамо что!

— Чего? — спросил голос.

— Я из дыры выхожу.

— Ну и я с тобой! — ответил голос.

«Вот и славно!» — подумал крестьянин, выбрался из дыры и вышел в сени. Там снова говорит:

— Незнамо что!

— Чего? — голос отвечает.

— Я уже в сенях.

— И я тоже.

«Вот и хорошо!» — сказал про себя крестьянин и вышел на крыльцо. Там опять зовет:

— Незнамо что!

— Чего? — откликается голос.

— Я по этой дороге пойду.

— И я с тобой!

«Вот и прекрасно!» — подумал крестьянин и зашагал по

дороге. Пройдя сколько-то верст, вспомнил он о своем невидимом спутнике и задумался: «А идет ли он со мной?» Решил проверить:

— Незнамо что!

— Чего? — тут же ответил голос.

— Кушать хочется,— сказал крестьянин.

В один миг появился перед ним стол, как и в прошлый раз, и поел крестьянин на славу невиданных блюд. Набив живот, велел он слуге все убрать, а сам подумал: «Ну, теперь никакая дорога мне не страшна, раз еды всегда вдоволь. Хорошо, что этот невидимый слуга за мной пошел».

В хорошем настроении отправился крестьянин дальше и вышел наконец к морю. Недалеко от берега стоял на рейде корабль, готовый к отплытию. Стал крестьянин кричать корабельщикам, чтобы взяли его с собой в плаванье за хорошую плату. Матросы, увидев на берегу человека, приехали за ним на маленькой шлюпке. Крестьянин забрался в лодку, но, боясь, что отстанет от него невидимка, позвал его тихонько:

— Незнамо что!

Голос тут же спрашивает:

— Чего?

— Я уже в шлюпке.

— И я тоже.

«Вот и славно»,— подумал крестьянин и велел матросам грести. На корабле он снова проверил, не отстал ли слуга, и тот отвечал, как и прежде.

Вскоре подняли матросы паруса, и пошел корабль по морю. Говорит тогда крестьянин своему слуге:

— Незнамо что!

— Чего? — отвечает тот.

— Кушать хочется,— велит крестьянин стол накрывать.

Стал он кормить-поить корабельщиков, благо еды и питья у невидимки на всех едоков хватало. Матросы, увидев,

какой у крестьянина чудесный стол есть, стали с ним меняться. Была и у них волшебная вещь — такая наковальня, по которой, если трижды ударить молотом, являются двенадцать молодцов и любое приказание исполняют. Сулят корабельщики путнику эту наковальню за стол, с которого он их всех накормил. Торговались, торговались, наконец отдал крестьянин стол за наковальню, но про слугу-невидимку ничего не сказал.

Переплыли они через море, подошло к концу плаванье, корабль в гавань зашел, а крестьянин на берег спустился и прихватил с собой выменянную наковальню. Отправился он дальше, шел, шел, пока не устал, и подумал про себя: «Сейчас самое время перекусить, посмотрим, не отстал ли от меня мой слуга!» Остановившись, позвал он тихо:

— Незнамо что!

— Чего? — раздалось в ответ.

— Поесть бы надо,— сказал крестьянин, и появился перед ним тот же стол, что и прежде, еды-питья полон. Обрадовался крестьянин, что не потерялся его невидимый товарищ. Довольный, поглядывает он то на стол, то на наковальню и думает: «С такими помощниками мне никакая беда не страшна!» Стал он есть, вино не спеша попивать и за столом отдыхать. Захотелось ему спать — так глаза и закрываются. «Что ж, спешить мне некуда»,— решил крестьянин, растянулся на травке и уснул крепким сном.

А что же тем временем на корабле творилось? Думали матросы, что выгодную сделку заключили, да не знали, что обманул их крестьянин. Собрались они садиться за трапезу, а стола-то волшебного нет как нет! Стали корабельщики между собой совещаться, крик подняли:

— Унес этот обманщик нашу наковальню и стол свой тоже забрал! Провел нас плут, черт его побери!

Делать нечего, бросились они за крестьянином в погоню, надеясь догнать его. Легко бы им было спящего схватить, но матросы с таким шумом и руганью по дороге бежали,

что еще издали услышал их крестьянин и проснулся. Поднявшись на ноги, понял он, в чем тут дело, и стукнул трижды по наковальне, на помощь надеясь. Появились тут двенадцать молодцев и спрашивают, в какой работе надобность.

— Да вот корабельщики за мной гонятся,— говорит крестьянин,— дайте-ка им хорошенько!

Что тут началось! Принялись молодцы матросов по спинам охаживать, до полусмерти всех избили, потом убрались обратно в свою наковальню. Видя, что матросов больше бояться нечего, велел крестьянин своему слуге-невидимке стол убрать, поднял на плечо наковальню и дальше зашагал.

Шел, шел он по дороге, добрался наконец до родных краев и направился прямо в королевский замок. А там как раз свадьбу старшего королевича с женой крестьянина играют, веселье в самом разгаре. Смешался крестьянин с толпой и пробрался во дворец. А был он музыкант замечательный и попросил у короля позволения повеселить народ своей игрой. Разрешили ему, и стал он играть — так хорошо, так красиво, что все гости были довольны. Невесте до того музыка понравилась, что говорит она:

— Дайте вина музыканту, он еще веселее играть будет!

Принесли кубок вина, и невеста сама стала музыканта угощать. Тот кубок взял, выпил и бросил на донышко перстень, подаренный когда-то женой. Невеста взяла у него пустую чарку, заметила на дне перстень, узнала его и говорит гостям:

— Не стану я с королевским сыном венчаться, хоть на части меня режьте, у меня прежний муж жив!

Догадались гости, о ком она говорит, закричали:

— Это музыкант!

Набросились на крестьянина, хотели связать его, но тот ударил трижды по наковальне, и выскочили двенадцать молодцев ему на подмогу. Поколотили они всех гостей, а короля с сыном до смерти забили. С прежней властью

расправившись, получил крестьянин обратно свою жену-красавицу и стал в замке королем, и до сих пор живет в полном здравии.

Вот и все.

ГОВОРЯЩИЕ ЕЛИ

Жил один охотник. Отправился он однажды со своими собаками в лес и целый день бил там зверя. Промышляя, забрел он далеко в чащу и в темноте не нашел дороги назад, и потому решил он заночевать в лесу, а наутро, как рассветет, до дому добираться.

С такой мыслью расположился он под большой елью, развел костерок для тепла и пристроился рядом отдыхать.

Хорошо ему было посиживать у огня, и стал охотник уже задремывать, как вдруг показалось ему, что вроде разговаривает кто-то. Поднял он голову и видит: на ели, под которой горел костер, свернулась кольцом забравшаяся туда большая змея, она-то и заговорила с охотником, прося снять ее с дерева, так как не смела из-за огня на землю спускаться. Удивился охотник, что змея человеческим голосом говорит, но на просьбу ее ответил:

— Не могу я снять тебя оттуда, ты же меня сожрешь!

— Не съем я тебя, братец,— упрашивает змея,— если поможешь мне спуститься, научу я тебя всем лесным языкам — и птичьему, и звериному, и даже языку деревьев.

— Как же я тебя с ели сниму? — спросил охотник.

— А ты свали дерево так, чтобы оно упало на эту ель, вот я по нему и слезу,— посоветовала змея.

Охотник, решив, что награда хорошая, согласился змее помочь, повалил на ель дерево, и слезла по нему змея на землю. Спустившись, научила она охотника, как и обещала, всем говорам, что только есть на земле — и птичьим,

и звериным, и языкам трав и деревьев. Напоследок строго-настрого наказала она охотнику молчать о своем знании, даже жене родной не признаваться, потому как, если скажет кому, тут же на месте умрет.

Узнав все лесные языки и проводив змею, пристроился охотник у костра вздремнуть до утра. Но не успел он глаза закрыть, как снова разговор слышит. У ног его собаки примостились — хозяина охраняют, и вот одна другой говорит:

— Ты здесь с хозяином оставайся, сторожи его хорошенько, не то волки ночью придут, загрызут его. А мне надо домой спешить, могут воры нагрянуть — собаки-то во дворе нет.

— Ладно уж, иди, друг, иди,— отвечает другой пес,— посторожи дом, а я тут за хозяином присмотрю.

Охотник, зная теперь все звериные языки, и собачий говор хорошо разбирал. Послушав псов, подумал он: «А у них ума-то побольше, чем с виду кажется» — и отпустил одну собаку домой, как та и хотела. Сам же опять примостился отдыхать, думая наконец-то заснуть, так как устал за день сильно.

Скоро стали у него глаза слипаться, сон навалился, и охотник уже заснуть собирался, но слух его от змеиного учения таким стал чутким, что каждый шорох различал. Послышался ему из лесу странный шум, и различил охотник совсем ясно, как какая-то ель сквозь шелест ветра говорит той ели, под которой он лежал:

— Ох, кума, приходи скорее ко мне, я вот-вот помру, приходи на похороны!

— Да не могу я, сестрица, прости уж меня,— отвечает другая ель,— тут у меня ночлежник расположился.

— Ты приходи все-таки, приходи,— трижды позвала первая ель, но другая так и не пошла к ней. После третьего зова рухнуло с треском дерево, так что весь лес задрожал, и больше ничего слышно не было. А та ель, под которой охотник костер свой развел, сказала при этом:

— Вот и конец твой, сестрица, пришел, на золоте ты весь век свой стояла, на золоте и померла...

Охотник последние слова хорошо расслышал, но после этого все в лесу затихло, и наконец сморил его сон, да так и заснул он у своего огонька.

Да разве настоящий охотник даст себе разлеживаться — с зарей уже был он на ногах и стал вспоминать странный разговор двух елей, который ночью слышал. «Уж не приснилось ли мне, или на самом деле это было? — подумал он.— Дай-ка пойду я погляжу, что там за добро под елкой».

Так и порешил, и направился в ту сторону, откуда ночью стоны и грохот раздавались. Долго он по лесу шел, пока не вышел к той упавшей ели. Тут-то и сбылись все ночные разговоры: под корнями дерева лежал большой сундук с золотом, а вершиной черная блестящая лиса была придавлена. Охотник забрал клад, отнес деньги домой и зажил с той поры богато.

«Ну, можно бы теперь и жениться, раз хозяйство налажено», решил хозяин и, не долго думая, нашел себе жену скромную и пригожую, лучше и не надо. Вот живет он с ней в своем доме, и ни в чем у них нужды нету, всего в достатке, но стали мужу дни долгими казаться, скучно стало по-господски жить-бездельничать.

В одно утро сел он от нечего делать к окошку и стал на улицу глядеть, погодкой ясной любоваться. Лежат перед ним его поля широкие, под окошком лен цветет, над полями птички маленькие порхают. Вместе с другими прилетел и воробей с выводком льняным семенем лакомиться, а неопытные птенцы сразу на землю сели. Стал их старый воробей учить, говорит своим деткам:

— Не клюйте, дети, с земли, ешьте с вершинки: то, что на землю упало, все равно наше будет, а верхушки-то уберут.

Услыхав это, рассмеялся хозяин, а жена пироги в печи пекла в это время, услыхала мужнин смех и спросила:

— Что смеешься, бездельник, какое во мне чудо увидел?

— Смешно, вот и смеюсь, а тебе сказать не могу, да и не над тобой смеюсь,— ответил муж.

Ну, натура женская известно какая, от них так просто не отделаешься, разве бабы первого слова когда послушаются. Жена еще больше к мужу приставать стала, на шее у него повисла и упрашивает:

— Ну скажи мне, над чем ты смеялся.

Не мог больше муж ей противиться и сказал:

— Принеси-ка мне чистую одежду сначала, тогда скажу.

Жена одежду принесла, сменил муж грязную на чистую и вытянулся на лавке, как покойник. Было в доме пятьдесят кур и один петух, вот и говорит муж жене своей:

— Впусти кур в избу, чтобы взглянуть мне на них еще разок на этом свете, прежде чем на тот отправлюсь.

Он-то и впрямь помирать собрался, так как знал, что не миновать ему этого, если расскажет причину своего смеха, но жена думала, что муж просто так забавляется, он ведь вообще весельчаком был. Сделала она, как муж велел, впустила кур в избу. А петух, выйдя со своей свитой на середину комнаты, стал среди кур хорохориться, хвастаться напропалую:

— Ко-ко-ко! Ко-ко-ко! Глянь, у меня пятьдесят жен, и я всеми повелеваю, а у хозяина только одна, и с той он справиться не может, из-за нее на смерть, простофиля, идет!

Хозяин, все птичьи языки от змеи переняв, разобрал и кудахтанье петуха, и понял, что пустое он затеял. «Успею еще помереть»,— подумал он про себя, вскочил со скамьи на ноги и крикнул жене:

— Ты что это, жена, без дела тут прохлаждаешься? Пироги твои сгорят, берись-ка за работу немедля, не то оттаскаю тебя за волосы!

Хотел было для острастки ухватить ее за косы, но жена убежала от него во двор, и бегом в хлев. Так осталось и слово

запретное несказанным, и хозяину помирать не пришлось.

Жена после этого уже с пустыми разговорами да вопросами не приставала, а слушалась мужа, как и следует, и прожили они в мире и согласии весь свой век, а ссоры у них никогда не было.

Вот какая сказка.

НЕВЕСТА-МЫШЬ

Жил в старину крестьянин, и было у него три сына. При рождении каждого посадил он дерево, и, когда стали братья взрослыми и захотелось им жениться, велел отец каждому свое дерево свалить, чтобы узнать, где счастье свое искать. Куда дерево свалится, там и искать парню невесту.

Срубили братья в одно время свои деревья, у старшего брата упало дерево в сторону богатого дома, у среднего — к другой усадьбе путь указывало, а дерево младшего брата свалилось в сторону дремучего леса.

Что делать, отправились братья свататься. Старшие направились к тем домам, что им деревья указали, а младший пошел в лесу свое счастье искать. Долго бродил он по лесу, наконец нашел в чаще маленькую избушку. Решив, что там найдет он свою суженую, вошел парень в дверь, но никого в избе не увидел — все жители умерли давно, одна только мышка на столе сидела. Увидел парень, что нет людей в избушке, огорчился и хотел уже дальше пойти, но тут мышка со стола к нему с такими словами обратилась:

— Отчего ты, дорогой гость, так невесело глядишь?

— Оттого,— отвечает парень,— что пришел я сюда свататься, да невесты-то и не нашел, некого в отцовский дом привести.

— Возьми меня! — говорит мышь.

— Да как же я на тебе женюсь, ведь ты и не человек вовсе?— говорит парень.

— А ты все равно бери,— уговаривает мышка,— не пожалеешь!

— Ладно, раз уж судьба такая,— сказал парень и не стал больше ничего говорить, а вышел, повесив голову, из избушки и отправился домой.

Дома уже старшие братья его поджидают и спрашивают:

— Ну, кого ты в лесу нашел?

— Нашел невесту не хуже ваших! — ответил парень и ушел спать с тоскою на сердце.

Утром собирает отец сыновей и спрашивает у каждого, нашел ли тот себе невесту. Старшие хвалиться стали своими суженными, а младший сватовства своего не стал расписывать, а сказал только, что посватался.

— Ну теперь, сыны, отправляйтесь к своим невестам за подарками,— сказал отец и велел сперва принести ему испеченные девушками хлебы, чтобы посмотреть, какой лучше будет.

Братья отцовских слов послушались, старшие пошли в те дома, где у них невесты были, а младший отправился в лес, к своей мышке за хлебом. Едва он порог в избушке переступил, как спрашивает мышь у него:

— Зачем пришел, жених мой, не за мной ли пожаловал?

— За подарком твоим пришел,— отвечает смеясь парень,— велел отец каждому брату от своей невесты хлеб принести, чей лучше получится.

Выслушав его, взяла мышка олений колокольчик и созвала всех мышей к себе, приказав каждой принести свое лучшее пшеничное зернышко. Мышки тут же по зернышку принесли, и сделала из них невеста парню хлеб. Удивился парень, как это мышь сумела такой хлеб испечь, но поблагодарил невесту и пошел с хлебом домой.

На другое утро велел отец сыновьям показать подарки, и все принесли свои хлебы к нему. Ни у кого не

оказалось такого вкусного хлеба, как у младшего брата. У старшего хлеб был из ржаной муки, у среднего — из ячменной, а у младшего — из чистой пшеницы.

Заметил отец разницу в караваях, да не сказал ни слова, а задал сыновьям новую задачу:

— Пойдите, сыновья, к своим невестам и принесите от каждой по куску домотканого полотна, погляжу я, какие они мастерицы.

Что ж, отправились братья к невестам, как отец наказывал, а младший к своей мышке в лес потопал.

Опять у него мышка спрашивает:

— Зачем пришел, жених мой?

— Велел отец соткать полотна для него, чтобы посмотреть, какая ты ткачиха,— ответил парень.

— Ах вот что,— сказала мышь и тем же оленьим колокольчиком собрала опять всех мышей в своей избушке.

Когда все собрались, приказала им мышь принести поскорее самые лучшие льняные волокна, какие только найдутся. Получив такой приказ, бросились мыши по своим норкам, и немного прошло времени, как вернулись все в избушку и принесли своей хозяйке столько льняных волокон, сколько той нужно было.

Принялись тут мышки за работу — одни прядут, другие сматывают, третьи ткут, так за ночь полотно и соткали. Положила невеста-мышь эту ткань в ореховую скорлупку и подала своему жениху. Тот поблагодарил за работу и поспешил домой.

В то время и старшие братья от невест вернулись, и спросил отец у сыновей, все ли принесли ему полотно. Стали старшие братья отцу свои подарки показывать, у одного полотно холщовое, у другого браное, а младший и показать свою ткань не смеет, так ее у него мало. Говорит тогда отец:

— Ну, где твое полотно, покажи искусство своей невесты!

— Принес я ткани маленько,— ответил младший сын, доставая из кармана орешек, и подал его отцу.

Увидев, в каком коробе брат свое полотно принес, стали старшие братья смеяться, но когда отец скорлупку открыл, полотно достал да расстелил, то увидели все пятьдесят локтей такой тонкой и легкой материи, что во всем свете лучше не найти.

Поглядев на подарок младшего брата, поняли старшие, что их полотна и в сравненье не идут, помрачнели лицами и затаили на брата злобу, да виду не показали, боясь отца разгневать.

Прошел день, настал другой, наутро зовет отец сыновей к себе:

— Отправляйтесь теперь, сыны, за своими невестами, погляжу я, какая из них пригожее.

Братья по отцовскому велению тут же из дому отправились, за невестами поспешили. Старшие к своим суженым в дома пошли, а младший, как всегда, в лес к мышке поплелся. Пришел он в избушку и говорит:

— Хочет теперь отец на тебя поглядеть.

— Ну раз хочет, так поехали! — ответила невеста-мышь и запрягла пять черных мышей в возок из ореховых скорлупок.

Села мышка в возок и была уже в путь готова, но парень, поглядев на такой поезд, сказал своей невесте:

— Как же я тебя в таком виде домой повезу? Будут над нами братья смеяться, а отец и прогневаться может.

— Не сомневайся, жених мой, давай-ка в путь трогаться! — сказала невеста-мышь, и отправились они в дорогу.

Невеста на своей упряжке ехала, а жених рядышком шагал. В одном месте нужно им было по мостку через ручей переехать. Едва они на мост взошли, как повстречался им человек, остановился на странный поезд поглядеть и сказал:

— Это еще что за мышиная процессия! — и пнул уп-

ряжку ногой, так что и возок, и кони-мыши, и сама невеста в ручей полетели.

Растерялся парень, увидев такое, не знает, что делать,— невеста-то в речке пропала. Остался он стоять на мосточке с невеселыми думами.

Вдруг видит он, как поднимается из ручья пятерка стройных вороных коней в упряжке, а в расписной карете сидит прекрасная и милая девушка. Выехав на мост, остановила девушка своих коней и велела парню в карету садиться. Удивился парень, но слова девичьего послушался и сел с нею рядышком. Тронула девушка лошадей и заговорила со своим спутником:

— Что, не узнаешь теперь свою невесту-мышь? По рождению я королевская дочка, да злая колдунья превратила меня в мышку, положив такое заклятие, что быть мне мышью до тех пор, пока не возьмет меня в жены человеческий сын и пока не сбросят меня с моста в воду. Вот посватался ты ко мне, да еще я в ручей упала, тем и избавилась от злого заклятья и теперь сижу рядом с тобой, в своем прежнем облике.

— Что ж, поспешим тогда свадьбу играть! — сказал парень, и помчались они на прекрасной упряжке к дому.

Старшие братья, в то же время со своими невестами к отцовскому дому подъехавшие, решили было, что глаза их обманывают, когда заметили младшего брата, как он в расписной карете во двор влетел. Но, разглядев его прелестную невесту, совсем опешили, потому что таких красавиц глаза их еще никогда не видывали.

Свадьбу отпраздновав, уехал младший сын из отцовского дома и направился с красавицей в ее прежнюю избушку, которая теперь стала богатым дворцом, а братья остались вслед им смотреть, рты раскрыв.

Вот и весь сказ.

АНТТИ СУЧОК

Однажды двое знахарей набрели поздно вечером на крестьянскую избушку и попросились на ночлег. Но в избе уже спал раньше их пришедший гость, богатый торговец лисьими шкурами, а хозяйка дома была больна, и хозяин не нашел для путников лучшего места, чем чердак конюшни.

Путники, уставшие в дороге, остались и этим довольны и забрались на чердак, где было им очень даже неплохо, так как погода стояла теплая.

Среди ночи проснулись ночлежники от жалобных стонов, доносившихся из дома, где в это время рожала хозяйка.

Сказал один знахарь своему товарищу:

— Помоги этой женщине разродиться, очень уж она жалобно стонет.

— Не пора еще помогать,— ответил тот, что был постарше, и повернулся на другой бок.

— Да ведь время не терпит, а беда помощи ждет,— сказал молодой, рассердившись на слова спутника.

— Я уже помог ей, чем мог,— ответил ему старший знахарь.

И только он эти слова произнес, как ребенок был уже на руках у роженицы. Молодой опять к старшему обращается:

— Что за человек из этого ребенка вырастет?

— Мне кажется, что станет он наследником того богатого торговца, который сейчас в избе ночует,— ответил старший знахарь и улегся опять спать.

В то время торговец, который из-за стонов женщины и детского плача в избе не мог уснуть, прогуливался по двору и случайно услышал разговор двух знахарей на чердаке. После этого не мог он уже от мрачных мыслей отделаться и глаз в ту ночь не сомкнул вовсе. Так и эдак прикидывая, решил наконец купец как-нибудь погубить

рожденного ночью ребенка, чтобы не сбылось предсказание знахаря.

С такою мыслью завел он наутро разговор с хозяином, что, мол, жалко ему бедняков — и так у них детей полон дом. С затаенным коварством попросил торговец позволения усыновить новорожденного, чтобы он, человек обеспеченный, мальчика вырастил.

Родители, у которых и без того детей было много, подумали и согласились, надеясь, что ребенок в доме богатого купца найдет лучшее счастье, чем в их бедняцкой избушке. Так и отдали родившегося ночью сына на попечение богача. Торговец, довольный сделкой, подарил матери в утешение денег на воспитание остальных детей, а сам отправился в путь, радуясь, что не дал сбыться предсказанию. Недоброе замыслил он с ребеночком сделать.

Дорога, по которой ехал торговец, проходила через густой лес. Свернул купец в чащу и повесил своего приемного сына за узел пеленки на сук дерева, думая, что там и найдет свою смерть маленький наследник и неверным окажется пророчество.

Но случилось иначе. Едва торговец с возом лисьих шкур успел от того места отъехать, как охотник, что шел той же дорогой через дремучий лес, услышал за деревьями плач ребенка. Пошел он на голос и, к удивлению своему, увидел висящего на суку жалобно плачущего младенца. Охотник сразу же забрался на дерево, снял мальчика и, спрятав под одежду, отнес домой. Там нашел он ребенку кормилицу и стал растить его как собственного сына.

Мальчик вырос красивым и здоровым, и приемный отец назвал его Антти. Но деревенские ребята, прознав об истории малыша, стали дразнить его Сучком, к прозвищу этому скоро все привыкли и называли мальчика Антти Сучок.

Прошли годы, лет двадцать, наверное, минуло, вырос Антти и стал взрослым парнем. Случилось как-то торговцу

лисьими шкурами проезжать по тем краям, и завернул он на ночлег в дом охотника, так как не хотелось ему показываться на глаза бедняку-крестьянину, у которого он когда-то ребенка увез. Расположившись в доме, услышал купец, что хозяйского сына называют Антти Сучок, и, удивившись этому, спросил у хозяина, отчего у парня такое странное имя. Рассказал охотник гостю историю мальчика, как нашел его на дереве, как вырастил приемного сына, и сказал торговцу, что от этого и пристало к парню такое прозвище. Купец испугался, поняв, что это за мальчик был, но виду не подал, молвил только:

— Вот так история, такой удивительной я в жизни своей не слыхал!

Больше ничего он не сказал, словно и не было никакого разговора, и улегся спать, но про себя стал прикидывать, как бы парня погубить, чтобы не сбылось предсказание знахаря.

Ну что ж, ночь прошла, наступило утро, и говорит на другой день торговец хозяину:

— Есть у меня важное дело, но не хотелось бы мне с полдороги возвращаться, может, ваш сын согласится письмо мое домой доставить?

— Что же, пускай сходит,— ответил хозяин и послал Антти по делу богатого гостя, надеясь получить от купца хорошую плату.

А у торговца недоброе на уме было. В письме велел он своим домочадцам во что бы то ни стало схватить гонца и повесить его на березе, что растет на краю усадьбы. Антти ничего про то не знал и обмана не боялся, и отправился по наказу отца в путь, чтобы доставить письмо торговца куда следует. Прошагав весь день, подошел он к подножью некой горы, где под деревьями нашел себе на мягком мху хорошее место для отдыха, опустился на землю и незаметно заснул с письмом торговца в руке.

В это время проходили по дороге два школяра, заметили

в кулаке спящего письмо и решили из озорства прочитать его. Увидев, о чем в письме шла речь, поняли они коварство писавшего и решили в свою очередь его обмануть. Им обоим не раз приходилось бывать в доме богатого торговца, и порядки тамошние они хорошо знали. Сел один из школяров на камень и почерком купца написал другое письмо, в котором приказание хозяина было совсем иным. «Когда прибудет на место податель сего письма,— говорилось в подметном послании,— отдайте ему в жены мою дочь, которую я ему обещал, а собаку Чернявку, ставшую от старости совсем бестолковой, надо во что бы то ни стало поймать, петлю ей на шею накинуть и повесить во дворе на березе. Эти мои приказания надлежит исполнить немедленно, прежде чем я домой вернусь, иначе наказаны будете за свое ослушание». Сочинив такое письмо, вложили его школяры в руку спящего Антти и отправились своей дорогой.

Выспавшись, поднялся Антти Сучок и отправился с новыми силами дальше и, дойдя до купеческого дома, отдал письмо домочадцам. Хозяйка взяла в руки послание и прочитала его вслух, чтобы все слышали. Странным показалось домашним такое повеление, но, убедившись, что письмо написано хозяином, не посмели они ослушаться и отдали хозяйскую дочь в жены Антти Сучку, а старую Чернявку повесили на растущей у дома березе, как и было в письме велено.

Прошло несколько недель, и вернулся сам хозяин домой. Еще издали увидел он, на березе кто-то висит. Решив, что это Антти, обрадовался торговец и, стегнув коня плеткой, сказал про себя: «Ну что, дорогой мой Антти, качаешься на суку, не унаследовать тебе моего добра!» Въехал хозяин во двор, и каково же было его удивление, когда увидел он на березе повешенную собаку, а на крыльце встретил его вместе с другими домочадцами сам Антти Сучок!

Но хватило у купца ума не показать своей злобы. Расспросил он тихонечко жену и узнал от нее, как было его

письмо переделано и как по этому подметному письму стал Антти его зятем. После этого пошел хозяин к Антти и заговорил с ним:

— Стал ты моим зятем и со временем унаследуешь мое состояние. Но надо тебе это богатство заслужить делом. Я всю жизнь свою гадал, какое поприще для человека самое счастливое, и стал наконец купцом, но устал я от торговых забот и хотел бы узнать, чем бы мне на старости лет заняться. Отправляйся-ка ты в Похъелу и спроси там у старухи Лоухи, где человек свое счастье найти может. Как разузнаешь, сразу же домой возвращайся.

Не ожидал Антти подвоха, согласился просьбу тестя выполнить, не зная, что тот погибели зятю желал. Взял парень посох в руку и отправился в путь.

Шел Антти, шел какое-то время, и уперся в высокую гору, скалу Хийси. На вершине горы стоял страшный с виду и огромный ростом великан, головою поддерживающий тучи, а в шляпе его восемь ветров гнездо свили. Заметил великан путника и спрашивает ласково:

— Куда, сынок, путь держишь?

— Иду я в Похъелу, выведать у старухи Лоухи, где человек свое счастье искать должен,— отвечает Антти.

— Возьми-ка, добрый человек, и от меня поручение,— сказал великан,— есть у меня сад, в котором прежде зрели прекрасные плоды, а теперь все плесенью покрывается. Спроси у старухи совета, как мне сад исцелить, дам тебе за это своего лучшего жеребца в дорогу.

— Ладно, узнаю,— ответил Антти, взял у великана коня и отправился в путь.

Проехал он сколько-то по дороге и вдруг слышит ужасный грохот, и задрожала земля у него под ногами. Удивившись, поскакал он во весь дух вперед и скоро оказался перед большим каменным дворцом. Там увидел Антти странные вещи: стоит на ступенях крыльца огромный великан с большущим ключом в руке, дует в замочную скважину

и пытается дверь открыть. Но поскольку ключ в замок входить не хочет, бьет великан в сердцах кулаком по двери, да так, что грохот по всей округе разносится и дворец дрожит до самого основания.

Увидав, в какую переделку попал, сперва испугался Антти Сучок до смерти, даже штаны на ногах у него задрожали, но, привыкнув немного к грохоту, снова осмелел и приблизился к великану, чтобы с ним поздороваться. Тот хоть и разозлен был до крайности, но, услышав приветствие, повернулся к Антти и спросил:

— Куда, сынок, направился?

— В Похъелу еду,— сказал Антти.— Хочу узнать у старухи Лоухи, где человеку счастье свое искать.

— Ну раз ты туда направляешься,— сказал великан,— возьми и от меня поручение. Узнай у старухи, куда ключ от моего дворца подевался,— никак не могу дверь открыть. Если вернешься с ответом, то получишь на обратном пути в награду лучшее мое сокровище.

— Что ж, мне спросить нетрудно,— ответил Антти, попрощался с великаном и дальше отправился.

Быстро помчался Антти на подаренном великаном коне и скоро увидел перед собой третью каменную гору, в которой тоже было жилище исполина. На скале стояла огромная сушина, а на ее вершине сидел великан с длинным копьем в руке. Под сушиной горел большой костер, и великан жарил на нем насаженного на копье целого лося. Заметил он приближающегося всадника и заговорил с ним:

— Подходи, сынок, поближе да отведай со мной жареной лосятины!

Антти, у которого живот от голода сводило, долго не раздумывал и въехал на своем скакуне на гору, где готовилось на костре жаркое. Наевшись вдоволь лосиного мяса, собрался было парень дальше ехать, но сидящий на дереве великан удержал его такими словами:

— Куда ты так спешишь, куда путь держишь?

— В Похъелу еду,— ответил Антти,— хочу у Лоухи узнать, где человек свое счастье найдет.

— Ну раз ты туда направляешься,— сказал великан,— разузнай, почему мне весь век свой на сушине сидеть приходится. Иногда удается мне лося или другого какого зверя копьем своим достать, но, когда не дает мне лес добычи, чуть не помираю я с голоду.

— Ладно, спрошу я о твоем деле,— сказал Антти и, поблагодарив великана за угощение, вскочил на коня и поскакал дальше.

Сколько он ехал, неведомо, но встретилась на его пути широкая река. У берега качалась маленькая лодочка, а в лодке старая, костлявая старуха с веслом под мышкой. Увидел Антти, что другого пути через реку нет, и обратился к сидящей в лодке старухе с просьбой:

— Нельзя ли путнику на вашей лодочке на тот берег переправиться?

— Это можно,— отвечает старуха,— как ближнему не помочь. Да где же ты коня своего оставишь?

— Трава здесь растет хорошая, тут на бережку и оставлю, а на обратном пути заберу,— сказал Антти Сучок, привязал коня, а сам забрался в старухину лодку.

По пути через реку заговорила старуха с путником, спрашивает у него:

— Это откуда же ты, парень, и зачем в наши дальние края пожаловал?

— Так и так,— говорит Антти,— направляюсь я в Похъелу к старухе Лоухи, спросить у нее хочу, где человек свое счастье найдет. Далеко ли мне еще идти?

— Близко уже дом Лоухи,— отвечает старуха,— к концу твоя дорога подходит. Как сойдешь на берег, иди все время прямо, скоро и придешь в Похъелу. А как до места доберешься, спроси, добрый человек, и о моем деле — почему мне вот уже сорок лет приходится путников через

эту реку перевозить. Устала я от этой службы, хочу на старости лет от нее избавиться.

— Хорошо, бабушка, узнаю,— ответил Антти Сучок, поблагодарил старуху за помощь, сошел на берег и дальше пешком отправился.

Недолго ему пришлось идти, как появились уже возделанные поля, а скоро и усадьба показалась. По старухиным словам понял Антти, что это и есть дом Лоухи, поднялся он по склону на двор и вошел в избу.

Хозяйки дома не оказалось, только дочка ее в избе была, месила на столе тесто. Антти, войдя в дом, поздоровался с девушкой и присел на лавку. Помолчав для приличия, стал он о хозяйке расспрашивать — где, мол, она есть.

— Нету сейчас матери дома,— ответила дочка,— но если есть у вас время до вечера подождать, так к ночи она домой вернется.

Услышав это, остался Антти Сучок дожидаться вечера и стал с хозяйской дочкой беседовать, чтобы время быстрее бежало. Девушка стала у него спрашивать, откуда он приехал и по какому делу в столь дальние края забрался. Рассказал Антти, откуда он родом, и говорит:

— Надо мне вашу матушку кое о чем порасспросить.

Услыхав, с какими вопросами Антти в Похъелу приехал, удивилась девушка его смелости. Но понравился ей красивый да статный парень, и решила она ему помочь:

— Ого! Немало же вы знать хотите! — сказала девушка.— Вряд ли матушка вам на вопросы ответит, но если вы меня послушаетесь, разузнаем мы все, что нужно. Будьте настороже, когда мать моя вечером домой придет, спрячьтесь за печку, чтобы она вас не увидела. Там слушайте все внимательно, о чем мы с матерью говорить станем, и когда на все вопросы ответы получите, выбирайтесь тайком из дому и сразу же в обратный путь отправляйтесь.

Весь день провел Антти за разговорами с девушкой,

а когда наступил вечер, спрятался за печкой, как было велено, и стал ждать прихода хозяйки. Там просидел он допоздна, пока не вернулась из деревни старуха Лоухи. Стала она расспрашивать у дочери, не приходил ли кто чужой в ее отсутствие.

— Заходил тут один человек, кое-что спросить хотел,— ответила дочка,— но, не застав вас дома, отправился в других местах ответы на свои вопросы искать.

— Ишь ты! — сказала Лоухи.— Неужто другие могут знать то, что я знаю! А сказал ли он, о чем узнать хотел?

— Сказал,— ответила девушка.— Перво-наперво хотел он спросить, где человек свое счастье найдет.

— Вот хитрец, чего узнать захотел! — молвила Лоухи.— Ничего бы я ему не сказала, а у других он и подавно об этом не узнает. Во всем свете никто, кроме меня, этого не знает, да и я чужим не рассказываю. Но раз к слову пришлось, тебе скажу: счастье свое найдет человек, возделывая землю, а для этого нужно деревья с корнем выкорчевать, землю от камней расчистить и поле вспахать.

Выслушав ответ матери, говорит ей дочка:

— Во-вторых, спрашивал он, что случилось с садом одного великана. Раньше сад прекрасные плоды приносил, а нынче гниет все и плесенью покрывается.

— На такой вопрос легко ответить,— сказала Лоухи,— в саду этого великана поселился змей, который дыханьем своим высушивает деревья. Если бы догадался великан того змея убить между двух камней, снова бы сад поправился и опять, как и прежде, давал бы обильный урожай. Спрашивал ли гость еще о чем?

— Много у него было вопросов,— ответила девушка,— другой великан, по его словам, никак в свой замок попасть не может, потому что ключ потерял и не знает, где его найти.

— Ну это совсем простой вопрос! — сказала Лоухи.— Под крыльцом ключи лежат, нужно только верхнюю сту-

пеньку приподнять, там и найдутся. Еще чего гость спрашивал?

— Говорил, что третьему великану всю жизнь приходится на вершине дерева сидеть, и хотел узнать, как ему на землю спуститься.

— Ничего не может быть проще,— ответила Лоухи.— Нужно ольховым колом по комлю дерева ударить, и сразу вершина золотом рассыплется, а великан вместе с ней на землю свалится и может идти куда захочет. Больше-то ничего он не спрашивал?

— Да еще хотел узнать,— говорит дочка,— как той старухе, что через реку путников перевозит, от своей должности избавиться.

— Ну до чего же бестолковая старуха! — усмехнулась Лоухи.— Средство-то нехитрое — когда попросится кто-нибудь к бабке в лодку, нужно ей на другом берегу первой на землю спрыгнуть, оттолкнуть лодку левой пяткой обратно на реку и сказать: «Я уйду, а ты останься!» — так и освободится от своей службы, а другой должность примет. Ну что, кончились вопросы?

— Все,—ответила дочка,— больше ничего гость не спрашивал.

Антти Сучок за печкою все их разговоры слышал и запомнил хорошенько ответы Лоухи. Стал он ждать удобного случая, чтобы из дома выскользнуть. Вскоре услышал Антти громкое храпение в избе, догадался, что уснула хозяйка, и, спустившись с печи на пол, на цыпочках прокрался к двери. Выскользнул парень неслышно во двор и поспешил в обратный путь. Подойдя к реке, застал он там сидящую в лодке старуху, и та, увидев Антти, закричала ему из лодки:

— Ну как, добрый человек, разузнал ты мое дело?

— Узнал, бабушка, узнал,— ответил парень,— но сначала отвези меня на тот берег, потом я тебе скажу.

Старуха с готовностью переправила Антти через реку,

и там спросила снова, как ей от службы своей избавиться.

— Ты, бабушка, не горюй,— ответил Антти,— как следующий путник переправы попросит, ты перевези его, как всегда, да только не пускай его вперед себя на берег, а сама первой выпрыгни, а лодку левой пяткой оттолкни обратно на стремнину и скажи при этом: «Я уйду, а ты останься!» — так ты от своей службы избавишься, а тому придется на себя должность принять.

Обрадовалась старуха, поблагодарила Антти за совет и осталась в своей лодке поджидать того, кому свою службу передаст. А парень вскочил на оставленного на берегу коня и поскакал во весь дух домой.

По пути подъехал он к той горе, где его жареной лосятиной угощали. Великан все еще сидел на сушине и, завидев Антти, крикнул ему:

— Здравствуй, сынок, узнал ли ты о моем деле?

— Узнал, конечно,— ответил Антти,— но погоди-ка маленько.

Сходил он за ольховым колом и, вернувшись, ударил им по комлю дерева. Тут же вершина золотом на землю посыпалась, и с нею грохнулся с дерева и великан. Поднявшись на ноги, стал он от радости прыгать и плясать и сказал Антти Сучку:

— Чем я отблагодарю тебя за то, что просьбу ты мою выполнил и помог мне с дерева спуститься?

— Не надо мне никакой награды. Но если хочешь мне что-нибудь подарить, то дай несколько веток с этой вершины, которая вместе с тобой с дерева упала.

— Бери, не жалко! — сказал великан и наломал Антти золотых веток.

— Спасибо,— поблагодарил Антти,— будет теперь чем коня погонять,— сел верхом на скакуна и дальше поехал.

Добравшись до следующей горы, увидел Антти второго великана все еще стоящим с ключом в руках перед дверью

своего жилища. Посоветовал ему Антти поискать ключи под ступенькой и получил в награду лучшее сокровище великана, как тот и обещал. Со всем этим добром отправился он дальше и приехал к третьему каменному замку, хозяин которого дал ему в дорогу своего коня.

Рассказал ему Антти Сучок, что нужно убить змея, дыханием своим иссушившего сад, и получил за это жеребца в вечное владение. Поехал парень дальше и уже до самого дома не останавливался.

Очень удивился тесть, когда Антти Сучок домой вернулся, так как считал его уже погибшим. Спрашивает он у зятя сердито:

— Ну, узнал ли ты ответ на мой вопрос?

— Узнал, конечно,— отвечает Антти,— все как есть расспросил.

— Ну и где же человеку свое счастье искать следует? — спрашивает торговец.

— Счастье свое найдет человек, возделывая землю,— ответил парень,— деревья нужно с корнями выкорчевать, камни с поля в кучи пособирать и вспахать хорошенько пашню. Такой совет мне Лоухи дала.

Огорчился торговец, что никак ему от зятя не избавиться, но, когда узнал он, какие богатства Антти из похода привез, совсем купцу дурно стало. Завидуя зятю, не мог он больше хозяйство свое вести, оставил весь дом на попечение Антти Сучка, а сам отправился в Похъелу, надеясь добыть в пути такие же сокровища.

Долго он шагал лесными тропами и вот вышел на берег реки, где прежде Антти в Похъелу переправлялся. Попросил купец сидящую в лодке старуху перевезти его на ту сторону, а та только и ждет, кому бы свою должность передать. Старуха с радостью согласилась путника переправить, но когда они к другому берегу приблизились, прыгнула бабка первой на твердую землю и оттолкнула лодку левой пяткой, сказав при этом:

— Я уйду, а ты останься!

Так и остался торговец лисьими шкурами лодочником на реке. До сих пор, наверное, он там смены себе ждет — ведь после того, как Антти Сучок узнал, как финский крестьянин свое счастье найдет, никто больше к старухе Лоухи за советом не ходит.

Остался Антти Сучок в доме своего тестя хозяйничать и жил с молодой женой в любви и согласии всю жизнь. Так и сбылось предсказание знахаря — стал парень наследником богатого торговца.

НЕБЕСНЫЙ БАРАШЕК

Жил когда-то бедный крестьянин, и родился у него сын. Пошел отец искать крестного для ребенка. На дороге встречается ему незнакомый человек и спрашивает:

— Куда ты идешь?

— Иду крестного отца искать для сына,— отвечает крестьянин.

— Возьми меня крестным,— говорит прохожий.

— А что ты за человек? — спрашивает бедняк.

Тот отвечает:

— Я — Бог.

— Нет, Бога я в крестные не возьму,— отвечает крестьянин,— он обманщик, одного держит в бедности, другого богатством наделяет, не равны перед ним люди.

Идет дальше. Навстречу ему шагает по дороге некто и спрашивает:

— Куда идешь?

— Крестного для сына искать,— отвечает бедняк.

— Ну возьми меня в крестные,— говорит встречный.

— А кто ты такой?

— Я — Смерть.

— Хорошо, тебя я возьму в крестные, ты честный

человек,— говорит бедняк,— ты ни бедного не бережешь, ни богатого, ни молодого, ни старого — все перед тобой равны.

Пошла Смерть с крестьянином в его дом, окрестили там ребенка, и спрашивает крестная у отца:

— Должна ли я подарить что-нибудь крестнику?

— Обычно что-нибудь дарят,— отвечает отец.

— Ну тогда и я подарю,— сказала Смерть и дала в подарок скамейку и кошелек.

Скамейка была такая, что если кто на нее сядет, то без позволения хозяина с нее уже не встанет, а в кошельке никогда деньги не переводились. А еще Смерть научила бедняка знахарскому искусству, от всех болезней дала советы, но предупредила:

— Если позовут тебя к больному и увидишь ты меня у изголовья, не берись лечить, скажи: «Этому больному уже ничем не помочь». А если меня в ногах у больного увидишь, тогда не отказывайся, говори: «Этот наверняка поправится» — быстро на ноги поставишь.

Научившись от Смерти всем знахарским тайнам, стал бедняк людей лечить и так прославился своим искусством, что молва о нем до самого короля дошла.

Заболела как-то у короля дочка, и послал он людей к знаменитому знахарю, чтобы тот взялся девушку излечить, а за это обещал дать в награду золота, сколько пожелает. Пришел знахарь в замок королевскую дочь лечить и видит, что Смерть у нее в изголовье сидит. Тут бы ему от затеи отступиться, раз такое дело, но очень уж хочется королевскую награду получить, и решил знахарь попробовать. Велел он сделать такой помост, чтобы на оси крутился, положил на него королевну и стал крутить, да так быстро, что Смерть не удержалась в изголовье у девушки и свалилась на пол. Как увидел это знахарь, сам быстренько в изголовье вскочил и вмиг девицу вылечил. Получил исцелитель обещанное королем золото и собрался домой, но тут подскочила к нему Смерть и шепчет на ухо:

— Теперь я тебя самого заберу, раз не отдал ты мне королевской дочки!

Испугался знахарь и взмолился:

— Не забирай меня сейчас, дай до дому добраться, детям последние советы дать!

Смерть согласилась, и побрел знахарь из замка домой, чтобы с родными попрощаться да напоследок им наказы оставить.

Шагает бедняга по дороге, печалится, пока не стемнело. Зашел он в ближайший дом и попросился на ночлег.

— Переночевать-то можно,— отвечает хозяин, который был по ремеслу своему кожевником,— да нет у нас другого места для гостя, кроме той комнаты, где кожи выделываются. Комната хорошая, но по ночам там нечистая сила бродит и никому покоя не дает.

Выслушал знахарь хозяина, но не захотел дальше в темноте шагать, устал порядком. Сказал он хозяину, что с нечистыми справится, и пошел спать в мастерскую.

И что же дальше? Половина ночи тихо прошла, ничего странного не происходило, а вот в полночь явился сам главный Черт в мастерскую и гаркнул на спящего:

— Ты кто такой, что в моей комнате разлегся?

— Путник я,— ответил, просыпаясь, знахарь.

— Я тебя сюда не звал,— молвил Черт,— убирайся!

Но знахарь не испугался и ответил нечистому:

— Неужто мы здесь вдвоем не поместимся?

— Не поместимся, эта комната и одному мне мала.

— Ну, покажи-ка, как это тебе комната мала будет, иначе не поверю,— говорит знахарь.

Черт рад был свою колдовскую силу показать и стал расти во все стороны, да так раздался, что едва не раздавил знахаря между дубильными чанами.

— Ну как, не мала ли для меня комната? — спросил Черт.— Но могу я и маленьким стать, хоть каким крохотным!

Знахарь достал из кармана подаренный Смертью кошелек и показал его Черту:

— Неужто и в этот мой кошелек поместишься?

— Ха! — сказал нечистый.— Уж в кошелек залезть мне ничего не стоит!

— Ну попробуй, а вдруг не влезешь! — подначивает знахарь.

Стал Черт показывать, как он умеет маленьким делаться, да и забрался в кошелек, а знахарь тут же шнурок затянул, и остался нечистый со своими фокусами в кошельке.

«Посиди-ка там немного!» — подумал про себя знахарь, повесил кошель на гвоздь и завалился спать.

Проснувшись наутро, переговорил он с хозяином и попросил у того колотушку для кож. Этой колотушкой мял он кошелек до тех пор, пока нечистый внутри не сдох.

Избавившись от Черта, распрощался знахарь с хозяевами, поблагодарил их за ночлег и отправился домой. Недолго он дома побыл, как пришла к нему Смерть и говорит:

— Готовься, теперь я тебя заберу!

— Присядь пока на скамеечку, а я с детьми попрощаюсь,— сказал знахарь.

Не посмотрела Смерть, что садится на ту самую скамейку, что подарила когда-то хозяину, да так и пристала к ней до тех пор, пока знахарю не вздумается ее отпустить. Но тот не очень-то торопился и продержал Смерть на скамейке триста лет. Сам же он жил беззаботно, пользуясь подаренным кошельком и знахарскими тайнами для своего блага. Только через триста лет утомился он от земной жизни и отпустил Смерть со скамейки, и та сразу же его прибрала.

Умер знахарь, и отделилась его душа от тела, попросилась в небесное царство, но туда ее не пустили, за ворота вытолкали: «Ты Бога обманщиком называл, нельзя тебе сюда». Что делать, раз на небо не пустили, пришлось в преисподнюю отправляться — больше-то идти некуда. Постучался он в ад, но и туда его не взяли, прогнали от ворот

и сказали: «Ты нашего главного Черта погубил, не место тебе здесь!»

Не попав и в преисподнюю, осталась душа знахаря на полпути между небесным и подземным царством и превратилась в бекаса, небесного барашка, который и по сию пору над землей блеет.

Вот и вся сказка.

ПРАВДА И ЛОЖЬ

Было у одного купца два сына, и после смерти отца досталось каждому в наследство по кораблю. Отправились братья на своих кораблях в заморские страны и, расставаясь на море, договорились через год на том же месте встретиться. Прошел год, и встретились братья в установленном месте на полных товарами кораблях. Старший брат обманом и ложью промышлял, и с их помощью наторговал полные трюмы добра, младший же правду любил и в торговле был честен, и тоже нажил немалое состояние. Стали братья о торговых делах говорить, и крепко они поспорили между собой за правду и ложь. Старший говорил, что в торговле обман помогает, а младший за правду стоял. Так и не убедив друг друга, решили они, чтобы первый, кто на пути домой встретится, рассудил их, и каждый из братьев положил в заклад свой корабль с товарами.

Плыли они, плыли рядышком, видят — гребет навстречу человек в маленькой лодочке. А был тот человек с нечистой силой связан. Кричит ему старший брат со своего корабля:

— Эй, человек! Скажи нам, правда или ложь в мире сильнее?

— Неужели ты не знаешь, что ложь миром правит! — ответил человек, проплывая мимо, и погреб на своей лодочке дальше.

— Ну что, брат, слышал — ложь и обман миром пра-

вят! — сказал злорадно старший брат, отобрал у младшего выигранный в споре корабль, не захотел даже его на берег доставить, а пригрозил в море бросить.

Стал младший брат старшего о пощаде молить и выпросил наконец у него крохотную лодочку. Старший напоследок младшему глаза выколол и бросил его в лодке на произвол судьбы.

Ветер гонял лодку по морю, пока не прибил наконец к острову. Вышел слепой парень на берег, наткнулся на большой камень и забрался на него, чтобы не напали лесные звери. Сидя на камне, услышал он, как лыжи в лесу поскрипывают, и стал кричать:

— Если ты человек, услышь мой крик и приди ко мне на помощь!

Путник приблизился и спросил у слепого:

— Что ты хочешь от меня, сынок?

— Как бы мне от боли в глазах избавиться,— сказал слепой и рассказал, что с ним приключилось.

Путник выслушал его, отдал свои лыжи и сказал:

— Вставай, несчастный, на мои лыжи и иди вперед, они тебя к роднику приведут, там промой глаза водой из источника, и сразу же от боли избавишься.

Слепой так и сделал, пришел на лыжах к роднику и умыл водой глаза. Боль сразу же прошла. После этого лыжи сами повезли его обратно к камню, где поджидал его путник.

— Спасибо тебе за помощь, да поможет тебе Бог! — сказал парень и отдал путнику лыжи.

Тот встал на свои лыжи и ушел в лес, а слепой остался на камне сидеть. Прошло сколько-то времени, снова парень услышал, как снег скрипит, и крикнул:

— Не знаю, кто ты — чужой ли человек, или тот, что и прежде, но приди ко мне на помощь, утешь горемычного!

Лыжник приблизился, подошел к слепому и спрашивает:

— Что ты хочешь от меня?

— Кажется, ты тот самый человек, который помог мне от боли избавиться,— ответил парень,— может, ты мне и зрение вернешь, иначе придется мне здесь в лесу помереть.

— Хорошо. Возьми мои лыжи,— сказал путник,— приведут они тебя к другому роднику. Умоешь глаза водой из этого источника, и вернется к тебе зрение.

Слепой сделал все, как ему посоветовали, и, умывшись водой из родника, снова стал зрячим. Потом вернулся обратно к камню, где поджидал его лыжник. Поблагодарил его прозревший юноша и стал молиться богу, чтобы тот вознаградил исцелителя за доброе дело.

— Может, тебе еще что-то нужно? — спросил лыжник.

— Хотел бы я на родину попасть,— ответил ему парень,— хоть и беден я, но как-нибудь проживу в тиши и спокойствии, добывая себе пропитание праведным трудом.

Сказал тогда путник парню:

— Отдам я тебе свои лыжи, они тебя куда захочешь доставят. Но послушайся моего совета, не спеши домой, подожди здесь вечера, а потом иди к той старой сушине и заберись ночевать на ее вершину. Там узнаешь ты много разных секретов, которые могут принести тебе счастье, если сумеешь верно их использовать.

Парень выслушал путника, поблагодарил его еще раз и остался на камне вечера ждать, а лыжник сразу же в лесу исчез. Когда стемнело, встал парень на лыжи и отправился к указанной сушине, забрался ночевать на ее вершину, да и лыжи с собой прихватил, чтобы не украл кто-нибудь ночью.

Просидел он сколько-то времени на сушине, и вот в полночь собралась вокруг старой сосны нечистая сила, и стали черти между собой о разных вещах беседовать.

— Слыхали ли чего-нибудь новенького? — спросил один из них у остальных.

— Я что знаю, то и знаю,— сказал один.

Второй добавил:

— Я-то знаю, что ты знаешь, а вот ты не знаешь, что я знаю!

— Знаю я, что вы знаете,— сказал третий,— но никто из вас не знает, что я знаю!

— Ну, говори, что ты такое знаешь, чего мы не знаем! — говорят другие.

— А вот что я знаю,— говорит черт.— Королевская дочка, которая уже десять лет болеет, выздоровела бы, если бы отвели ее на рассвете в отцовский сад и окропили там ей лицо и грудь утренней росой.

— А я знаю,— сказал другой черт,— как в королевском замке воду добыть. До сих пор сколько колодцев ни рыли — все зря. Воду во дворец издалека возить приходится. Перед дворцом растет красивая развесистая береза, вот если бы ее срубили да корни из земли выкорчевали, вышел бы в этом месте наружу родник, и воды из него хватило бы всем жителям замка.

— Знаю и я кое-что, чего другие не знают,— сказал третий черт.— Есть у королевского замка парк, где раньше жили прекрасные олени, но уже много лет не видели там ни единого. Если убрать оленьи рога, которые к воротам прибиты, олени вернутся — они этих рогов боятся.

Рассказав друг другу все, что знали, разошлись черти из-под сушины по своим делам, так и не заметив сидящего на вершине парня, который все их разговоры слышал. Утром спустился он на землю, встал на лыжи и отправился на родину. Добравшись до столицы своей страны, попросил он в королевском замке себе службы.

— Нужен нам водонос,— сказали ему в замке,— но это работа тяжелая, поблизости ни колодца, ни родника нет, издалека придется воду носить.

— Я согласен, мне бы хоть какую работу,— ответил парень и стал королевским водоносом.

Исполняя свою службу, присел он как-то у края дороги отдохнуть с полными ведрами. Шел мимо король, заметил

водоноса с ведрами и подошел на воду поглядеть. Говорит он парню:

— Вот ведь беда! Из такой дали приходится воду носить, и все равно никуда она не годится — опять грязная!

— Да, ничего не поделаешь,— отвечает водонос,— но знаю я одно верное средство. Прикажите срубить во дворе большую березу и выкорчевать корни, и появится из-под нее чистый родник, воды которого хватит всему замку.

— Отвечаешь ли ты за свои слова? — спрашивает король.— Я велю березу срубить, но если неверным твой совет окажется, не сносить тебе головы!

— За слова свои отвечу,— уверяет парень.

— Ну, тогда пошли со мной,— молвил король,— увидим, есть ли в твоих словах правда.

Подошли они к березе, и велел король слугам срубить украшение своего двора и вырвать из земли корни. И что за чудо! Едва слуги работу закончили, как яма наполнилась чистой родниковой водой! Попробовал ее король и, удивившись чистоте и приятному вкусу, поблагодарил водоноса.

— Я смотрю, ты человек сметливый,— сказал он парню.— С этого дня я от тебя другой службы не потребую, только воду мне для питья всегда наготове держи.

Получив такую должность, парень стал заботиться, чтобы всегда была у короля свежая вода для питья, за что король так полюбил парня, что обращался с ним, как с лучшим своим другом, и с удовольствием беседовал.

Однажды в разгар лета отправился король погулять в своей ухоженной роще и взял с собой парня, чтобы тот нес за ним фляжку с чистой водой. Погуляв какое-то время в свое удовольствие, присел король в тени дерева отдохнуть и попросил попить водички, так как одолела его жажда в теплый летний день. Парень налил ему воды из фляги, и король, выпив стаканчик, заговорил с ним:

— Раньше я частенько в этом парке гулял и оленей ради забавы постреливал, но вот уже многие годы ни одного

не видел. И не знаю, что их от моего парка отвадило.

— Если хотите, можно вернуть сюда оленей,— сказал парень.

— Как же мне их вернуть? — спросил король.

— Вот вы на воротах парка оленьи рога для украшения повесили, а олени стали их бояться и ушли,— ответил водонос.— Но если велите рога снять, вернутся олени и будут жить в парке, как и прежде.

— Ну посмотрим, сбудутся ли твои слова! — сказал король.

Вернулись они домой, и приказал король слугам снять рога с ворот парка, чтобы поглядеть, будет ли от этого какой толк.

Прошло несколько дней, и однажды король опять в парк гулять отправился, сказав своему водоносу:

— Пойдем поглядим, стало ли в моем парке больше оленей!

Прошли они через ворота в парк и стали там прогуливаться. Зашли немного поглубже, видят, как два оленя через дорогу перебегают, и, чем дальше заходили король с водоносом в парк, тем больше им встречалось оленей. Обрадовался король и стал для забавы оленей стрелять. Троих свалил, оставил ружье и говорит своему спутнику:

— Вижу я, умный ты человек, опять твои слова сбылись. С этого дня будь моим товарищем, никакой службы от тебя не потребую — живи в моем замке, как тебе хочется!

Хорошая наступила тут для парня жизнь — о пропитании заботиться не нужно, а король у него первый товарищ. Жили они в одном дворце и все время в гости друг к другу ходили. Однажды гостил король у своего товарища, но был за столом печален. Спрашивает у него хозяин:

— Отчего невеселы, ваше величество?

— Есть у меня на то причина,—отвечает король,— единственная дочь вот уже десять лет болеет и никак не поправится, все только слабеет год от года.

— Не печальтесь, мой король! Если вы мне позволите, излечу я вашу дочь,— отвечает парень.

— Эх, дружище,— молвил король,— многие лекари уже пытались принцессу вылечить, но никому это не удавалось, хотя обещано было за исцеление полкоролевства и принцесса в жены. Наконец, увидев, что нет от врачевателей никакой помощи, объявил я по всему королевству, что если кто еще возьмется принцессу лечить и ничем больной помочь не сможет, без головы останется. Если хочешь, попробуй свое уменье, но придется тебе на те же условия согласиться, что я для всех определил, а потому лучше было бы, если б ты и вовсе не пытался.

Но парень не испугался, согласился на все условия и взялся королевскую дочку исцелить.

Рано утром, когда солнышко только всходило, принялся он за лечение. Вынесли по его велению принцессу в королевский сад, на самую красивую лужайку, а король вокруг стражу расставил, чтобы не убежал парень в случае неудачи.

Ну что же, парень платочек утренней росой намочил да стал им легонечко протирать девушке лицо и грудь. Увидев, что больная от этого сразу бодрее стала, парень раздел ее совсем и положил прямо на мокрую от росы траву. Подержав ее сколько-то на земле, одел парень девушку и положил обратно на носилки, надеясь, что теперь принцесса поправится. Подошел и сам король поглядеть и спрашивает у дочери:

— Чувствуешь ли ты болезнь в теле или совсем поправилась?

— Здорова я, только слаба еще,— ответила дочка.

Обрадовался тут король и стал мудрость исцелителя превозносить, обещал ему половину своего королевства и принцессу в жены отдать, как только та силы наберет.

А на это время назначил парня в порт товары принимать, которые со всего света привозили королю на кораблях.

Вскоре прибыл в порт его старший брат, доставив королю великое множество разных товаров.

Жил он, как и прежде, ложью и обманом, и потому на кораблях его многих товаров не хватало. Пришел он к начальнику порта и, не узнав в нем брата, предложил ему денег с такими словами:

— Господин чиновник, скажите королю, что все товары на месте, а я вам за это щедро заплачу.

Но начальник, сразу признав старшего брата, даже не поглядел на его деньги и сказал:

— Нет, несчастный, никому обман и ложь не помогут, а я никаких подарков на службе не принимаю, неужели ты об этом не знаешь?

— Нет,— отвечает купец,— откуда мне, благородный господин, знать ваши привычки!

— Да я же твой брат,— говорит королевский чиновник,— неужто не помнишь, как ты у меня корабль с товарами на спор выиграл, а потом, выколов глаза, посадил в утлую лодочку да в море бросил? Мне Бог помог от беды избавиться, и дал мне случай наказать тебя за вероломство, если бы мне того захотелось. Ты думал самого короля обмануть, а это преступление немалое. Но если оставишь свои прежние дурные привычки и с этого дня обещаешь одной только правдой жить, прощу я тебе твои злодейства.

Купец, испугавшись королевского наказания, обрадовался словам брата и обещал:

— Если ты о моем обмане королю не расскажешь, больше я никогда с ложью водиться не стану, а проживу остаток лет честно — клянусь тебе чем угодно!

Получив от брата обещание никогда никого не обманывать, устроил королевский чиновник его дела и привел к себе в замок. Там стали они о том о сем разговаривать, и спросил купец своего младшего брата:

— Расскажи-ка мне о своей судьбе. Как ты зрение себе вернул и как потом другом короля стал?

Брат поведал ему все как было и сказал, что те подаренные в лесу лыжи помогли счастье найти.

— Не дашь ли ты мне эти лыжи? — спросил старший брат.— Раз они такие чудесные, может, и мне они удачу принесут.

— Возьми, мне они больше не нужны,— сказал младший брат и отдал лыжи.

Купец, получив от брата волшебные лыжи, не стал больше засиживаться, а немедленно отправился в путь, решив сразу же свое счастье испытать. Встал он на лыжи и сказал:

— Отвезите меня, лыжи, туда, где мой брат на вершине сухой сосны чертей слушал!

Ну, лыжи свое дело знают, отвезли они купца, куда было приказано. Остановился купец под сосной, где черти по ночам собирались, и залез на вершину, как и младший брат в свое время сделал. Расположился он там на ночь, да только забыл с собой лыжи взять. В полночь собрались черти под сосной, увидев лыжи, удивились и стали искать их владельца.

— Вон он, на сушине сидит,— сказал один из чертей, заметив спрятавшегося в ветвях человека.— Наши тайны выведывает!

— Ах вот ты где! — закричали в один голос остальные и стали дерево трясти.

Свалился купец, как белка, и черти всей оравой набросились на него, избили до смерти, после чего опять стали о разных чудесах разговаривать:

— Знаю я, чего вы не знаете!

— А я знаю, что ты знаешь, да ты-то не знаешь, что я знаю!

Такой бесславный конец нашел себе брат-обманщик, погиб от рук нечистых, а младший брат получил королевскую дочку в жены и полкоролевства в приданое и с королем всю свою жизнь дружбу водил.

ТЯЖЕЛЫЙ ЛАРЕЦ

Стоял на берегу озера дом, а вокруг него было немножко пашни. Пахал однажды хозяин дома свое поле, шагал за сохою усердно, и одолела его жажда. Оставил крестьянин пахоту и спустился к берегу воды напиться. Воды-то, чистой и прохладной, было вдоволь — целое озеро, но не было под руками посудины. Крестьянину сильно хотелось пить, не утерпел он, лег на берег и стал ртом прямо из озера воду тянуть. Жажду-то он утолил, да только вцепился Водяной крестьянину в бороду, и, когда тот попытался встать, не смог лица от воды оторвать — чувствует, держит его кто-то за бороду. Разозлившись, стал хозяин ругаться и сыпать проклятиями, но не помогли крепкие слова, и пришлось ему взмолиться, глядя в черную воду:

— Кто бы ты ни был, за бороду меня держащий, отпусти ради Христа, не топи меня в озере!

— Не отпущу,— ответил Водяной,— погублю тебя, если не отдашь мне своей старшей дочери.

— Придется, видно, отдать, раз без этого не отпустишь,— сказал измученный хозяин и обещал привести свою дочку Водяному.

Отпустил Водяной его бороду, и крестьянин, распрягши лошадь, пошел домой, но тяжело у него было на душе оттого, что дочь свою Водяному обещал.

Что ж! Надо бы о случившемся дома рассказать, да не хватает у хозяина смелости. Чтобы прямого объяснения избежать, стал он с домашними о том о сем разговаривать, да и говорит, между прочим, своей старшей дочери:

— Сходи-ка ты, доченька, на берег, я там на меже хомут оставил, когда лошадь распрягал.

Девушка, ничего не подозревая, пошла по отцовскому поручению на берег озера, но едва она на межу ступила, как вышел из воды Водяной, схватил ее в охапку и унес с собой в подводное царство.

Когда пришли они к Водяному домой, тот стал девушке, словно невесте своей, дворец показывать:

— Будь здесь хозяйкой и владей всем моим домом и не скучай по отцовской бедняцкой избе, здесь тебе жить будет веселее. Живи себе, как тебе захочется и как в богатых домах принято,— хватит у меня добра для тебя всякого, и о пище думать не нужно.

Прошло с того дня немного времени, отправляется Водяной куда-то по своим делам, оставляет все ключи от дома девушке и говорит:

— В мое отсутствие можешь ты во все комнаты заходить, только в крайний абмар не заглядывай, помни.

С тем оставил он девушку одну дома, а сам ушел, куда — неведомо. Что ж, девушка, пока его не было, все комнаты во дворце осмотрела, как было ей позволено, подивилась на богатство подводного дворца, и захотелось ей напоследок заглянуть в крайний амбар. «Никто не узнаёт, если я туда зайду,— подумала она.— Была не была, схожу погляжу, может, там еще красивее, чем в других комнатах, недаром же Водяной не велел мне туда заглядывать».

Открыла девушка запретную дверь и вошла в крайний амбар. И что же она видит? Комната такая же, как и все прочие, только стоит посреди комнаты на полу огромная бадья, полная крови. Подошла девушка поближе и заметила золотое колечко — блестит оно в крови, сверкает.

«Что же это такое красивое колечко здесь брошено!» — подумала девушка и не могла удержаться, чтобы не примерить кольцо на мизинец. Колечко-то впору пришлось, да только мизинец в крови вымазался. Девушка бросила кольцо обратно в бадью и стала кровь с пальца оттирать, но, сколько ни терла, не смогла отмыть.

Через несколько дней вернулся домой уставший Водяной и лег отдохнуть, сказав девушке:

— Поищи-ка у меня в голове, пока я засну!

Что делать, пришлось ей приказания послушаться, и

стала она в угоду хозяину искать ему в голове, но случайно задела запачканным пальцем ухо Водяному. Тот сразу же сел на постели и закричал на девушку:

— Чем ты, дрянь такая, мое ухо обожгла, покажи-ка руки!

Пришлось девушке показать ему свою руку, и, как увидел Водяной вымазанный кровью мизинец, сразу все понял. Тут же убил он девушку и бро́сил тело в кровавый амбар.

В родительском доме тем временем отец живет по-прежнему, по старшей дочери не очень скучает, так как хватает ему заботы кормить себя и оставшихся дочерей.

Случилось ему как-то на рыбалке быть, попался ему на этот раз хороший улов, и отправился он домой рыбу отвозить, чтобы не испортилась она в летний жаркий день. Гребет он, гребет к дому, да вдруг лодка посреди озера словно на мель села, с места не двигается — ни вперед, ни назад. Стал крестьянин веслом вокруг лодки дно пробовать, ищет, где же эта мель есть, что там лодку держит. Ничего не нащупал, стал снова веслами грести, что есть сил загребает, но лодка все на месте стоит. Перепугался крестьянин, из сил выбился, а тут Водяной голову из воды поднимает и говорит:

— Если отдашь мне среднюю дочь, отпущу твою лодку, а не отдашь — будешь здесь век вековать, никогда домой не попадешь!

Не хочется старику вторую дочь отдавать, уже ведь старшей лишился, но Водяной все держит лодку, ни вперед, ни назад не пускает и снова говорит:

— Отдашь ли, старик,дочку или лучше здесь пропадешь?

— Да видно, придется отдать, раз иначе от тебя не избавиться,— согласился наконец перепуганный крестьянин и обещал отдать среднюю дочь Водяному.

Отпустил его Водяной, и поспешил старик на лодке прямо домой. Зайдя в избу, поздоровался он с дочерьми и говорит средней:

— Доченька, сбегай на берег за топором, я его в лодке забыл.

Дочка отца послушалась, сразу побежала за топором к озеру, и случилось с ней то же, что и со старшей сестрой. Водяной встретил ее на берегу, схватил в охапку и унес в свое подводное жилище, где сделал хозяйкой своего дома, как законную жену.

Живут они сколько-то вместе, опять Водяному нужно по делам своим отлучиться. Оставил он девушке все ключи от дворца и напоследок сказал:

— Запомни хорошенько: везде можешь по дворцу ходить, но в крайний амбар не заглядывай.

А девушка, хоть запрет и слышала, не удержалась и заглянула в амбар. Водяной по возвращении как узнал об этом, так сразу же и убил девушку, а тело бросил в кровавую комнату.

Проходит какое-то время, старик все живет на прежнем месте, горюет о том, что двух дочерей пришлось Водяному отдать, и ждет себе расплаты за это. Но ничего ему худого не делается.

Развешивал как-то старик сети для просушки на берегу озера и увидел на гальке красивые новенькие лапти. Стал он их разглядывать и думает: «Кто же это такие красивые лапти здесь оставил? Заберу я их себе, чтобы не пропали зря».

Сказал он это про себя и надел лапти на ноги, собираясь идти домой, но ноги сами стали тянуть его в другую сторону и уводили все ближе к берегу. Не хотел старик к озеру идти, ему домой нужно было, пытался он совладать со своими ногами, направляя их в нужную сторону. Пыхтит старик, ноги свои направляет, но ничто не помогает. Лапти-то были Водяным подброшены, и привели они старика к самой воде, а потом и в озеро потащили. Уже по пояс оказался бедняга в воде, пока сообразил, что это лапти его в сторону от дома тянут. Стал он их с ног снимать, но ничего у него не

выходит. Мается старик, тянет лапти с ног, глядь — Водяной из озера выходит, как и в прошлый раз, говорит старику:

— Раз ты лапти мои украл, теперь не уйдешь от меня, пока младшей дочери не отдашь!

Не соглашается старик, жалко ему последнюю дочку отдавать, но лапти его все дальше в озеро тянут, и ноги все глубже заходят, пока не оказался старик уже по горло в воде. Тут остановились лапти, и опять Водяной крестьянину говорит:

— Отдашь младшую дочь — выпущу тебя отсюда, нет — потонешь у своего берега.

Что ж, пришлось старику пообещать Водяному дочку, раз уж иначе из беды не выпутаться. Отпустил его Водяной на сушу, и пошел старик домой, голову повесив. Дома дочку свою младшую позвал и говорит ей:

— Я в лес ходил и лапти там сплел, оставил их в озере разбухать. Сходи-ка ты, доченька, за ними.

Пошла младшая дочь по отцовской просьбе на берег, но, едва стала она лапти из воды доставать, вмиг Водяной из озера выскочил, схватил девушку и утащил в свой подводный дворец.

Там поручил он девушке все хозяйство, как и старшим сестрам, и, когда собрался через пару дней из дому уходить, сказал на прощанье:

— Вот ключи от комнат, следи за порядком в доме, пока я домой не вернусь. Во все комнаты заходить можешь, только в крайний амбар не заглядывай.

Девушка пообещала в амбар не ходить, осталась дома хозяйство вести, а Водяной по своим делам отправился. Но ведь женская натура известна, разве может женщина запрет соблюсти!

Едва Водяной за дверь вышел, стала девушка во дворце комнаты осматривать, все пробежала и уже заходит в крайний амбар. Там как увидела она бадью с кровью, сильно

перепугалась, а когда нашла в углу сестер своих мертвыми, совсем от ужаса похолодела, побледнела вся, а руки и вовсе ослабли и затряслись.

Но оказалась младшая умнее своих сестер и на колечко в бадье не позарилась. Оправившись от испуга, осмотрела внимательно весь амбар. Заметила она в одном месте на подносе две сулейки рядышком, на одной «живая вода» написано, а на другой — «мертвая». Взяла девушка посудину с живой водой, влила сестрам в рот, и те сразу ожили, а мертвую воду перелила она в пустую сулейку из-под живой и поставила на поднос.

Было в амбаре много разных ларцов и сундуков, выбрала девушка из них два самых больших и спрятала там своих сестер, велев им лежать тихо, пока не придумает она для них избавленья.

Вышла младшая сестра из амбара, так и не тронув золотого кольца в бадье, и, когда Водяной домой вернулся, встретила его девушка ласково:

— Совсем борода твоя длинная спуталась, дай-ка я ее расчешу!

Сказав это, взяла девушка гребень и стала бороду Водяного в порядок приводить. Тому такая забота понравилась, и, когда девушка увидела, что Водяной ею весьма доволен, обратилась она к нему с такой просьбой:

— Не возьмешься ли ты, друг мой дорогой, подарок отцу отнести? Я тут насобирала разного добра в сундук, ты уж отнеси его в мой отчий дом да не заглядывай по дороге под крышку, ничего там для тебя интересного нет — простые бабьи подарки.

Согласился Водяной просьбу выполнить, взвалил сундук на плечо и допер его до самого отчего дома своей жены, ни разу внутрь не заглянув. Бросил он свою ношу во дворе старикова дома, а сам обратно пошел. А старик-то как сундук открыл, нашел там под крышкою свою старшую дочь в добром здравии.

Прошло с того дня немного времени, и среднюю сестру девушка в сундуке домой отправила, а сама стала думать, как бы и ей от власти Водяного избавиться.

Наконец придумала. Одела ступу в свое платье, поставила ее на крыше дома и прялку рядом приладила, сама же ларец во двор вынесла, добра разного с собой прихватила и сама туда залезла, как и старшие сестры. Когда Водяной домой пришел, девушка из ларца говорит ему:

— Сходи еще разок к моим родителям, отнеси им в подарок этот ларец.

Водяной подумал, что девушка с ним с крыши разговаривает, и отправился с ларцом на плече в путь. Долго шел он, неся на себе тяжелый сундук, устал и опустил свою ношу на землю со словами:

— Ох и тяжел же он, дай-ка погляжу, что там внутри.

Стал он крышку открывать, чтобы внутрь заглянуть, а девушка из ларца кричит ему:

— Не смотри, зачем смотришь, я же тебе не велела!

— Все еще видит меня девка с крыши,— говорит Водяной,— для того, видно, и забралась туда, чтобы за мной следить.

Взвалил он сундук на спину и дальше пошел. Через некоторое время опять стал он крышку приподнимать, а девушка на этот раз уже потише из ларца кричит:

— Не смотри, не смотри, уговор был!

Не стал Водяной в сундук заглядывать, подумал, что все еще девушка за ним с крыши следит, и понес ларец дальше, пробурчав:

— Больше не понесу я от жены никаких подарков, раз так ее сундуки тяжелы.

Размышляя таким образом, дошел Водяной до места и оставил ларец во дворе перед крылечком, а сам обратно домой направился. Дома видит он, что жена все еще на крыше сидит, и кричит ей Водяной, заходя во двор:

— Сварила ли ты рыбу к обеду?

Та ничего ему не отвечает, да и то — что может ступа

сказать! Что ж, заходит Водяной в избу и видит, что не готова пища. Снова он на улицу вышел и стал жену ругать:

— Почему же ты обед не сварила? Я каждый день рыбу в дом ношу, а ты ее в амбаре гноишь, даже уху свежую мне не приготовишь, а я по твоим делам должен таскаться, так что спину ломит!

В ответ опять ничего не слышно — стоит себе ступа на крыше, как и стояла. Разозлило это Водяного, и, ничего другого не придумав, залез он на крышу, ударил поддельную жену за то, что та ему отвечать не хочет. Покатилась ступа с крыши, и Водяной, поскользнувшись, за ней полетел, упал на землю и головой сильно ударился. Оправившись, кое-как переведя дух, пошел он в крайний амбар живой воды попить, чтобы поправиться. Нашел на старом месте сулейку, в которой снадобье целебное было, выпил его добрый глоток, но так как младшая сестра в сулейку мертвой воды налила, то лишился Водяной чувств и умер.

А сестры с тех пор жили в родительском доме, как и прежде, в счастии и покое.

Вот и вся сказка.

СВОДНЫЕ СЕСТРЫ

Жил в одной избушке старик, и была у него одна-единственная дочка, а неподалеку была другая избушка, в ней жила старуха, и у нее тоже была дочка. Но старикова дочка была красавица, а старухина — дурнушка и грубиянка.

Сосватал старик старуху-соседку, перебралась та с дочкой в его избу, и стали они вместе жить. Когда старуха стала первый раз в доме старика хлеб печь, своей дочери сделала она ржаной каравай, а стариковой заболони в муку намешала и посадила хлебы в печь. Печка была жарко натоплена, и стал в ней заболоневый хлеб гореть. Увидела это дочка старика и побежала к мачехе, жалуется:

— Матушка, хлебец мой горит!

Мачеха выхватила из печи хлеб и швырнула сердито девушке, крикнув:

— Вот твоя доля, такая-сякая, иди с нею хоть к Хийси!

Девушка ослушаться не посмела, взяла с собой хлеб и отправилась искать жилище Хийси. Вышла она за изгородь, а тут коврига из подола на землю выпала и покатилась вперед, указывая девушке дорогу. Так и пошли дальше — впереди коврижка, а следом девушка. Встретился ей старик на дороге и говорит:

— Добрая девушка, поищи немного у меня в голове.

— Некогда мне, дедушка,— отвечает старикова дочь,— хлебец мой вперед катится, оставит меня.

— О том не беспокойся,— сказал дед, садясь на придорожный камень,— никуда твой каравай не денется, если ты сама остановишься.

Девушка, поверив словам старика, остановилась и села с ним рядом на камень. Едва она с дороги свернула, остановилась и коврига, а когда девушка, поискав у старого в голове, поднялась с камня, хлебец дальше покатился.

Снова зашагала девушка за хлебом, шла, шла, и встретился ей на дороге сноп соломы. Заговорил он с ней и просит:

— Завяжи меня, девушка, потуже.

— Некогда мне,— сказала она,— потеряется мой хлебец, вон уже как далеко укатился.

— Не бойся, не укатится твоя коврижка, если ты остановишься,— ответил сноп.

Девушка подошла к снопу, перевязала заново, затянула его как следует, как тот и просил, а потом дальше отправилась. Прошла путница вслед за коврижкой еще сколько-то, видит — родничок у дороги, а вокруг родника маленьких птичек стайка. Стали птички девушке чирикать, говорят ей:

— Девушка милая, напои нас водичкой!

— Не могу я, хлебец от меня укатится,— ответила девушка, как и прежде, но птички знали, что посоветовать, и сказали:

— Не бойся, красавица, не убежит от тебя хлеб, если ты остановишься.

Девушка присела у родника, приласкала птичек и стала поить их из своей ладони. Только когда всех до единой напоила, пошла девушка дальше, и снова хлебец вперед покатился. Так следовала девушка за своей ковригой, покуда не пришла к дому самого Хийси.

Видит девушка усадьбу богатую за изгородью, а во дворе — большой-пребольшой дуб, ветви которого во все стороны до самой изгороди достают.

Зашла девушка во двор, а Хийси стоит на крылечке и говорит своему дубу:

— Дуб, побей-ка гостью ветками, потрепли красавицу за косы!

Но когда дуб стал хлестать девушку ветвями, появился откуда-то тот сноп соломы, который она на дороге перевязала, и защитил от волшебного дуба ее красивые волосы. Зайдя в дом, поздоровалась девушка с хозяином и спросила, нет ли для нее работы.

— А спрядешь ли за ночь полпуда шерсти? — спрашивает у нее жена Хийси.— Если справишься, получишь завтра хорошую награду.

— Что ж, попробую,— отвечает девушка,— дайте мне шерсти и самопрялку.

Принесли ей шерсти полпуда и велели к утру всю перепрясть, но дали ей негодную прялку — не вертится колесо, не спорится работа. Уже полночи прошло, а работа только начата, опечалилась бедная девушка и заплакала. Пока она плакала, в избу кто-то вошел, и, когда девушка разглядела вошедшего, оказалось, что это тот самый старичок, которому она по дороге в голове искала. У старика была под мышкой новенькая красивая самопрялка, протягивает он ее девушке и говорит:

— Никуда твоя прялка не годится, красавица, на-ка попробуй вот этой попрясть.

Обрадовалась девушка подарку, собралась старика по-

благодарить, но того уже и след простыл — как сквозь землю провалился. Ну что тут делать, поставила девушка новую самопрялку перед собой и давай скорее прясть. А прялка оказалась не простою. Девушка один только раз колесо тронула, и больше оно не останавливалось — знай только пряжу щепотью покручивай. Так за одну ночь спряла девушка всю шерсть, и утром было у нее полпуда пряжи.

Проснувшись, увидела хозяйка, что у работницы вся работа сделана, и стала девушку хвалить за старание:

— Ловка ты, девка, прясть. Получай теперь награду!

Повела хозяйка девушку во двор, вынесла из амбара много разных сундуков и сказала:

— Выбирай, какой больше нравится.

Стала девушка сундуки рассматривать, награду себе выбирать, да все хороши были, и не стала она гадать, а протянула руку к крайнему ларцу. Не успела она его коснуться, как залетела на двор птичья стая и опустилась на другой сундук. Услышала девушка птичье чириканье:

— Не бери, милая, того сундука, бери этот!

Послушалась девушка птичек и выбрала тот сундук, что они ей указывали. Забрала она с собой заработанную награду и вернулась с ларцом домой.

Дома попросила она у мачехи ключ от чердака, чтобы сундук свой туда спрятать, да не дала злая старуха ключа, велела в свинарник ей свое богатство нести. Отнесла старикова дочь сундук к свиньям, а когда крышку открыла, увидела, что ларец полон золота, да такого яркого и чистого, что лучше и не бывает. Что ж, разложила она свои сокровища в свинарнике и позвала домашних на золото поглядеть.

А старуха как увидала эдакое богатство, решила и для своей дочери золота добыть во что бы то ни стало. Затеяла она снова хлебы печь — приемной дочери ржаной каравай печет, а своей дочке — с заболонью. Вскоре прибежала та к матери и говорит:

— Матушка! Хлебец мой горит!

— Ах, горит! — ответила мать, выхватила хлеб из печи и швырнула дочери со словами:— Забирай свою коврижку и неси ее хоть к самому Хийси!

Собралась дочка в дорогу, чтобы пойти, куда мать велела, но не покатился перед ней хлеб, пришлось его в руках нести. Прошла она сколько-то со своей ковригой, и повстречался ей на дороге старик. Говорит он девушке:

— Доченька, поищи у меня в голове.

— Некогда мне,— ответила девица,— дорога у меня впереди долгая,— и с теми словами прошла старухина дочка мимо дедушки и дальше отправилась.

Не успела она далеко уйти, как встретился ей на пути сноп соломы и говорит:

— Перевяжи меня, девушка, потуже, не то рассыплюсь я тут на дороге.

— Недосуг мне,— ответила девица и дальше заторопилась.

Шла она, шла по дороге и увидела впереди родник, а вокруг него стаю маленьких птичек. Поют птички, чирикают у родничка и говорят девушке:

— Девушка милая, напои нас водичкой из родника!

Но девица и глядеть на пташек не стала, молча прошла мимо них своей дорогой. Так дошла она наконец до имения Хийси и вошла через ворота во двор. А хозяин снова на крыльце стоит и кричит растущему во дворе дубу:

— Дуб, побей девицу ветками!

Хлестнул дуб своими длинными сучьями, и все волосы у старухиной дочки с головы вырвал, так что чуть жива она до избы добралась. Попросила она у хозяйки работы, а та ей отвечает:

— Сумеешь ли полпуда шерсти за ночь спрясть? Если с работой этой справишься, так и награду по душе получишь.

— Конечно, спряду! — отвечает девица.— Несите сюда шерсть.

Принесла ей хозяйка шерсти, дала самопрялку негодную, и не успела девица половины наработать, как уже утро наступило, белый день в окошко заглянул.

Пришла хозяйка поглядеть, как работница управилась, и видит, что у той и полдела не сделано. Но не стала она девицу ругать, а сказала:

— Идем теперь за наградой,— и повела ее за собой во двор.

Вытащила хозяйка из амбара свои сундуки и велела работнице выбирать, какой нравится. Глядит старухина дочка на сундуки, глаза у нее разбегаются, не знает, какой взять, какой оставить,— все хороши. Пока она голову ломала, прилетели во двор птички, сели на один ларец и стали чирикать:

— Бери, девушка, этот сундук, на котором мы сидим!

Не решилась девица сама выбирать, и взяла тот ларец, который ей птицы указали. Забрала с собой сундук и домой отправилась.

Добравшись до родного дома, пошла она к матери и говорит:

— Дай мне, матушка, ключ от чердака, положу туда свое сокровище.

Мать ключ дочери подает, а сама следом за ней на чердак лезет, чтобы поглядеть, что там, в ларце-то, спрятано. Ну что же, открыли мать с дочкой крышку, а сундук огня и серы полон! Загорелся чердак, и с ним вместе сгорели мать с дочерью, да и весь дом пеплом по ветру развеялся. Только свинарник, который от дома отдельно стоял, от огня уцелел, а в нем и богатства стариковой дочери остались.

Старику-отцу с дочерью-красавицей этого золота на всю жизнь хватило.

Вот и сказка вся.

ВОЛШЕБНОЕ СНАДОБЬЕ

Было у одного слепого старика три сына. Старший из сыновей был пьяница беспробудный, второй не лучше, а младший — лентяй и дурак, все дни на печи лежал. Невесело было отцу жить, белого света не видя, и сказал он старшему сыну:

— Пойди-ка ты, сынок, поищи какого-нибудь снадобья для моих глаз, найди где-нибудь для отца своего лекарство.

С этими словами дал он парню доброго коня и тысячу рублей на дорогу, и отправился старший сын в путь. Ехал он поперек белого света — хороша была дорога, ехал вдоль по белому свету — еще лучше дорога была. Наконец выехал он на широкую старую гарь, где дорога делилась натрое, и у каждой развилки стоял столб. На первом столбе было написано: «Поедешь по этой дороге — будет конь голоден, а всадник сыт». На другом столбе значилось: «Поедешь по этой дороге — будет конь сыт, а всадник голоден». А на третьем вот что было высечено: «Много кто по этой дороге уехал, да мало кто обратно вернулся».

Прочитал парень надписи и свернул на ту дорогу, где быть всаднику сытым, а коню голодным. Вскоре подъехал он к одному дому, привязал коня своего к столбу, а сам вошел в избу с хозяевами поздороваться. В доме в ту пору никого не оказалось, кроме одной молоденькой девушки, прекрасной, как спелая ягодка. Но не знал того парень, что была хозяйка самой настоящей ведьмой, из хитрости принявшей облик молодой девушки. Заговорила красавица с гостем и стала новости выспрашивать.

— Да ничего я особенного не слыхал,— сказал парень, который и слова-то девушки едва расслышал — до того он прекрасной хозяйкой залюбовался, что ничего больше кругом не замечал.

— Ел ли ты, гость дорогой? — спрашивает у него девица.

— Не ел я и не пил,— отвечает парень.

— А в баньке парился? — допытывается хозяйка.

— И в бане не парился,— говорит он.

— А с молоденькою девушкой спал ли? — не унимается девица.

Когда парень и на последний вопрос ответил «нет», истопила хозяйка баню, попарилась там с гостем, потом накормила-напоила его вдоволь и уложила в свою постель. Оказавшись рядом с такою красавицей, стал парень девушку обнимать и целовать, словно любимую. Но притомился он с дороги, да и выпил лишнего, и, когда уснул он на мягкой постели, украла девица у него кошелек и скинула крепко спящего гостя с кровати в подпол, где была вырыта глубокая яма. Провалился парень в яму да умер.

Видя, что не возвращается старший сын домой, послал отец среднего за глазной мазью. Сын, получив от отца коня и тысячу рублей, не стал долго раздумывать, а сразу отправился по следам старшего брата искать лекарство для отцовых глаз.

Выехав на старую гарь, свернул средний сын на ту же дорогу, по которой и старший поехал, и постигла его та же печальная участь.

Приехав в тот дом, где жила красавица-девица, не устоял он перед ее прелестью. Но когда хозяйка гостя угощала, выпил парень вина не в меру и уснул мертвым сном. Девица деньги у него забрала и скинула в ту же яму, в которой и старшего брата сгубила.

Грустит несчастный отец: не слышно сыновей домой. Стал тогда младший в путь собираться, братьев своих разыскивать да отцу лекарство для глаз добывать. Не соглашается отец, боится, что и младший сын на той же дороге пропадет, но парень все молит и молит отца отпустить его в путь, и согласился наконец старик. Дал он парню доброго коня и тысячу рублей на дорогу, так же как и старшим братьям, и отпустил с богом удачи искать.

Ехал парень вдоль по белому свету, ехал поперек и на-

конец выехал на широкую гарь, где у трех дорог стояли столбы с надписями. Прочитал он высеченные на столбах слова и отправился по той дороге, по которой многие уехали, да редкие обратно вернулись.

По пути завернул парень в первый же дом, который у дороги заметил, с тем чтобы расспросить о своих братьях. Дома была одна только хозяйка, и спросил у нее парень, не проезжал ли кто в последнее время по этой дороге. Хозяйка была ведуньей и сразу поняла, в чем дело.

— Нет, не проезжали твои братья по этой дороге, ни один, ни другой,— сказала она.

Потом поговорила женщина с гостем ласково, накормила его досыта и напоследок сказала:

— Лучше будет, если оставишь ты своего коня в нашей конюшне, дашь ему овса и сена, а на нашем жеребце дальше отправишься. Пусть твой конь отдохнет до той поры, пока ты обратно поедешь.

Поблагодарил парень хозяйку и отправился на ее лошади в путь, а свою в конюшне оставил. Ехал он, ехал, долго ли, коротко ли, и увидел у дороги второй дом. Завернул парень во двор, привязал коня к столбу и направился в избу. Оказался в то время маленький мальчик во дворе, заметил он приезжего и побежал впереди него в дом, да и закричал прямо с порога:

— Мама! Тетушкина лошадь у нас во дворе привязана!

Следом за мальчиком и путник в дом вошел, поздоровался с хозяевами, как доброму гостю и следует.

Хозяйка встретила его ласково, расспросила, куда он путь держит, потом спрашивает:

— Откуда у тебя лошадь моей сестры?

Младший брат рассказал, как дело было, и говорит:

— В первом доме мне этого жеребца дали, а мой остался там в конюшне отдыхать.

Хозяйка, рассказ парня выслушав, поставила его коня в свою конюшню, насыпала щедро овса и сена в ясли,

а потом и самого путника накормила-напоила досыта. А когда тот дальше ехать собрался, дала ему женщина свежую лошадь и посоветовала:

— Поезжай по этой дороге все время прямо, увидишь огромный город. В этом городе стоит дом прекрасный, словно дворец, а на пятом этаже живет прекрасная девушка. У нее в комнате на окошке стоит пузырек с глазной мазью, которая отцу твоему нужна. Кроме того, есть у красавицы в клетке такая птица, которая умеет говорить и все, что нужно, может рассказать и предсказать. Хорошо бы тебе и пузырек этот, и птицу чудесную у девицы выкрасть. Но тут вот какая хитрость — когда ты во дворец проберешься, девушка будет крепко спать и о твоем приходе не узнает, но когда будешь ты со двора с добычей выезжать — берегись натянутой через всю усадьбу веревки с бубенцами да колокольчиками. Если конь твой перепрыгнет через веревку, не задев ее, тогда девушка не проснется, и удастся тебе отцу своему лекарство добыть.

Парень запомнил хозяйкин совет и отправился на свежей лошади дальше. Недолго ему пришлось ехать, как добрался он до большого города, где на пятом этаже прекрасного дворца жила та красавица, о которой ему хозяйка рассказывала.

Во дворце все случилось так, как женщина и предсказывала. Все стражники и сама девушка крепко спали, и парень сумел забраться незамеченным в покои и взять из спальни красавицы пузырек с мазью и волшебную птицу, да еще и с девушкой в постели полежал, потому что жаль ему было так просто с соблазнительной красавицей расставаться. Когда же он наконец из дворца вышел и с добытыми сокровищами на коня вскочил, то конь, перемахнув через натянутую веревку, задел-таки за нее немножко своим хвостом. Тут все колокольчики и бубенчики зазвенели, и девица от шума проснулась. Открыв глаза, сразу увидела, что мазь глазная украдена и птица чудесная похищена, да еще в ее постели кто-то был. Бросилась она

в погоню за вором. А парень коня погоняет, во весь дух от девицы удирает.

Прискакал он в тот дом, где последний раз лошадь менял, оставил коня во дворе, вскочил на того, на котором сюда приехал, и, не заходя в дом, дальше помчался. Так же сменил он лошадь и в доме у другой сестры, сел на подаренного отцом жеребца и мчался на нем до той самой развилки, где три столба у дороги стояли. Тут только остановился он передохнуть, оглянулся назад, но никакой погони не увидел. Не смогла его красавица на одной лошади догнать — он-то дважды коней менял, далеко позади погоню оставил. Прочитал парень написанные на столбах слова и подумал про себя: «Наверняка братья мои беспутные по той дороге поехали, где быть коню голодным, а всаднику сытым». Будучи в своей догадке уверенным, поехал он по этой дороге и прибыл к тому же дому, где во дворе стояли лошади братьев. Привязал и младший своего коня рядышком, вошел в избу и поздоровался с молодой хозяйкой, как гостю и положено. Стала девушка парня расспрашивать, как и старших братьев, и говорит ему:

— Ел ли ты, гость дорогой, пил ли, в баньке парился ли, да с молодой девицею спал ли?

Парень отвечал, что в долгой дороге не пил он и не ел, да и остального тоже не делал. Накормила девица парня, напоила, в бане попарила и уложила с собой рядом в постель, думая поступить с ним так же, как и со старшими братьями. Но парень не был пьяницей, как его братья, и вина за столом выпил лишь для подкрепления сил. Лег он с хозяйкой в постель, но не заснул, а притворился спящим. Девица, думая, что парень крепко спит, хотела было вытащить у него кошелек и скинуть гостя в подпол, но тот денег своих не отдал, а коварную девицу схватил и бросил в ту яму, которую она для других вырыла. Стала девица парня просить, чтобы он ее обратно вытащил, да так жалобно умоляла, как только умела, обещая быть ему весь век благодарной. Но парень, сердце которого уже гневом и злобой

наполнилось, на все ее сладкие речи внимания не обратил, а так ей ответил:

— Чем красивее и сладкоречивее женщина, тем меньше ей можно верить. Лучше я сорочью трескотню стану слушать, чем обещания лукавой женщины. Подай-ка мне сначала моих братьев сюда наверх, да две тысячи денег с ними, а там, может, и сжалюсь я над тобой.

Подала ему девушка тела старших братьев и их кошельки, и уже хотел было парень на радостях и девицу из ямы вытащить, но, увидев ее лукавые соблазнительные глаза, сказал, едва избавившись от их колдовской силы:

— Нет, не выпущу я тебя из ямы, если не дашь твои прекрасные и коварные глаза выколоть, потому что, хоть и не удалось тебе меня околдовать, обманешь ты еще многих юношей, которые будут сердцем помягче.

С этими словами покинул он этот дом, забрав с собой тела своих братьев. С виду они совсем на мертвых не походили — не закоченели, вот только глаза были бесцветные и безжизненные, как у покойников. Решил младший брат добытую для отца глазную мазь испробовать. Взял он на утиное перо немного снадобья да помазал мертвым братьям глаза. Едва он сделал это, как раскрылись безжизненные глаза, и оба брата от долгого сна очнулись.

Тут радость поднялась небывалая: парень оживших братьев обнимает, и они его обнимают — все обиды прежние забылись, все друг другу рады.

Отправились братья вместе в сторону дома — добрались до широкого луга, где решили старшие братья покормить своих лошадей. Младший, у которого сохранились еще взятые из дому припасы, угостил братьев и сам поел, после чего заснул на лугу крепким сном, ведь в прошлую ночь он совсем не спал. Братья же, долго до этого проспавшие, не заснули и стали между собой совещаться:

— Раз уж так дело обернулось, придется нам младшего брата убить, чтобы не рассказал он отцу нашему, как мы плохо дело порученное справили.

Договорившись, перерезали они спящему брату горло и унесли труп в лесок, спрятав его в кустах под ветками, а сами на коней вскочили да уехали.

Что же дальше? Случилось через этот лесок пастуху проходить со стадом, и услышал он, как поет в клетке похищенная парнем птица:

— Там в кустах лежит убитый человек, а голова его под деревом валяется. Возьми голову и приложи ее на свое место, и оживим мы с тобой этого несчастного!

Сделал пастух, как ему птица советовала, и приставил голову к плечам убитого. А птичка снова пастуху насвистывает:

— Достань-ка из кармана покойника пузырек со снадобьем, да смажь ему шею этой мазью.

Пастух совета послушался, и едва он мазью целебной шею убитого помазал, парень сразу ожил и стал еще здоровее да пригожей, чем до этого был.

Исцелив беднягу таким чудесным образом, отдал пастух пузырек с мазью воскресшему парню. Тот даже поблагодарить пастуха не догадался, убрал пузырек в карман, приторочил клетку с птицей к седлу и собрался в путь. Когда он уже на коня вскочил, стала птичка в клетке петь и насвистывать, спрашивает его:

— Знаешь ли ты, что с тобою было, когда пастух сюда на лужок пришел?

— Как не знать — спал я,— ответил парень.

— Не спал ты,— пропела ему птица.— Братья тебя убили, да пришел этот добрый человек, я ему и сказала, куда твоя голова брошена. А когда пастух по моему совету голову твою к плечам приложил да шею целебной мазью помазал, ты снова к жизни вернулся.

Тут только понял парень коварство старших братьев и поспешил скорее в родительский дом, где перво-наперво спросил у отца:

— Привезли ли твои сыновья тебе глазной мази из своих странствий?

— Нет, не привезли ничего. Двое старших с пустыми руками вернулись, а младший и вовсе где-то в пути сгинул,— ответил слепой отец, не признав в госте своего сына.

— Известно ли тебе что о младшем сыне? — спросил парень.

— Никаких вестей я от него не получал,— ответил отец.— Отправился он из дому старших братьев искать, и с тех пор ничего о нем не слышно, жив ли хоть бедняга — не знаю.

Парень не стал больше от отца скрываться и сказал:

— Вот он, твой младший сын, пред тобой стоит, в родном доме находится.

Не поверил в это отец, отвечает:

— Нет моего младшего сына дома, наверняка он уже сгинул где-нибудь.

— Поверь мне, отец,— сказал парень,— здесь я, младший твой сын, цел и невредим. Правда, пытались меня старшие братья убить, но по счастливой случайности я снова ожил и вот теперь, дорогой отец, перед тобой стою!

Затем достал он из кармана пузырек с глазным снадобьем и помазал старику слепые глаза. Тут же прозрел отец, узнал сына и бросился ему на шею. Но, обнимая младшего, заплакал старик, и так долго плакал, что высох, словно осиновый пень, и отдал душу Богу, не выпуская из объятий любимого сына.

Старшие братья, которые все это видели и слышали, убежали из дому и пошли по миру бродить. И по сию пору обратно не вернулись.

Вот и сказка вся.

РАСТОЧИТЕЛЬНЫЙ КОРОЛЬ

Жил некогда один расточительный король, который, несмотря на молодость, в пьянстве и роскоши растратил все богатство своего государства. Со стыда покинул он свою

страну и уехал в другое королевство, имея при себе лишь три марки и старую кобылу.

В том городе, куда он попал, был такой обычай: если бедняк умирал, не оставив после себя никакого наследства, то тело его оставалось валяться на улице у всех под ногами. Бедный король, прогуливаясь по городу, увидел на улицах множество трупов и, весьма этим огорчившись, похоронил одного покойника на оставшиеся три марки. Истратив на похороны последние деньги, отправился он дальше по дороге на своей старой кобыле.

Встретился ему на пути молодой парень, одетый в жалкие лохмотья, и спросил:

— Кто ты и откуда едешь?

— Я король,— ответил всадник.

— Как же это король без свиты путешествует? — спросил прохожий.

— Я так беден, что не могу содержать слуг,— сказал король.

— Не годится человеку королевской крови совсем одному странствовать. Возьмите меня слугой, я с удовольствием пойду!

— Но тебя же нужно кормить и платить тебе жалованье, а у меня нет на это денег,— сказал король.

— Пищу я себе сам найду, а о жалованье мы как-нибудь договоримся,— промолвил парень и снова попросился в услужение.

— Ну, коли хочешь, то следуй за мной,— сказал наконец король,— но скоро тебе от меня отстать придется, как только проголодаешься,— у меня ведь ни единой марки в кармане нет.

Ехали они вместе до самого вечера, и сказал король, когда стало темнеть:

— Вот и вечер наступил. Где же нам место для ночлега найти?

— Не печальтесь,— ответил парень,— я что-нибудь

придумаю. Есть тут неподалеку деревня, пойду-ка я вперед, ночлег и пищу для вас приготовлю.

С теми словами расстался парень с королем, оставив того на дороге вместе со старой кобылой, а сам пошел в деревню и заглянул в некий дом, где прямо с порога и говорит хозяину:

— Добрый вечер, хозяин. Можно ли у вас переночевать? Мой господин скоро прибудет.

— А что он за человек? — спросил хозяин.

— Это король из дальнего государства,— важно ответил парень.

— Ой-ой! — сказал хозяин.— Как же мы такого высокого гостя примем? У нас и комната для гостей нечиста и нетоплена!

— Если только переночевать позволите, я сам комнату в порядок приведу,— сказал парень, утешая хозяина.

Слуга комнату протопил, вымыл, хвоей обкурил, после чего выбежал навстречу своему господину, отвел его в дом, расседлал лошадь и все устроил как следует.

Хозяин дома, у которого впервые в жизни гостил король, сказал парню с глазу на глаз, когда господин их слышать не мог:

— Есть у нас, добрый человек, всякая пища, но ведь не умеем мы такие блюда готовить, которые большие господа привыкли кушать.

— Дайте мне ключи,— сказал парень,— я сам все приготовлю, не беспокойтесь.

Отдал хозяин ключи королевскому слуге, и тот приготовил для своего господина прекрасный ужин и стол накрыл чисто и благородно.

Наутро собрал он королю поесть в дорогу, проводил его со двора в путь, а сам вернулся в дом договориться с хозяином о плате. Вышел хозяин из избы, и спросил у него парень:

— Сколько мы за ночлег должны?

— Да что ты, дорогой гость! — сказал хозяин.— Я и тем премного доволен, что вы кое-как сумели у меня устроиться.

— Ничего, мы ночлегом довольны,— ответил парень.

— Никакой мне платы не нужно,— сказал хозяин,— это я тебе должен заплатить за то, что сумел так высокого гостя обслужить и не придется мне теперь своего дома стыдиться. С радостью отдам тебе все, что только понравится!

— Ну, пойдем тогда в амбар,— сказал парень.

Отвел его хозяин туда и велел выбирать из товаров все, что по сердцу придется. Висела в амбаре на гвозде старая фетровая шляпа, а рядом много таких же новых. Указал парень на старую шляпу и сказал:

— Вот что я хочу взять.

— Какая ерунда! — воскликнул хозяин.— Есть же тут и новые, бери любую!

Но парень не захотел брать новую шляпу, надел на голову старую и сказал хозяину:

— Большое спасибо, счастливо оставаться!

Вышел он на дорогу, догнал короля и молвил с довольным видом:

— Все, договорился я с хозяином!

— Это хорошо,— ответил король,— но как же ты с ним расплатился?

— Все получилось как нельзя лучше,— сказал парень.— Хозяин мне еще вот какую шляпу в придачу подарил!

Поглядел король на шляпу и сказал:

— Не много же проку от такой шляпы! Раз уж решил хозяин тебе подарок сделать, то мог бы и получше дать.

Парень же своей шляпой доволен.

— Ничего, эта шляпа еще при случае нам послужит, не беспокойтесь! — на этом умолк парень, и больше они с королем не разговаривали.

Так продолжали они свой путь, и снова к вечеру стал король беспокоиться, где бы им переночевать.

— Я опять пойду вперед, насчет ночлега узнаю,— сказал слуга и отправился в деревню.

Там нашел он дом подобротнее, вошел в него и говорит хозяину:

— Найдется ли в доме комната для гостя?

— Есть у нас комната,— ответил хозяин,— а что за человек твой господин?

— Он король,— ответил парень.

— Ого! Да как же мы такого гостя примем, ведь у нас и комната не прибрана, и ужин не приготовлен,— забеспокоился хозяин.

— Ничего,— сказал парень,— я сам комнату приберу и пищу приготовлю для господина.

— Очень вам за это благодарен,— обрадовался хозяин,— вот ключи, берите из припасов все, что нужно, лишь бы доволен остался высокий гость нашим домом.

Получив от хозяина ключи, парень вымел, вычистил комнату для своего господина и побежал на дорогу его встречать. Зашли они с королем в дом, слуга накрыл стол для ужина и выставил всевозможные кушанья — трудно ли было ему пищу приготовить, имея в кармане ключи от всех хозяйских кладовых. Самих хозяев не видно и не слышно было — они побоялись даже на глаза показываться важному гостю и ушли ночевать в другой дом.

Наутро оседлал парень для короля лошадь и проводил его до дороги, а сам остался в доме поджидать хозяина, чтобы о плате с ним договориться. Наконец вернулся хозяин от соседей, и говорит ему парень:

— Господин мой поспешил дальше путь продолжить, он уже давненько выехал. А я остался узнать, что мы должны вам за ночлег и угощение?

— Ничего вы мне не должны,— ответил вежливо хозяин,— я и тому рад, что оказали вы честь моей скромной хижине своим посещением. Чем мне тебя наградить за то, что сумел ты от моего имени высокого гостя в моем

доме принять и, несмотря на бедность нашу, угодить королю и ночлегом и ужином?

— Раз уж вы сами того хотите, то пойдемте в амбар,— сказал парень,— может, и найду я там что-нибудь себе на память, чего вам и не нужно вовсе.

Осмотрели они вместе амбар. Много там было всякого товара, и на стене висели три сабли, одна из которых была поломана и покрыта ржавчиной.

— Вот ее я и хочу взять,— сказал парень, указывая на старую ржавую саблю.

— Зачем тебе этот хлам,— ответил хозяин,— возьми новую и целую!

— Ничего, для меня и эта хороша,— сказал парень, забрал поломанную саблю, распрощался с хозяином и пошел догонять своего господина.

Тот поджидал слугу на большой дороге, и немного пришлось парню шагать, как уже нагнал он короля и сказал ему с радостью:

— Все, расплатился я с хозяином за ночлег, и он еще мне в придачу подарил вот такую саблю!

— Что же ты, несчастный, будешь с ней делать? — спросил король, разглядывая саблю.— Если бы она хоть целая была!

Но парень от слов короля не расстроился.

— В свое время она еще нам послужит,— сказал он и привязал саблю к поясу, чтобы выглядеть повнушительнее, как и следует королевскому слуге.

Весь третий день прошел в пути и снова с наступлением вечера стал король о ночлеге беспокоиться и сказал слуге озабоченно:

— Где же мы эту ночь проведем?

— Не беспокойтесь, найдем и сегодня подходящий ночлег,— промолвил парень.— Вы тут отдохните, а я схожу в деревню, подыщу нам пристанище.

Сказав это, отправился он вперед, зашел в один дом, где поздоровался с хозяином и сказал:

— Один господин просит приютить его на ночь. Позволит ли хозяин нам у него остановиться?

— Что это за господин? — спросил хозяин дома.

— Странствующий заморский князь,— ответил парень.

— Придется вам в другой дом пойти,— сказал, услышав это, хозяин,— не можем мы таких гостей принимать.

— Чего же у вас не хватает? — спросил парень.

— Комнаты не протоплены, и ужин не готов.

— Дайте-ка мне ключи, я сам и комнату приготовлю, и пищу сварю,— сказал парень.

Хозяин отдал парню ключи, а сам со всей семьей и домочадцами ушел к соседям, чтобы не мешать такому важному гостю. Парень комнату прибрал, постели приготовил и накрыл на стол, чтобы было королю хорошо и удобно переночевать в этом доме.

Утром снова проводил слуга своего господина до дороги, а сам остался в доме поджидать хозяина. Когда тот наконец от соседей вернулся, встретил его парень такими словами:

— Какую плату, добрый хозяин, назначишь ты за ночлег?

— Никакой мне, дорогие гости, платы не нужно,— ответил тот.— Это я вам должен остался, все отдам, что пожелаете! Пойдем со мной в амбар, может, там найдется для тебя какая-нибудь награда.

Парень последовал за хозяином и, зайдя в амбар, осмотрелся. Там всякого товара было вдоволь, на стене висели три шелковых кошелька — два новых, а третий старый, потертый. Указал парень на старый шелковый кошелек и сказал:

— Вот этот я хочу взять.

— Есть же тут и новые, возьми другой,— стал угова-

ривать его хозяин, но парень взял старый, поблагодарил и пошел своей дорогой.

По пути повесил он кошелек себе на руку, догнал господина и крикнул ему весело:

— Гляньте, какой я подарок от хозяина получил!

— Что же ты, бедняга, получше себе не выбрал,— сказал с сожалением король, но парень ничуть не огорчился:

— Этот кошелек еще службу нам сослужит, вот увидите.

На четвертый день пути добрались они до города, в котором жил король этого государства. Сам город красив и велик, но королевский замок был завешен черным сукном. Подивившись этому, зашли король со слугой в один стоящий за городской стеной дом и провели там ночь до следующего дня.

Наутро, отдохнув с дороги, пошел парень в королевский замок узнать, почему дворец черным сукном завешен. Там выведал он у дворцовых слуг, что страшный косматый и многорогий зверь, которого видно только ночью, пригрозил уничтожить весь королевский замок, если не отдаст ему король свою дочь в жены. На это требование ни король, ни дочь его пока еще согласия не дали, и каждый вечер с наступлением темноты приходилось принцессе выходить к чудовищу и уговаривать, чтобы тот свою угрозу не исполнил.

Разузнав все как следует, пошел парень без промедления к королю и рассказал ему, что он есть слуга странствующего заморского короля и что господин его хочет посвататься к принцессе. Услышав это, велел король парню позвать своего господина к обеду в тот же день. Слуга передал приглашение королю-моту, и тот около полудня отправился в замок, где за обедом поведал собравшимся, что хотел бы взять в жены королевскую дочку, если ее родители пожелают его своим зятем посчитать. Родители сразу на это согласились, а сама принцесса бросила на пол свое колечко и сказала:

— Если завтра это колечко сюда к столу принесешь, буду твоей женой.

Неловко было молодому королю лезть за кольцом под стол, так и осталось там колечко, а сам он вернулся в тот дом, где они со слугой остановились. Там спросил у короля парень:

— Что слышно в королевском замке?

— Да разные вести есть, и плохие и хорошие,— ответил расточительный король,— удалась бы моя женитьба, если бы не уронила принцесса кольцо под стол, сказав, чтоб нашел я его и завтра к обеду ей принес.

На другой день вовсе не хотелось королю в замок на обед идти, поскольку не было у него того колечка, но слуга уговорил-таки его:

— Идите смело, а когда у вас кольцо попросят, поищите в кармане!

Пошел король-расточитель в замок, посадили его хозяева за стол. Отведав угощений, пошарил он в своем кармане, нашел там кольцо и положил его у всех на глазах перед принцессой. Девушка взяла колечко и сказала:

— Тогда только я стану твоей, если сможешь ты завтра за обедом сказать, кого я сегодня перед сном поцелую.

Озабоченным вернулся к своему слуге молодой король. Парень снова у него спрашивает:

— Что слышно в королевском замке?

— Разные есть вести, и плохие и хорошие,— ответил король.— Колечко-то в кармане нашлось, но теперь задали мне новую задачу — надо к завтрему отгадать, кого принцесса сегодня перед сном поцелует.

— Тут никакой сложности нет,— ответил слуга.— Кого же ей целовать перед сном, как не родителей. Но могу я и наверняка это дело разведать. Та старая фетровая шляпа, которую мне в первом доме хозяин подарил, непростая — ее если на голову наденешь, сразу невидимым становишься, вот я ею и воспользуюсь, чтобы обо всем разузнать.

С этими словами надел он старую шляпу на голову, стал невидимкой и отправился в королевский замок. Там провел

он весь день, всюду незаметно следуя за принцессой, но ничего необычного не заметил. Наконец поздно вечером расстелась принцесса со всей дворцовой челядью и вышла из большого дворцового зала. Парень последовал за ней, чтобы подглядеть, не родителей ли перед сном целовать отправилась девушка, но та пошла совсем в другую сторону — в раскинувшийся вокруг замка ясеневый парк. Как только принцесса в парк спустилась, задрожала земля, и поднялось из недр страшное и отвратительное чудовище с длинными ужасными ушами и ветвистыми рогами на голове. Приблизился зверь к девушке и стал обнимать и целовать ее. Парень, у которого обломок ржавой сабли с собой был, подошел невидимым к чудовищу, отсек саблей ему голову и спрятал в потертый шелковый кошель.

Наутро отдал он кошель своему господину и сказал:

— Когда вас в замке спросят, с кем принцесса вечером целовалась, бросьте кошель на стол и скажите королю: «Вот голова того дракона, который вечером вашу дочь целовал!»

Король-расточитель сделал все, как слуга посоветовал, и когда сели в замке за стол обедать, вытряхнул он голову чудовища из кошелька. Какая тут радость всех в замке охватила! Дело в том, что принцессе приходилось против своего желания зверя целовать, чтобы он в гневе всего замка не разрушил, но теперь, увидев на столе отрубленную голову чудовища, избавилась она от своего страха.

Король сразу послал слуг на крышу снимать черное сукно и велел повесить красное. Стали готовиться к свадьбе и весело отпраздновали женитьбу молодого чужеземного короля на спасенной от дракона принцессе. Пир этот длился много дней, и весь народ королевства веселился вволю.

Парень служил молодому королю и его прекрасной жене до тех пор, пока их маленький сын не научился ходить. Тогда пришел слуга к своему господину и сказал:

— Теперь настало время покинуть мне вас.

Ответил ему король:

— Этого я тебе запретить не могу, хотя с радостью бы и дальше тебя при себе держал, но раз уж захотелось уйти, давай договоримся о награде.

— Могу ли я сам себе плату назначить? — спросил парень.

— Конечно, можешь,— ответил король.

— Тогда за верную службу позволь мне твоему сыну голову отрубить,— сказал парень.

— Дорогой ты хочешь платы, но ты ее заслужил! — ответил король с тоскою.

Тогда парень выхватил свою саблю и снес ребенку голову. Страшным было это зрелище. После этого бывший слуга сказал:

— Счастливо оставаться,— и ушел.

К счастью, случившееся оказалось лишь морокой, насланной слугой, а мальчик жив и здоров остался.

А дело было вот в чем. Молодой король, несмотря на то что растратил все свое имущество, не пожалел последних денег на похороны несчастного бродяги, валявшегося на улице того города, куда он сначала попал. За это доброе дело взял его под свою опеку добрый дух-хранитель. Теперь, когда дух-хранитель больше не был ему нужен, исчез он, улетел прочь, приняв свой прежний облик.

Вот и вся сказка.

ХЕЛЛИ И ГОРНЫЙ ТРОЛЛЬ

На одном берегу залива жил горный тролль, а на другом — финский крестьянин. У крестьянина было три сына, и младшего звали Хелли.

Как-то раз говорит старик-отец сыновьям:

— Мешает нам жить этот тролль. Как бы нам от него избавиться?

— Я его изведу! — сказал Хелли.

Старшие братья всегда над ним потешались, потому что он был гораздо моложе их и слабее, и на этот раз тоже подняли его на смех:

— На словах-то ты смел, да на деле не много от тебя будет помощи,— сказали они.— Ну да ничего, возьмем тебя с собой, может, всем вместе и удастся тролля перехитрить.

Хелли спорить не стал, и отправились братья к жилищу горного тролля. Войдя в хижину, попросились они переночевать. Тролль радушно пригласил их в дом и добавил:

— Как хорошо, что вы пришли, я вас к себе в зятья возьму, у меня как раз три дочери на выданье.

Юноши не посмели возражать троллю и согласились с его решением. Когда наступил вечер, тролль приготовил на полу три постели и уложил братьев рядом с их невестами. На головы юношей он надел красные колпаки, а на головы девушек — белые, чтобы в темноте на спутать своих дочек с женихами, которых он намеревался той же ночью убить.

Но Хелли тайком подслушал, как тролль толковал об этом со своей старухой, и поэтому был настороже. Когда все в доме уснули, Хелли встал, стараясь не шуметь, и осторожно сменил белые колпаки на головах дочерей тролля на красные, а белые надел на головы братьев и себе. Поменяв колпаки, улегся он обратно в постель и стал ждать прихода тролля. Тот вскоре пришел и отрубил головы тем, на ком были красные колпаки, не зная, что убивает собственных дочерей.

Когда тролль убрался, Хелли разбудил братьев, рассказал им все как было и незаметно вывел их из хижины, пока тролль со своей старухой крепко спали. Дома братья стали хвастаться отцу, как они тролля обманули, и сказали:

— Дочерей его мы уже извели!

Прошло сколько-то времени, и говорит Хелли отцу:

— Есть у горного тролля конь необыкновенной кра-

соты: один волос серебряный, а другой золотой, хочу я увести у него этого коня!

Не хотелось отцу, чтобы Хелли шел, боялся он, что попадется сын в лапы тролля и погибнет, но парень успокоил старика:

— Ему меня не одолеть! — и отправился коня красть.

На этот раз старшие братья уже не решились идти на ту сторону залива, а остались дома с отцом. Когда Хелли пришел в жилище тролля, дома была только его жена, дряхлая старуха. Узнав Хелли, обрадовалась бабка и решила его задержать до прихода мужа, чтобы тролль отомстил ему за дочерей. Попросила она юношу ласково:

— Есть у нас конь, да нету у меня времени его на водопой сводить, может, ты, Хелли, его напоишь?

— Отчего бы не напоить,— сказал парень, пошел в конюшню, сел на коня верхом и направился к озеру, а сам вдоль бережка залив объехал и домой прискакал.

Приходит тролль и спрашивает у жены:

— Где же мой конь, старуха?

— Хелли тут был, пошел его поить, да так и не вернулся, плут,— рассказывает бабка.

Крепко ругал тролль свою старуху за то, что упустила Хелли да еще коня проворонила, а потом побежал на берег и крикнул через залив:

— Это ты, Хелли, коня моего украл?

— Да, тролль, моя это работа! — ответил парень.

Прошло еще немного времени, опять Хелли к отцу подходит:

— У горного тролля много денег припрятано, хочу я их у него выкрасть.

Отец отвечает:

— Хорошо бы, конечно, деньги у тролля выманить, да как бы он тебя не убил.

— Не волнуйся, отец,— отвечает Хелли,— я умею быть осторожным, не удастся троллю меня так просто погубить.

Отпустил его отец, и отправился Хелли за деньгами

горного тролля. Самого хозяина опять дома не было, а старуха хлебы пекла. Поздоровалась она с Хелли почтительно и сделала вид, что не помнит о его прежних проделках, думая задержать его до прихода мужа. Но тролля долго не было, и старуха, уставшая от своей работы, сказала Хелли:

— Может, поможешь ты мне хлебы допечь, а я пока отдохну.

— Отчего же не помочь,— сказал парень и принялся за работу.

Когда старуха уснула, стал Хелли комнату осматривать, в каждый угол заглянул. Под полатями заметил он большой кошель с деньгами. Схватил Хелли кошель, выбрался потихоньку из хижины тролля и отнес деньги домой. Там раскрыли братья с отцом сумку, а она серебра полна. Стал отец серебро мерять — целая четверть получилась.

Вернулся тролль домой, видит — нет кошеля с деньгами, бросился старуху тормошить, та и рассказала, что снова Хелли приходил. Выбежал тролль на берег, кричит через залив:

— Это ты, Хелли, мои деньги украл?

— Да, тролль, и это моя работа! — отвечает ему юноша.

Снова время проходит, является Хелли к отцу и говорит:

— Есть у горного тролля красивое шелковое покрывало, расшитое золотом, хочу я его похитить.

— Как бы тебе самому не пропасть,— предостерегает отец.

— Не волнуйся, отец,— говорит Хелли,— я с ним сумею поладить.

Захватил парень с собой бурав и отправился в путь. Добравшись до места, залез Хелли на крышу хижины и просверлил буравом дырку как раз над постелью тролля. Через эту дырку он все видел, что в доме происходило. Под вечер вернулся тролль домой, плотно поужинал и завалился спать рядом со своей старухой, укрывшись шелковым с золотым шитьем покрывалом. Когда Хелли увидел, что они заснули, капнул он на постель немного воды. Тролль

проснулся, ощупал покрывало и, увидев, что оно мокрое, тут же разбудил свою старуху:

— Вставай да меняй постель! Одеяло почему-то мокрое.

Бабка тоже пощупала покрывало и говорит троллю:

— Крыша течет, потому и одеяло мокрое.

— С чего бы это крыша прохудилась,— удивляется тролль,— никогда ведь раньше не протекала. Наверное, ветер потрепал.

Старуха поднялась, повесила сырое покрывало на жердочку сушиться, достала другое и снова легла рядом с троллем. Когда Хелли убедился, что они спят, расширил он буравом дырку, дотянулся до покрывала, которое висело на жердочке прямо под дыркой, вытянул его на крышу — и был таков.

Увидев сына целым и невредимым, обрадовался отец и сказал:

— Добыл ты теперь шелковое покрывало с золотым шитьем, все сокровища тролля похитил.

— Нет, отец,— ответил Хелли,— есть еще у него чудесный золотой бубенчик, звон которого слышно по всей округе, вот его хочу я у тролля выкрасть.

Отец снова сына предостерегает:

— Как бы тебе самому голову не сложить. Тролль ведь тебя беречь не станет, если ты в его лапы попадешься.

— Не волнуйся, отец,— ответил Хелли,— я ведь уже не впервой на такое дело иду.

На следующее утро проснулся тролль и хватился своего покрывала. Видит — нет его на жердочке. Понял тролль, что опять его Хелли обманул, и побежал на берег. Кричит через залив:

— Это ты, Хелли, мое золотое покрывало украл?

— Да, тролль, и это моя работа,— отвечает парень.

Вернулся тролль домой злой-презлой и говорит своей старухе:

— Все сокровища украл у нас этот Хелли, один только золотой бубенчик остался. Если этот парень и бубенчик у нас стащит, тогда он настоящий герой!

Тем временем Хелли уже прикидывал, как у тролля бубенчик добыть. Наконец взял он с собой пилу и лом и отправился. Но при свете дня не посмел он приблизиться к жилищу горного тролля, а прокрался к хижине, только когда стемнело, и сделал ломом отверстие в стене в том месте, где изнутри висел на гвозде бубенчик. Потом взял Хелли пилу и выпилил кусок бревна из венца. Когда дыра была готова, просунул юноша внутрь руку и стал на ощупь искать бубенчик, но едва он его коснулся, как зазвенел золотой колокольчик. Тролль тут же проснулся, схватил парня за руку, втянул его через дыру в хижину и сказал:

— Ага, плут, все же поймал я тебя, убийцу моих дочерей, похитившего моего коня, укравшего деньги и золотое покрывало. Теперь я тебя убью и приготовлю себе жаркое!

Стал Хелли умолять тролля пощадить его, но напрасны были его уговоры. Горный тролль сказал своей старухе:

— Я пойду созову гостей на угощенье, а ты пока растопи печку и сделай из этого парня жаркое.

Бабка натопила печь докрасна и говорит юноше:

— Давай-ка, негодный, садись на лопату, да живо!

— Да ведь не умею я на лопате-то сидеть,— отвечает Хелли,— пусть хозяйка покажет, как это делается.

Стала старуха показывать юноше, как следует сесть, согнулась в три погибели, а Хелли, не будь прост, толкнул старуху в печь и заслонку закрыл. Когда бабка пропеклась, достал он ее из печки и поставил жаркое на стол, а бабкину одежду набил соломой так, что получилась похожая на нее кукла. Положил Хелли эту куклу на старухину кровать и ушел.

Когда вернулся горный тролль с гостями, жаркое было уже на столе, а хозяйки нет. Тролль увидел на кровати набитое соломой чучело и решил, что это старуха спит, сказал гостям:

— Проходите, гости, за стол садитесь, старуха, видать, замаялась да вздремнуть прилегла.

Сели гости за стол, стали кушать. Приглашенные — родственники горного тролля, всякая лесная нечисть — нахваливают угощение, но тролль, когда стал голову у жаркого отрезать, зацепил ножом за ожерелье, которое было на старухиной шее, и узнал свою бабку. Сказал тогда тролль:

— Вот беда — жену съели, ее это бусы!

Гости засмущались и стали едой давиться, но старый тролль промолвил:

— Раз начали, надо доедать, что уж теперь поделаешь!

После ухода гостей вышел горный тролль на берег и крикнул через залив:

— Это ты, Хелли, мою старуху зажарил?

В это время как раз солнышко вставало, Хелли и указал на него троллю:

— Вон твоя старуха, обратно идет!

А горному троллю нельзя на восходящее солнце смотреть, но только забыл про это тролль, оглянулся, да тут же и лопнул.

Вот и сказка вся.

ПОДАРКИ ХИЙСИ

Жил у богатого хозяина бедный торпарь-арендатор. Близилось рождество, а у бедняка не было к празднику свинины, и пошел он к своему хозяину попросить в долг поросенка.

— В убытке ты не останешься, я для тебя такого же выкормлю,— сказал торпарь.

Дал ему богач поросенка, приготовил бедняк себе жаркое из свинины на рождество. К следующей осени вырастил

он такого же поросенка и отнес его к хозяину, как и обещал. Но богач был так горд и заносчив, что не принял долга, а сказал бедняку:

— Иди-ка ты к Хийси со своим поросенком!

Забрал торпарь своего поросенка и повел его, куда было велено. Так шел он два дня, и на третий вечер повстречался ему некий старик и спросил:

— Куда это ты поросенка тащишь?

— Мой господин приказал идти к Хийси с этим поросенком,— ответил бедняк.— Не знаешь ли ты, дедушка, какая туда дорога ведет?

— Ты верно идешь,— сказал старик,— отсюда уже недалеко осталось. Будут, правда, еще по пути развилки, но ты ступай все время по той дороге, что горохом усыпана, по ней и доберешься до места.

Пошел бедняк по указанной дороге и скоро пришел к владениям Хийси. Там увидел он слева от ворот огромный меч, справа — большую бутыль, а перед воротами — двух королевских дочерей.

— Ого! — сказал бедняк.— Вот так меч, кто же его поднять может?

— Это меч самого Хийси,— ответили королевны,— он сперва из этой бутыли сил набирается, а потом уж мечом размахивает.

— Может, и мне выпить,— сказал бедняк,— чтобы смелее с хозяином разговаривать?

— Пей, пожалуйста! — ответили девушки.

Выпил торпарь, мужества набрался и пошел через бесконечные залы замка, пока не отыскал покои самого Хийси. Там у дверей стоял привратник.

— По какому делу ты сюда пришел? — спросил тот.

— Хозяин мой велел мне этого поросенка Хийси привести,— ответил бедняк.

— Вот станешь ты сейчас с нашим господином разговаривать,— сказал привратник,— а знаешь ли ты, что просить

у него, если захочет он тебя за подарок отблагодарить?

— Нет,— ответил бедняк.

— Проси у него маленькую ручную мельницу! — посоветовал привратник.

Предстал бедняк перед самим Хийси и поведал о своем деле:

— Прислал вам мой хозяин вот этого поросенка в подарок.

Понравился подарок Хийси, и ответил он гостю:

— Спасибо, передай хозяину своему от меня благодарность. Проси же теперь за труды свои чего пожелаешь, подарю тебе все, что хочешь!

— Ну, коли мне просить позволено,— ответил бедняк,— то хотелось бы мне иметь всего лишь маленькую мельничку.

Принес ему Хийси ручную мельницу, торпарь поблагодарил его и пошел восвояси. Привратник, увидев, что́ за подарок получил бедняк от Хийси, остановил его и спросил:

— Знаешь ли ты, что тебе делать с этой мельницей?

— Нет, не знаю,— ответил торпарь.

Посоветовал ему привратник:

— Когда будешь ты голоден и кончится у тебя хлеб, покрути мельницу, она тебя в трудную пору выручит.

Поблагодарил бедняк привратника за добрый совет и пошел по усыпанной горохом дороге в сторону дома. Но застала крестьянина ночь в пути, и попросился он ночевать в одну избушку у дороги.

— Заходи,— сказала хозяйка,— но кормить мне гостя нечем, сама голодаю.

— Это ничего,— ответил бедняк,— ставь котелок на огонь, найдется у меня крупа для каши, еще и тебе останется.

Поставила хозяйка котелок с водой на очаг, а ночлежник намолол своей мельницей крупы, сварили они из нее кашу и вместе поужинали. Но хозяйке, увидевшей, как легко гость из своей мельницы крупу добывает, захотелось эту чудесную

вещь присвоить. Когда бедняк уснул, украла у него хозяйка мельницу и подложила вместо нее другую, обычную.

Гость ничего о том не знал, взял наутро подмененную мельницу и отправился дальше. Придя домой, стал он жене хвастаться, какое счастье им привалило:

— Теперь нам голод не страшен, погляди, какой я подарок от Хийси за поросенка получил!

Завертел он мельницу, чтобы показать жене ее чудесное свойство, но ничего у него не получилось.

— На что нам эта мельница,— сказала жена,— отнеси обратно Хийси эту никчемную вещь!

Бедняк и сам заметил, что, сколько бы он мельницу ни крутил, ничего из нее не сыплется, и отправился с нею обратно к Хийси. Добравшись до его владений, подошел он к привратнику и сказал:

— Не нужна мне эта мельница, один раз она мне крупы на кашу намолола, а теперь, сколько бы я ручку ни крутил, ничего из этого не выходит.

Ответил ему привратник:

— Господин может и рассердиться на тебя, что ты сюда зачастил, но если все же станет тебе что-нибудь взамен предлагать, то знаешь ли, что просить?

— Нет, не знаю,— ответил бедняк.

— Попроси у него скатерть, не пожалеешь,— посоветовал привратник.

Пошел торпарь к Хийси, вернул ему мельницу и взял взамен скатерть. Хийси дал крестьянину то, что он просил, и тот направился к выходу. Открывая ему дверь, спросил привратник:

— А знаешь ли, что теперь с этой скатертью делать?

— Нет,— промолвил тот.

— Когда проголодаешься,— объяснил привратник,— расстели скатерть на столе, и появится на ней все, чего пожелаешь.

Крестьянин поблагодарил привратника за совет и от-

правился домой. К вечеру пришел он снова в ту избушку, где в прошлый раз ночевал, и опять попросился на ночь. Ответила ему хозяйка:

— Переночевать в моей хижине ты можешь, но накормить мне тебя нечем, сама голодаю.

Тогда расстелил бедняк на столе свою скатерть, и появились тут кушанья разные, каких только пожелать можно. Поужинав, лег он спать, а старуха тем временем подаренную Хийси скатерть у него украла и положила взамен обычную. Бедняк, ни о чем не ведая, взял наутро скатерть и домой зашагал.

— Теперь мы нужды знать не будем! — расстелил он дома скатерть на столе. Но ничего на ней не появилось, и жена опять ему сказала:

— Нету от нее никакого проку, отнеси ты ее обратно Хийси!

Наутро отправился крестьянин в третий раз к Хийси и сказал, добравшись, привратнику:

— Ни к чему мне эта скатерть, никакого от нее проку нет.

Ответил ему привратник:

— Да ты сюда каждый день зачастил! Теперь уж, наверное, ничего тебе господин не даст, но если все же расщедрится, то знаешь ли, что просить?

— Не знаю,— ответил бедняк.

Привратник велел попросить у Хийси кожаный мешок, и бедняк вошел в покои господина. Вскоре появился он в дверях с мешком под мышкой и подошел к привратнику. Тот спросил крестьянина:

— Знаешь ли, что с этим мешком делать?

— Нет,— ответил тот.

Привратник сказал:

— Когда тебе что-нибудь понадобится, открой мешок и скажи: «Выходите, парни, из мешка!» — и сразу выскочат из мешка слуги и все для тебя сделают, что только

прикажешь. Но не забудь им сразу же работу дать, иначе тебя же самого и отлупят.

Бедняк поблагодарил привратника за добрый совет и отправился обратно. Снова его вечер в пути настиг, и зашел он в ту избушку, где уже до этого дважды ночевал, Старуха, как и прежде, ночевать его пустила, но сказала, что накормить гостя нечем. Бедняк приказал парням из мешка собрать на стол, и те натащили столько всяких кушаний, что хватило и хозяйке поужинать. Когда ночлежник заснул, снова подменила ему хозяйка волшебную вещицу, но не утерпела и решила сразу попробовать силу чудесного мешка. Сказала старуха те слова, что от гостя слышала:

— Выходите, парни, из мешка!

Мешок-то она открыла, а вот работы слугам дать не догадалась. Что тут началось! Парни из мешка повыскакивали и принялись старуху колотить да за волосы таскать, да так, что от боли взвыла хозяйка:

— Хватит драться! Я и так отдам мельницу и скатерть!

От этого шума проснулся бедняк, велел парням обратно в мешок убираться, забрал у старухи свою мельницу и скатерть и домой отправился.

— Погляди теперь, что я от Хийси получил! — сказал он дома жене.

Покрутил торпарь мельницу, и посыпалась из нее мука, расстелил на столе скатерть — всевозможные лакомства появились, открыл мешок и сказал: «Вылезайте, парни, из мешка!» — и тут же явились слуги, готовые любое приказание выполнить.

Не в чем теперь было жене мужа упрекать, и хотя не очень-то она понимала, откуда что бралось, но обрадовалась тому, что настала для них такая легкая жизнь: чего ни пожелают, все безо всякого труда тут же имеют. Быстро превратился бывший бедняк в самого настоящего богача. Показалась ему старая хибара маленькой и негодной. Открыл он мешок и сказал:

— Выходите, парни, из мешка, хозяину каменную усадьбу строить!

Парни мигом из мешка выскочили и за работу принялись, и не успел бывший торпарь и за ухом почесать, как уже была для него каменная усадьба готова. Осмотрев свой новый дом и убедившись, что все в нем сделано на совесть, написал крестьянин письмо своему королю, в котором смиренно просил всемилостивейшего владыку оказать ему честь своим посещением и разделить с ним скромную трапезу.

Король, получив письмо от торпаря, рассердился.

— Что я ему — кум или сват, что он смеет самого короля в гости звать?!

Призвал к себе король одного из генералов и велел с отрядом солдат пойти к торпарю и наказать его за наглость.

Но крестьянин был настороже и, когда увидел приближающихся солдат, открыл свой мешок и сказал:

— Выходите, парни, из мешка, разбейте королевское воинство! Только генерала оставьте, чтобы было кому весть королю донести.

Выскочило из мешка солдат видимо-невидимо, и разбили они в один миг все королевское войско, оставив в живых одного только генерала. С ним послал торпарь королю еще одно письмо, чтобы не гневался тот на его просьбу, а пожаловал к нему в гости.

Король на второе письмо еще больше рассердился и снарядил другой отряд из самых храбрых солдат, чтобы проучили торпаря за его неслыханную наглость. Но торпарь не больно-то испугался — как увидал надвигающихся солдат, раскрыл он мешок и сказал:

— Выходите, парни, из мешка, хозяина своего выручать! Порубите войско королевское, оставьте только генерала в живых, чтобы он королю весть донес!

Тут же явилась из мешка целая армия и разбила коро-

левский отряд, оставив одного только генерала невредимым. С ним отправил крестьянин королю третье письмо, в котором снова смиренно просил его пожаловать в гости.

Но король, узнав, что войско его опять разбито, еще больше разгневался, собрал последних своих воинов и послал их уничтожить наглеца, сказав при этом:

— Что я ему — слепой котенок, что он так над моей честью насмехается!

Отправились солдаты упрямого торпаря воевать, но тот, завидев наступающую армию, вызвал из мешка своих парней на подмогу, и вмиг было королевское войско побито, так что снова лишь генерал жив остался.

Отправил его крестьянин обратно к королю и передал с ним еще одно письмо, в котором нижайше просил оказать ему честь своим посещением. Король, у которого не осталось больше войска, согласился и отправился к торпарю в гости. Встретил короля крестьянин и проводил в свою каменную усадьбу. Увидев такой красивый дом, король от изумления даже речи лишился и молча следовал за хозяином. Тот усадил короля за стол, расстелил перед ним чудесную скатерть и сказал:

— Что вашему величеству угодно будет пожелать, то на этом столе и будет!

Тут же стали на столе появляться разные лакомства и сладкие вина, которые король больше всего любил. Принялись они вместе обедать, и король, весьма угощением довольный, сказал хозяину усадьбы:

— Знал бы я, что ты такие вкусные блюда в своем доме держишь, не стал бы зря войско свое губить.

Отобедав, поблагодарил король хозяина еще раз за радушный прием, объявил ему свое высочайшее благоволение и отправился в свой замок.

Прошло сколько-то времени, и напал на короля неприятель. А поскольку король все свое войско растерял в битвах с непокорным торпарем, не знал он, как теперь

государство защитить, и очень был этим озабочен. Наконец вспомнил он, как торпарь от его войска ловко отбивался, и призвал его на подмогу.

Крестьянин королевского указа послушался и явился на бранное поле со своим кожаным мешком. Там битва уже к концу подходила. Неприятель, у которого была несметная армия, теснил малые силы короля и хотел было взять королевский отряд в окружение, но тут подоспел на помощь торпарь с мешком, крикнул: «Выходите, парни, из мешка!» — и тут же всех врагов с поля брани словно ветром сдуло, так что больше их никто не видел и не слышал.

Король считал уже войну проигранной и готов был с остатками своих солдат в плен сдаваться, но, увидев такой оборот, обрадовался несказанно и освободил хозяина усадьбы от всех налогов на вечные времена.

Вот и вся сказка.

НАСЛЕДСТВО ТРЕХ БРАТЬЕВ

Жили в старину три брата. Двух старших считали люди толковыми да разумными, а третий был Тухкимо, то есть Запечник, лежебока чумазый.

Досталось им после смерти отца наследство: старшему стригальные ножницы, среднему — кошка, а Запечнику — охапка дубильного корья. Задумались братья, как им с таким наследством прожить и себя прокормить.

Отправился старший брат со своими стригальными ножницами счастья искать и пришел в один дом у дороги, где хозяйка овцу топором стригла, на пороге с нее шерсть обрубала. Сказал ей парень:

— Дай-ка мне эту овцу, может, у меня работа заспорится.

Взял он овцу в руки, и едва только ножницы достал, как вмиг была овца острижена. Увидала это хозяйка и просит парня:

— Забавная у тебя штука в руках, дай-ка я попробую, может, и у меня так же ловко получится.

Дал ей парень ножницы, попробовала хозяйка сама стричь:

— Вот так инструмент у тебя! Не продашь ли его мне?

— Я бы продал,— ответил парень,— да они мне самому нужны, я ими кормиться должен.

— Продай! — уговаривает женщина.— Я тебя до конца жизни хлебом обеспечу.

— Ну, если дашь мне столько серебра, сколько эти ножницы весят,— ответил парень,— уступлю я их тебе.

— Получай серебро,— сказала хозяйка и отсыпала парню денег на вес стригальных ножниц.

Парень, получив серебро, дольше задерживаться не стал, а отправился довольный домой. Там спрашивают его братья:

— Как это ты столько денег раздобыл?

— Есть у меня средство,— ответил старший брат и не стал рассказывать, как он деньгами разжился.

Настал черед среднему брату со своей кошкой в путь отправляться, удачи искать. Шел он, шел по дороге и остановился в одном доме, надеясь переночевать.

— Место у нас есть,— отвечают хозяева,— ночуй, пожалуйста, но вот мыши да крысы нам жизни не дают, всю пищу съедают, одежду портят, все грызут!

— Оставите меня пожить у вас, я этих тварей выведу,— говорит парень.

— Если ты и впрямь такой гость, что можешь нас от вредителей избавить, мы тебе за это сполна заплатим,— отвечают ему хозяева.

— В какой комнате мышей больше всего? — спрашивает парень.

— В амбаре,— отвечают ему.

— Вот там я и заночую,— сказал парень и пошел с кошкой в амбар, укрылся хорошенько и заснул.

Только затих парень, как набежало со всех щелей крыс и мышей видимо-невидимо. Но кошка настороже была и сразу за свое дело принялась — душит мышей, убивает, целую кучу перед дверью сложила, после чего свернулась у хозяина на груди и задремала, потому что больше крыс да мышей в амбаре не осталось.

Наступило утро, и стали хозяева гадать, жив ли еще их гость в амбаре. Отправились все вместе посмотреть, что там с несчастным сделалось. Открыли дверь, заглянули в амбар и видят — спит себе гость, жив-здоров, и никакого ему горя нету. Лежит парень на спине, похрапывает, а кошка у него на груди свернулась. Удивились хозяева такой картине, но еще больше они изумились, когда груду мертвых мышей перед дверью увидели.

— Сколько же тут крыс и мышей передушено! — сказали они проснувшемуся гостю.— Как тебе их изловить удалось?

— Есть у меня помощник, отличный охотник,— сказал парень, указывая на кошку,— вот кто их всех жизни лишил.

Как услышали это хозяева, захотелось им такого зверя себе заполучить, и стали они кошку у парня торговать:

— Будь добр, дорогой гость, продай нам этого охотника, раз он вредителей из дому вывести может!

— Не хотелось бы мне кошку продавать, я ведь ею кормиться должен, но если дадите за нее серебра и золота по весу, то отдам ее вам, так уж и быть.

— Дадим тебе, что просишь,— ответили хозяева и отвалили парню за кошку столько серебра и золота, сколько она весила.

Получив за наследство свое сполна, пошел парень с деньгами домой. Стал он дома деньги свои мерять, спросили у него братья:

— Откуда ты столько денег добыл?

— Мужчина всегда средство найдет, только ты, никудышный, никогда ничего не добудешь,— сказал он, оборачиваясь к Запечнику.

Тухкимо, который до этого дня только на печи полеживал да дубильное корье сушил, подумал про себя: «Дайка и я свое счастье искать пойду». Подхватил он под мышку охапку дубильной коры и отправился по белому свету бродить.

Шагал он по дороге и пришел к берегу ламбушки. Ничего другого не придумав, стал он свое корье в ламбушке мочить-размачивать. Заметил его сын водяного, вышел из воды на берег и спрашивает у парня:

— Что ты тут делаешь?

— Да вот думаю из этого корья невод сплести да всех рыб из вашей ламбушки выловить, а заодно и водяного со всем семейством и хозяйством, чтобы ни души в озере не осталось.

— Братец, не разоряй родительского дома! — взмолился сын водяного и поспешил домой отцу рассказать, что парень сделать задумал.

Говорит на это отец:

— Что же это за человек, раз такое замышляет? Надо бы силу его испытать. Пойди-ка, сынок, попробуй с ним побороться.

Отцовского слова послушавшись, вышел сын водяного снова из ламбы на берег и обратился к Запечнику со словами:

— Не помериться ли нам силами, не узнать ли, кто из нас крепче?

— Рука у меня болит, ножом немного порезался,— отвечает Запечник,— неохота мне нынче бороться, но вот мой старший брат в лесу без дела бродит, пойди с ним потягайся. Если он с тобой справится, значит, и я справлюсь, потому что он меня намного слабее.

Пошел сын водяного в лес искать того брата, и вскоре попался ему навстречу медведь. Решил сын водяного, что

это и есть брат Запечника, подошел к медведю со словами:

— Давай-ка, куманек, поборемся.

Обхватили они один другого и давай мять. Пробуют два силача свою крепость, да недолго эта игра продолжалась — сдавил медведь нечистого всею своей силушкой и опрокинул на землю, да еще мхом, ягелем завалил. Сколько там сын водяного без памяти пролежал — неведомо, но очнулся наконец, вылез из-под мха и домой пришел. Там спрашивает у него отец:

— Уже ли померился ты с тем человеком силами?

— Не стал он сам бороться,— ответил сын,— сказал, что рука болит. Послал он меня в лес к старшему брату, вот с ним-то мы и стали бороться, но тот меня быстро на землю свалил да чуть вовсе не убил, хоть и был он уже очень стар. Видно, еще хуже бы мне пришлось, если бы стал я бороться с младшим братом, он хвалился, что гораздо сильнее старшего.

Выслушав сына, удивился водяной и сказал:

— Да, непросто нам с этим неводником будет справиться, раз он так силен. Пойди-ка позови его наперегонки бегать, поглядишь, какой из него бегун.

Сын водяного, который всегда отца слушался да и парню хотел превосходство свое показать, пошел опять к Запечнику и сказал:

— Давай наперегонки побежим, кто из нас быстрее.

Отвечает ему Тухкимо:

— Некогда мне пустяками заниматься, пойди вон под гору спустись, там найдешь в кустах моего младшего брата, если его обгонишь, тогда уж и я с тобой побегу.

Пошел сын водяного в кусты, а там заяц сидел. Как услышал косой треск в зарослях, припустился бежать, да так помчался, что только пятки засверкали. Сын водяного за ним бросился, тоже со всех ног бежит, да где

ему с зайцем тягаться. Так и не догнав длинноухого, вернулся он к Запечнику и говорит:

— Если бы брат твой такими петлями не бегал, может, и догнал бы я его.

— Раз ты моему младшему брату в беге проиграл, я с тобой и тягаться не буду, потому что я еще быстрее бегаю,—ответил парень.

Ничего нечистому не оставалось, как пойти домой да рассказать отцу, что с ним приключилось.

— Вот так парень, ни в чем его не победить! — удивился водяной.— Возьми-ка, сынок, вот эту дубину, пойди к нему еще раз и попробуй с ним на спор дубину кидать — у кого дальше улетит.

Взял сын дубину и пошел к Запечнику.

— Ты меня уже дважды победил, попробуем теперь дубину кидать, кто дальше забросит,— сказал он парню.

Выслушав его, ответил Запечник:

— Давай бросай первым, а потом уж я кину.

Взял сын водяного дубину и забросил ее саженей на тридцать, после чего сказал Запечнику:

— Пойди теперь ты подними дубину и брось ее ко мне.

Пошел Запечник к дубине, стал ее поднимать, да только ручку смог от земли оторвать. Держит он в руке конец дубины, пошевеливает им, а сам в небо смотрит.

— Что это ты на небе ищешь? — спрашивает удивленно сын водяного.

— Да вон то облако поджидаю,— сказал Запечник,— когда оно прямо надо мной встанет, заброшу я твою дубину на тучу.

— Не надо, братец, родительское имущество губить,— взмолился в страхе сын водяного и не позволил Запечнику дубину бросить, выхватил ее и убежал домой.

— На тучу хотел парень твою дубинку забросить, да я ему не позволил,— сказал отцу.

— Вот так силач на нашем берегу обосновался! — промолвил водяной.— Теперь, видно, другого средства нет, как

идти к нему да упрашивать, чтобы оставил он нас в покое — пусть берет за это все, что пожелает, лишь бы ушел.

Отцовского слова слушаясь, пошел опять сын к Запечнику на берег и говорит ему:

— Не пугай ты нас, братец, уходи отсюда, бери чего хочешь, только уходи.

— Уйду,— отвечает Запечник,— если насыплешь мне полную шапку серебра да золота.

— Ладно, насыплю,— согласился сын водяного и побежал домой за деньгами и принес парню целое решето золота.

Но Запечник тем временем тулью у своей шляпы прорезал и поставил ее на гнилой, пустой внутри пень, и, когда нечистый высыпал деньги из решета в шляпу, провалилось золото через дыру в дупло, только несколько монет на дне шляпы осталось. Ничего сын водяного не понял, принес из дому еще денег и наполнил-таки шляпу доверху.

— Ну как, довольно тебе? — спрашивает он у Запечника.

— Довольно,— отвечает тот,— теперь проводи меня домой да поднеси мне эти деньги, а за это обещаю я тебе, что в жизни своей на берег этой ламбушки не приду, ни капли воды из твоего родимого озерца не выпью.

Согласился сын водяного с Запечником идти, понес деньги к парню домой.

По пути около риги увидал он прясло и спрашивает:

— Что это за штука?

— Это бёрдо[1] моей матушки,— отвечает Тухкимо.

— Ах, бёрдо!

Прошли еще немного, поравнялись с баней. Там лежала на берегу старая прохудившаяся плоскодонка, и спросил сын водяного у парня:

— А это что?

— Это башмак моей матушки,— ответил Тухкимо.

---

[1] Бёрдо — деталь ткацкого станка.

— Велика же твоя матушка, если у нее такое бёрдо, как мы по пути видели, да этакий башмак,— сказал сын водяного своему спутнику и последовал за ним во двор.

У стены дома лежал жернов, и странным показался он сыну водяного. Удивился он и спросил:

— А это что такое?

— Это матушки моей веретенник,— ответил Запечник,— все эти вещи я тебе подарю, когда домой пойдешь.

Обрадовался сын водяного такому обещанию. Отнес он деньги в указанный Запечником амбар и стал в обратный путь собираться, желая все подарки с собой забрать. Но никак не получалось у него все разом взять, и решил Запечник ему помочь. Сначала взял парень жернов и повесил сыну водяного на шею, потом надел ему старую плоскодонку на ногу, а последний подарок, прясло, взвалил гостю на плечи и сказал:

— Вот так ты все без хлопот донесешь.

Получив подарки, заковылял с ними сын водяного к родной ламбушке, но, как только в воду вошел, в такой угодил переплет, что не знал, как и выбраться. Надетый на шею жернов тянет его на дно, куда он и путь держит, но лодка и прясло держат его на поверхности. Растерялся сын водяного, руками-ногами по воде колотит, голосит, такую волну на ламбе поднял, что услышал шум сам старый водяной и поднялся со дна сына своего спасать. Снял он с него все подарки Запечника: и жернов, и лодку, и прясло — и утащил сына домой на дно озера.

Так стал Тухкимо богатым — а много ли у него сначала добра было?

Вот и весь сказ.

О КРЕСТЬЯНИНЕ, У КОТОРОГО БЫЛА ГЛУПАЯ ЖЕНА

Жил в старину крестьянин, и обещал он одному городскому купцу корову продать. Собрался он скотину к покупателю в город вести, но жена, считавшая себя умнее мужа, заворчала на него:

— Ты только деньги в городе потратишь, лучше я сама свою корову продам.

— Ну, если хочешь, иди,— согласился муж и больше об этом не говорил.

Жена раньше в городе никогда не бывала, но решила, что сама во всем разберется и нашла-таки дом того купца, которому была корова обещана.

— Почему это хозяйка сама в город пришла? — спросил у нее купец.

— Да вот пришлось,— ответила хозяйка.— Не отпустила я мужа корову продавать, он так много в городе тратит, что никогда всех денег домой не приносит.

Торговец, который хорошо знал крестьянина и помнил, что тот никогда в поездках лишнего не тратил, решил сыграть шутку с хозяйкой, раз она себя такой умной мнит и своему мужу не верит. Велел он приготовить для гостьи вкусные и дорогие кушанья и угостил ее сладким вином. Женщине угощение очень понравилось, с большой охотой принялась она за то и за другое. Вино же ей так по вкусу пришлось, что и вовсе она меру забыла и вскоре опьянела и заснула на лавке, как мертвая.

Велел купец с нее крестьянскую одежду снять и переодеть в богатый господский наряд, а сам вышел из комнаты, оставив хозяйку спать.

Когда женщина проснулась наконец, увидела она на себе дорогие одежды и решила было, что глаза ее обманывают. Так ничего и не поняв, пошла она к купцу, спросила:

— Не знаете ли вы, кто я и откуда, что-то я себя не узнаю.

— Нет, не знаю я вас, первый раз вижу,— ответил купец.

— Никогда у меня таких красивых нарядов не было,— заговорила хозяйка.— Я из деревни пришла, привела в город корову на продажу, а теперь и не знаю, где мнѐ ее искать. Не видали ли вы моей коровы?

— Нет, не видел я вашей коровы,— ответил купец.

Заплакала хозяйка:

— Как же мне быть — та ли хоть я, что прежде, ведь и одежда на мне совсем незнакомая. Была у меня вороная лошадь, да вот не знаю, где я ее теперь найду. Не в вашей ли она конюшне?

— Там много крестьянских лошадей, всех я и не упомню,— ответил купец.

— Пойду-ка я к своей лошади,— решила хозяйка,— и если узнает она меня, значит, я та же, что и прежде,— на чужих она всегда была очень сердита.

Пошла она в конюшню, но там оказалось так много лошадей, что пришлось женщине ждать, пока все крестьяне разъедутся, чтобы свою лошадь узнать. Только потом подошла она к оставшейся лошади, но та, не узнав хозяйку в таком странном платье, встала на дыбы и едва не задавила бедную женщину. Та снова заплакала и говорит:

— Что же мне делать, если не знаю даже, тот ли я человек, кем раньше была! Но если хорошенько подумать, то есть одно средство верное, как правду узнать: у нас дома собака есть, которая на чужих всегда злится, но на меня никогда не лает. Пойду-ка я сейчас домой, и если собака на меня не залает — значит, признала хозяйкой. Но если уж и тут я до правды не доберусь, то есть же у меня дома ребятишки, которые всех чужих стесняются и сразу убегают кто на печку, кто под кровать, но меня всегда с радостью встречают. А если уж и тут я не разберусь, кто я такая, то есть же у меня хороший и добрый муж, он меня всегда на колено сажает, когда я домой прихожу, а с посторонними почти не разговаривает.

С такими мыслями отправилась хозяйка в путь, но, когда пришла она к родному дому, собаки ее чуть на куски не разорвали. Едва от них отбившись и пробравшись кое-как в избу, увидела она, как ребятишки бросились прятаться кто на печку, кто под кровать. Когда же вошел в избу хозяин, то сел он с угрюмым видом на лавку и ни слова жене своей не сказал. Та снова заплакала:

— Нет, видно, не тот я человек, которым раньше была! Святой Отец, что же меня так переменило?!

Вскоре узнал хозяин свою жену, но заговорить с ней не спешил, так как была она в господском платье. Заметив наконец ее горестное состояние, посадил муж ее к себе на колено и сказал:

— Успокойся ты, твой это дом, твои дети, и ты моя жена!

Она и верить уже не смеет, поскольку даже дети родные к ней не пошли. Но муж сказал ей:

— Как же дети тебя в таком непривычном наряде узнают? И где это ты такое платье взяла?

— Этого я не знаю,— ответила жена.— В гостях у купца уснула я, а когда проснулась, заметила на себе этот наряд, и до сих пор не знаю, кто я теперь такая!

— Перестань,— сказал хозяин,— вижу я, что моя ты жена, но вот где же наша лошадь и корова?

— Не знаю, куда они подевались, хоть ты меня убей! В доме у купца угощали меня кушаньями разными да сладкими винами. Всего со стола попробовав, уснула я крепко, а когда наконец проснулась, себя не узнала, а уж о добре своем и того меньше знаю.

— Ну и дура же ты! — сказал муж, а про себя подумал: «С такой женой толку не будет. Пойду я по белому свету скитаться, и если найду где-нибудь таких же бестолковых и глупых женщин, как моя старуха, тогда вернусь обратно. Но если мне такие дуры не повстречаются, то весь век свой буду по миру ходить».

Приняв такое решение, ушел крестьянин из дому. Через

какое-то время забрел он в один дом, и хозяйка, которая была второй раз замужем, спросила у вошедшего в избу путника:

— Кто ты и откуда родом?

— Я из Тайвассало,— ответил крестьянин.

Хозяйка, будучи слегка глуховатой, не расслышала ответа и удивилась:

— Надо же, из царства небесного![1] Не видал ли ты там моего покойного первого мужа?

— Как же, видел я его, мы с ним хорошие знакомые.

— А нет ли там, на небесах, в чем недостатка? — полюбопытствовала хозяйка.

— Случается и такое,— ответил крестьянин.

— Нельзя ли тебя попросить отнести ему от меня кое-какие подарки?

— Отчего же, отнести можно,— согласился гость.

Хозяйка, услышав такой ответ, собрала путнику столько разной еды, сколько тот унести мог, и сказала, укладывая все это в сумку:

— Послала бы я моему покойному мужу и денег, да вот возьмешься ли ты их доставить?

— Отнесу, конечно, если хотите,— сказал крестьянин.

Хозяйка отдала прохожему все деньги, что в доме были, и отправился гость дальше, пообещав отнести все это добро покойному мужу.

Прошло какое-то время, и вернулся домой хозяин. Жена сразу же ему обо всем рассказала:

— Заходил тут один человек из царства небесного. Я дала ему разных припасов с собой и все деньги, что в доме были, и он обещал отнести все это моему покойному первому мужу на небеса!

— Эх ты, глупая женщина! Кто же с того света на землю возвращается?! — сказал хозяин, тут же запряг

---

[1] Здесь игра слов: Тайвассало — название деревни, а Тайваан сали — царство небесное.

лучшего жеребца и помчался вдогонку за мошенником.

Тот, услышав сзади конский топот, бросил мешок в лес и пошел обратно, навстречу преследователю. Хозяин, повстречав прохожего, спросил у него:

— Не видал ли ты путника с мешком на плече?

— Видел, но, как только услышал он на дороге грохот повозки, сразу же вон туда в лес свернул,— сказал крестьянин и указал в сторону, противоположную той, куда он мешок свой забросил.

— Ну, пригляди тут, братец, за моей лошадью, а я за вором побегу,— сказал хозяин и побежал со всех ног в лес.

Крестьянин, оставшись один на дороге, нашел в кустах брошенный мешок и поехал на хозяйской лошади дальше.

Проплутав долго и безуспешно по лесу, вернулся хозяин на дорогу, но лошади своей на том месте не нашел и побежал пешком за угонщиком. Но вскоре утомился он и понял, что не догнать ему так лошадь. Пришлось хозяину погоню оставить и вернуться домой, хоть и стыдно ему было собственной глупости. Дома спросила его жена:

— Ну, где же твоя лошадь?

— Когда я убедился, что не обманул тебя этот прохожий человек, я ему и лошадь отдал, чтобы отвел он ее твоему покойному мужу,— серьезно и рассудительно ответил хозяин.

Жена тут же мужу на шею бросилась, обняла его и сказала:

— Вот теперь-то я тебя по-настоящему люблю, раз не забываешь ты моего первого мужа, покойного Пекку!

Тем временем сбежавший от глупой жены крестьянин ехал дальше на лошади, которую у другого глупца из-под носа увел. Подъехал он к дому и видит, что в новой избе нет ни единого окошка, из-за чего внутри тьма кромешная. Хозяйка, чтобы как-то дело поправить, сшила большой кожаный мешок и бегала с ним из дома на улицу да со двора в дом. На улице она открывала мешок и набирала

в него солнечных лучей, сколько влезало, завязывала ремешком горловину и вытряхивала потом содержимое мешка в темную избу.

— Что это хозяйка такое делает? — спросил, заходя во двор, путник.

— Да вот свет в новую избу ношу, да что-то не пойму, в чем тут дело — как выйду на улицу, наполняется мешок солнцем доверху, а когда в избу захожу — света в мешке словно и не было. А вот в старой избе, где мы раньше жили, света было вдоволь, хоть я никогда его с улицы не носила. Вот если бы нашелся умный человек да придумал, как новую избу светлой сделать, не пожалела бы для него и ста марок.

— Помогу я тебе, хозяйка,— сказал крестьянин, взял в руки топор и вырубил в стенах избы окна, отчего сразу же стало внутри светло. Обрадовалась хозяйка, бросилась прохожего благодарить и вручила ему за труды сто марок.

«Не больно-то много ума да соображения у этой женщины, такая же бестолковая дура, как и моя старуха»,— подумал про себя крестьянин. Принял он от хозяйки заработанные деньги и дальше отправился.

Увидел у дороги богатую господскую усадьбу и остановился на нее поглядеть. «Дай-ка посмотрю, неужто и здесь такие же глупые люди живут, как и в других местах»,— решил он и направился к усадьбе. Во дворе перед домом заметил крестьянин свинью, бросился перед ней на колени и стал упрашивать:

— Родная тетушка Тина, единственная наша, приходи к нам в гости!

Так и разговаривал он со свиньей, пока не вышли подивиться на сумасшедшего хозяйские служанки и спросили у него:

— Что ты за человек и почему свинью тетушкой величаешь и разговариваешь с ней, как с человеком?

Ничего на это крестьянин не ответил, и пошли служанки госпоже докладывать, потому что самого господина

дома не оказалось. Вышла госпожа на улицу, поглядела на прохожего, послушала его странные речи и спросила:

— Что ты за человек?

Крестьянин снова на вопрос не отвечает, хоть и слышит прекрасно, и все продолжает со свиньей беседовать. Рассердилась госпожа и сказала, указывая на свинью:

— Раз это твоя тетушка, вези ее к себе в гости.

Хотелось госпоже поглядеть, что он со свиньей делать станет, а крестьянин не долго думая взвалил свою тетку на повозку и, стегнув лошадь, выехал со двора. Проехав сколько-то по дороге, свернул он на старую гать и переоделся — была у него праздничная одежда с собой,— оставил на гати лошадь и вернулся на дорогу. Пошел он в задумчивости в обратную сторону и вдруг заметил ползущего по земле навозного жука. Снял крестьянин быстренько с головы шляпу и накрыл ею жука, а сам стал с палкой в руке свою шляпу сторожить.

Тем временем вернулся домой господин, и жена ему сразу же стала рассказывать:

— Заходил тут в твое отсутствие один дурачок, уверял, что наша свинья — это его тетушка, и увез ее к себе в гости.

— Эх вы, как же можно свинью отдать! — закричал господин и помчался за похитителем в погоню.

Встретил он на дороге крестьянина, который с палкой в руке стоял возле своей шляпы. Стал крестьянин господину махать издали, чтобы тот подъезжал тихонько, не спугнул бы спрятанной под шляпой добычи.

— Что ты тут сторожишь? — спросил господин, поравнявшись с крестьянином.

— Пролетала тут над дорогой золотоперая птица, так вот я ее поймал да под шляпу спрятал, а теперь сторожу, чтобы не улетела,— сказал крестьянин серьезно.

— А не проезжал ли кто мимо тебя по дороге? — спросил господин.

— Проезжал тут один бедно одетый человек, а в повозке у него свинья лежала,— ответил крестьянин.

Хоть и расслышал господин эти слова, но остался он торговать у крестьянина золотую птичку и напрочь забыл о своей свинье.

— Как же мы эту птицу из-под шляпы достанем, чтобы она у нас из рук не улетела? — спросил он у прохожего.

— Вот если бы нам сетку какую-нибудь, чтобы птицу накрыть,— ответил крестьянин,— тогда сумели бы мы ее изловить.

— Давай-ка съезди ты в мою усадьбу за сетью, а я тем временем твою добычу постерегу.

Крестьянин отправился, куда было велено, приехал в господскую усадьбу и говорит:

— О, несчастная госпожа, большая беда случилась! Разбойники схватили вашего господина и держат его у себя пленником. Увидел он меня на дороге и послал за деньгами, чтобы жизнь свою у разбойников выкупить.

— Ты, наверное, такой же обманщик, как и тот, что давеча у нас свинью увез,— ответила госпожа.

— Какой же я обманщик,— сказал крестьянин,— вы же видите, что и лошадь подо мной, и упряжь — вашего господина!

Госпожа, убедившись, что это правда, пошла в дом за деньгами, собрала все, что было, да еще у батраков, служанок и работников заняла и отдала все гонцу своего мужа. Тот, получив деньги, сразу же в путь отправился, завернул на старую гать, где лошадь и свинью оставил, запряг в повозку двух лошадей и поспешил со всем добром к себе домой.

Господин тем временем шляпу на дороге стережет, ждет посланного за сетью, но того все не видно. Стало господину скучно и холодно, не утерпел он, поднял шляпу, а под ней — обычный навозный жук, да еще и вонь в нос ударила. Поняв, что его одурачили, отправился господин домой мрачнее тучи. Стыдно ему было за свою глупость и не знал

он, что дома жене сказать. Хозяйка встретила его радостно:

— Как хорошо, что освободился ты из рук злых разбойников!

— Когда это я в руках у разбойников был? — удивился господин.

— Да как же! Ты ведь сам посылал сюда человека на своей лошади за деньгами, чтобы жизнь твою у грабителей выкупить!

— Что делать, такое уж несчастье со мной приключилось,— сказал господин и больше об этом ни слова не говорил.

А сбежавший от своей жены крестьянин, убедившись в людской глупости, приехал тем временем домой и сказал, входя в свою избу:

— С этих пор буду я жить со своей старухой, хоть и глупа она и бестолкова, но есть, видать, и другие дураки на свете, да еще и поглупее моей бабы!

Больше между хозяином и хозяйкой никаких ссор не было, и прожили они весь век вместе в мире и согласии, пока смерть обоих не прибрала.

Тут и сказке конец.

КОРОЛЬ И КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

Однажды, будучи на охоте, заглянул король в одну избушку и хотел было на лошади в дом въехать, но дверь была столь тесна и низка, что пришлось ему остаться на пороге, только голову внутрь просунув.

— Есть ли кто-нибудь дома? — спросил король.

— Полтора человека и лошадиная голова,— ответил ему парень, который был в доме один.

— А где же твой отец? — спросил король.

— Он из малого многое добывает,— ответил парень.

— А мать твоя, где она?

— Она прошлогодние хлебы печет.

— Ну а брат твой где? — снова спрашивает король.

— Он на охоте,— отвечает парень,— и ту птицу, которую поймает, бросает в лес, а ту, что не поймает,— домой несет.

— А сестра твоя где?

— Прошлогоднее веселье оплакивает.

Не хотелось королю показывать свою непонятливость и, хотя он ничего в ответах парня не разобрал, сделал вид, что весьма ими доволен, и покинул избушку. Но, приехав домой, все же не мог он забыть слов парня и решил вызвать его к себе, дабы тот слова свои разъяснил.

Пришлось парню отправиться в замок, где по этому случаю собрались все придворные мудрецы. Король, призвав к себе парня, спросил у него:

— Где твой отец был, когда из малого многое добывал?

— Он репу сеял,— ответил парень.— Если несколько ложек семян посеешь, то осенью соберешь несколько возов репы.

Король снова спрашивает:

— Ну а где же твоя мать была, когда прошлогодние хлебы пекла?

Парень ответ свой так разъяснил:

— Мы в прошлом году занимали хлеб у соседей, так вот мать и пекла, чтобы долг отдать.

— А как же брат твой охотился,— спрашивает король,— что птицу, которую поймает, в лес бросает, а которую не поймает, домой несет?

— Он голову вычесывал, и ту вошь, что ему попадалась, давил и выбрасывал, а ту, что не попадалась, приносил в волосах домой,— отвечает парень.

Король дальше спрашивает:

— Ну а сестра твоя где была, когда прошлогоднее веселье оплакивала?

— Она в прошлом году танцевала да веселилась, и вот забеременела, а теперь плачет и горюет оттого, что у нее ребенок будет,— говорит парень.

Тогда король сказал парню:

— Твои хитроумные и насмешливые ответы сильно меня рассердили, и было у меня намерение наказать тебя за них. Но если ответишь ты правильно на мой вопрос, то прощу я тебе твои дерзкие речи. Отвечай, что белее — свет или молоко?

— Конечно, свет белее молока,— ответил парень.

— А вот и не сумел ты правильно ответить. Когда солнечный луч падает на пол, а рядышком молоко разлито, то всегда молоко белее кажется,— сказал король и велел запереть парня в темнице без единого окна.

Вместо пищи давали парню только немного молока в лотке. Утром решил король парня в темнице проведать и, как только дверь открыл, ступил в темноте в лоток с молоком, который парень на круглых палочках перед порогом поставил. Поехал лоток по полу, и король со всего размаху шлепнулся в молоко. Усмехнувшись про себя неловкости короля, сказал ему парень:

— Теперь ваше величество верит, что свет белее молока? Если бы солнышко сюда светило, не наступили бы вы, всемилостивый король, в лоток с молоком.

Не понравилась королю правда из уст жалкого крестьянского сына, и прогнал он парня из замка, сказав напоследок:

— Теперь я за твои дерзкие речи такое тебе наказание назначу: приходи завтра в замок, но не днем и не ночью, не по дороге и не по обочине, не на лошади и не пешком, не голый и не одетый, и останься не внутри и не снаружи.

Выслушав королевское повеление, ушел парень из замка домой и сделал себе из козлиных шкур одеяние, чтобы и голым не быть, но и одетым не казаться. Таким образом

решил он королевскую волю выполнить. Отправился парень в замок по придорожной канаве, чтобы и по дороге не идти, и по обочине не шагать. На одну ногу он надел решето, на другую привязал щетку и на четвереньках двинулся в путь. Как только солнышко утром начало всходить, вошел парень в замок и через королевскую калитку проковылял во двор.

Проснувшись наутро, вышел король на крылечко, потянулся и заметил на земле странные следы — один след решета, другой — щетки. Подивившись такому чуду, пошел король по следам, и привели они его к дверям прихожей. Там на пороге стоял парень, одна нога его была в доме, а другая на улице.

— Ну и как же ты сюда добрался? — спросил у парня король.

— Пришел я на четвереньках по дну придорожной канавы,— ответил парень,— и как видите, добрался не пешком и не на лошади. А когда подошел к замку, то в ворота зашел, только когда солнышко стало всходить, так что условие ваше выполнено — пришел я не днем и не ночью. А поскольку было еще и такое условие, чтобы находился я не на улице и не в доме, то вот и стою здесь на пороге, одна нога по одну сторону, другая — по другую.

Так выкрутился парень, и король велел ему убираться восвояси, но завтра снова прийти. Парень на другое утро опять во дворец явился, а король нарочно своих цепных псов спустил, чтобы затравить его. Стражник у ворот замка предупредил парня, чтобы не шел он к королю:

— Не ходи ты, разорвут тебя собаки, загрызут до смерти!

Но парень, у которого был за пазухой заяц спрятан, ответил:

— Как же, раз велено, надо идти.

Зайдя во внутренний двор замка, выпустил парень зайца из-под рубашки, и все собаки, уже было на него кинувшиеся,

бросились длинноухого догонять. А заяц среди собак бегает, через маленьких перепрыгивает, у больших между ног прошмыгивает. Наконец собаки такой шум подняли, что не утерпел король и вышел посмотреть, что же там происходит. Спрашивает он у парня:

— Кого это собаки гоняют?

— Того, кто впереди бежит! — крикнул ему в ответ парень.

— А кто же впереди бежит? — спросил король.

— Да все тот же, кого собаки гоняют! — ответил, смеясь, парень и ушел к себе домой.

ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА

В старину путешествовал некий епископ по одному отдаленному приходу, проверяя дела своего церковного хозяйства. Донесли ему на одного капеллана, совершившего множество грехов, что глуп он и малосведущ в духовных науках, и это было истинной правдой. Чтобы проверить, справедливы ли обвинения, задал епископ капеллану четыре вопроса и сказал:

— Если до завтрашнего дня не ответишь, придется тебя со службы уволить.

Выслушав епископа, пошел капеллан домой, повесив голову и думая про себя, что плохо ему завтра придется.

Случилось в этот день сапожнику в его дом заглянуть. Увидел он, что хозяин невесел, и спросил у него:

— Отчего вы так печальны?

— Ох, братец,— сказал капеллан,— есть у меня причины печалиться! Задал мне епископ четыре вопроса, на которые надо до завтра ответить, а я ни одного не понимаю.

— И что же это за вопросы? — спросил сапожник.

Ответил ему капеллан со вздохом:

— Первый вопрос такой: «Как глубоко море?» Второй такой: «Как далеко до неба?» Третий: «Сколько дыма из смоляной ямы выходит?» И четвертый: «О чем епископ думает, когда эти вопросы мне задает?»

Выслушав, сказал сапожник:

— Если я на все вопросы до завтра отвечу, что мне капеллан за это заплатит?

— Заплачу, сколько пожелаешь! — ответил священник.

— Тогда дайте мне поповскую одежду,— сказал сапожник,— я пойду вместо вас к епископу и отвечу на все вопросы.

Обрадовался капеллан такому предложению, отдал сапожнику свою церковную одежду и все, что тому потребовалось. И в назначенное время отправился тот к епископу. Когда добрался сапожник до епископского дворца, вызвал его церковный начальник к себе и спросил:

— Как глубоко море?

— Глубина его равна падению камня,— ответил сапожник.— Если бросить в море камень, то рано или поздно он все равно на дно упадет.

— Правильно ответил,— сказал епископ.— Но скажи-ка теперь, как далеко до неба?

— Ровно столько, насколько хватает человеческого взгляда,— ответил сапожник не задумываясь.

— Хороший ответ,— кивнул епископ и задал третий вопрос:— Сколько поднимается дыма из смоляной ямы?

— Нужно взвесить дрова, перед тем как их в яму складывать, а потом взвесить оставшиеся угли и золу. И на сколько они положенных в яму дров легче окажутся, столько и дыма из ямы ветром унесло.

— Снова правильно,— сказал епископ и спросил напоследок:— Знаешь ли ты, о чем я думаю, когда задаю тебе эти вопросы?

— Епископ думает, что на его вопросы капеллан отвечает, но на самом деле это сапожник перед вами стоит.

— И на этот вопрос ты верно ответил,— сказал епис-

коп.— Но грех, что ты сапожник, а не священник, раз ты так умен. Жалую тебе место настоятеля в большом и богатом приходе.

Таким образом стал сапожник священником и отправился в свой новый приход. Но сильно его заботило, как он со своей новой службой справится, никогда богословию не учившись. Наконец придумал он средство, чтобы не опозориться.

Когда стала приближаться его очередь проповедовать, велел сапожник заранее своим работникам подпилить основание церковной кафедры, а когда настало воскресенье, поднялся он на кафедру, прочел несколько строк из заученных в детстве молитв и псалмов и, ничего другого не зная, сказал своей пастве следующее:

— Высокое начальство послало меня к вам настоятелем прихода, но, если уж я в этой священной должности стану исправно служить, будут происходить чудеса. Сначала упадет кафедра, потом рухнет на ваши головы церковная крыша, а потом...— и тут ударил сапожник изо всех сил кулаком по кафедре, так что рухнула она с подпиленного основания. Сам же настоятель вовремя отскочил, чтобы не ушибиться.

Так первое предсказание исполнилось. И все прихожане и другие священники прихода сказали при виде этого:

— Нельзя этого человека больше к кафедре допускать, разоримся мы, если крыша церкви обвалится. А это наверняка случится, раз сбылось первое пророчество и рухнула церковная кафедра.

Боясь, как бы и второе предсказание не исполнилось, написали служители церкви от имени всех прихожан письмо епископу: «Возможно, что назначенный нашим настоятелем человек очень даже может быть полезен церкви, но в рвении своем он так бывает горяч, что опасно ему позволять проповедовать. По его предсказанию уже одно чудо произошло, а именно — во время проповеди упала церковная кафедра, и еще более устрашающее пророчество он произ-

нес, и теперь все мы в ужасе ждем обещанного чуда».

Получив такое письмо, послал епископ новому настоятелю помощника, который стал все служебные дела исполнять, а сапожник остался на своей высокой должности безо всяких хлопот, хоть никогда на попа и не учился, да еще и умер в сане пробста.

Вот и вся сказка.

БОЛТЛИВАЯ СТАРУХА

Жил когда-то один старик со старухой. Старуха очень была болтлива, и все, что дома услышит, по всей деревне разнесет. А муж у нее был отменный рыболов и охотник.

Однажды, проверяя в лесу свои ловушки, нашел он клад и стал думать, как бы ему сокровище незаметно в дом принести, чтобы болтливая жена не раззвонила сразу же по всей округе.

Ну что ж. Старику в тот день в мережу щука попалась, а в силке глухарь запутался, так дед взял и местами их поменял — щуку в петлю сунул, а глухаря в мережу затолкал. Потом вернулся домой и сказал жене:

— Нашел я клад в лесу, завтра за деньгами пойдем.

— Да что ты говоришь, неужто сокровище нашел?! — охнула и уже было побежала по деревне рассказывать, да старик не пустил.

Лег он с женой спать и стал стеречь, чтобы никуда она из дому не выходила. Так ночь прошла, а наутро собрались старик со старухой за деньгами и пошли вместе в лес. Подошли они к берегу ламбушки, и говорит старик жене:

— Погоди маленько, пойду мережу проверю.

Достал он снасть из воды, а там глухарь! Прошли еще

сколько-то, стали птичьи петли проверять, а в силке — щука! Вынули ее из петли и пошли к сокровищу, там высыпали все деньги в мешки и понесли их домой.

Пришли они в деревню, по дворам проходят, а старухе не терпится, в каждый дом рвется новость рассказать, но не пускает ее муж.

Но все же ухитрилась баба свернуть с дороги на тропку, ведущую к ближайшему дому, да случилось в это время собакам во дворе драться — рычат, визжат как сумасшедшие, вот старик и говорит жене:

— Не ходи, женушка, не слышишь разве, как в этом доме хозяйка мужа лупит — вон как голосит несчастный!

Испугалась старуха, не пошла в дом, и старику удалось донести домой сокровище так, что никто об этом не узнал.

Ну, проспали они ночь, но, едва утро наступило, старуха дома не усидела, побежала спозаранку в деревню и заскочила в тот дом, куда вчера зайти не посмела. Стала она хозяевам рассказывать:

— Мы со стариком клад нашли, клад в лесу нашли! Мой старик его еще позавчера вечером нашел, да поздно уже было, и пришлось на ночь деньги в лесу оставить, вчера только вместе туда сходили, два мешка денег домой притащили, такие мешки огромные!

— Да где же вы этот клад нашли? — спрашивает хозяин.

— Там, там, в лесу,— объясняет старуха, захлебываясь.— Мы с Матти вдвоем по лесу шли и сначала ловушки проверили, так в мереже глухарь был, а в силок щука попала, мы их сначала взяли, а потом дальше пошли...

— Врешь,— говорит хозяин,— точно врешь, когда это в мережу глухарь попадался, а в силок щука — этому и дурак не поверит!

— Истинная правда,— спорит старуха,— нашли мы клад, нашли, два мешка денег вчера домой притащили, и по деревне как раз в то время проходили, когда жена тебя лупила...

— Кончай врать! — закричал рассерженный хозяин и дал бабке по уху.— Никогда такого не было, чтобы меня жена била! Все ты тут наврала, нет в твоих словах правды нисколечко! Иди своей дорогой, а не то!..

Пришлось старухе со всех ног домой бежать, и с тех пор она больше о стариковых делах по деревне не болтала, а стала женой работящей и в речах своих осторожной.

Вот и все об этом.

УПРЯМАЯ ЖЕНА

Взял один крестьянин себе жену, но оказалась она такой упрямой, что делала все, что муж ей запрещал, а что велел — того не делала. Однажды перед рождеством задумался муж, как бы ему уговорить жену праздничный стол накрыть, чтобы были на нем небудничные кушанья. Был крестьянин человеком добрым и мягким, ссор и ругани не любил и поэтому придумал такое хитрое средство:

— Вот и рождество скоро. Но ты, женщина, белого хлеба не пеки, нам такие траты не по карману,— сказал он своей хозяйке, надеясь, что она с ним спорить станет.

Так и вышло. Едва жена слова мужа услышала, как ответила ему бойко:

— Назло тебе напеку пшеничного хлеба!

Говорит тогда муж озабоченно:

— Ну раз уж пшеничного хлеба напечешь, то хоть пирогов не затевай.

А жена опять упрямится и на слова мужа отвечает:

— Назло тебе пирогов наделаю!

— Ну, коли будешь пироги печь,— говорит муж,— то уж вина-то не покупай!

— А вот и куплю! — отвечает жена.

А муж вроде бы и не рад, дальше наставляет:

— Раз уж решила ты вина купить, то обойдемся мы без кофе.

— Нет уж, назло тебе кофе будет! — отвечает жена.

— Ну ладно, кофе можно и сварить немножко, но уж гостей-то мы на праздник звать не будем.

— Назло тебе позову! — говорит хозяйка.

— Если ты гостей созовешь, да за стол их посадишь, то не вздумай хоть меня во главе стола сажать.

— А вот и посажу, назло посажу! — отвечает жена и перед мужем бахвалится.

— Ладно, посадишь ты меня во главе стола,— говорит муж,— но уж бутыль с вином мне в руки не давай.

— Назло дам! — огрызнулась хозяйка.

— Ну, коли так, то не давай мне хоть заранее рюмочку выпить.

— Нарочно заставлю! — отвечает по-прежнему упрямая жена.

Такой хитростью заставил крестьянин свою жену отпраздновать рождество как следует. Был на столе и хлеб пшеничный, и пироги, и кофе, да и вина на все праздники хватило. Было и гостей достаточно, но недолго длилось веселье — минуло рождество, и стала хозяйка еще упрямее и сварливее, чем прежде. Не было мужу от жены покоя ни днем, ни ночью, и решил он наконец про себя: «Надо мне избавиться от этой сумасшедшей бабы».

Когда летом пришла пора сенокоса, пошел крестьянин на луг. Через покос протекала речка, а через нее был мосток перекинут. Подрубил крестьянин мосток так, чтобы он едва человека выдерживал, и пошел домой жену звать:

— Погода стоит хорошая, пойдем-ка, жена, сено косить.

Собралась жена, и, когда подошли они к речке, перешел муж осторожно на другую сторону, так, чтобы мосток не переломился, и предупредил идущую следом жену:

— Ступай, женушка, по мостку тихонечко да осторож-

но и не раскачивайся на нем, не прыгай — очень уж непрочными и гнилыми мне бревна показались.

— А вот нарочно стану прыгать! — сказала упрямая жена и давай на мосту раскачиваться да скакать.

Не выдержал мосток, переломился, и баба упала в речку. Течение подхватило ее и понесло вниз по реке, а муж вверх по течению бросился, вроде как жену свою спасать. Увидали его другие косари, которые на лугах сено косили, и спрашивают у крестьянина:

— Что ты ищешь?

— Жену свою благоверную, единственную,— отвечает муж.— Сломался под ней гнилой мосток, и баба моя в речку упала.

— Что же ты, бестолковый, здесь ее ищешь?— говорят косари.— Раз жена твоя в реку упала, то наверняка понесло ее вниз по течению.

— Так-то оно так,— отвечает крестьянин,— но жена моя при жизни всегда упряма была, так, наверное, она и после смерти против течения поплывет.

Косари, услышав это, ничего в ответ не сказали, а про себя подумали: пожалуй, лучше будет, если вовсе жену свою не найдешь!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МЕДВЕДЯ, ВОЛКА И ЛИСА

ГОРНОСТАЙ ВЕЗЕТ МЕРТВОГО СТАРИКА

Жили старик со старухой в своем доме; повадился у них горностай припасы воровать. Решил старик горностая изловить. Наладил на крыше капкан, а перед амбаром силок поставил. Пошел через пару дней ловушки проверять, да сам и попался. Тут и помер. Горностай увидел мертвого старика в капкане, вытащил его из ловушки и повез добычу на санках в лес.

Тащит, тащит он санки, повстречалась ему белка и говорит:

— Бог в помощь, куманек! Что это ты такое тяжелое тащишь, великое волокешь?

Рассказал горностай, что случилось:

— Ты, кумушка, такого и не слыхивала!

Дед ловушку мне наладил,
Зарядил капкан на крыше,
Да силок перед амбаром,
Чтоб ловить зверей таежных,
По росе бродящих тихо,
В темноте лесной живущих,
В чаще бегающих быстро,
Шкуры ценные носящих —
Сам попался он в ловушку,
Смерть нашел в своем капкане.

Откуси кусочек да помоги тащить!

Откусила белка и стала тащить вместе с горностаем. Везут, везут они старика, повстречался на дороге заяц и спрашивает:

— Что это вы, братцы, тащите тяжелое, волокете великое?

Горностай рассказал косому все как было и помочь попросил:

— Откуси кусок да помоги тащить!

Заяц сразу согласился и стал с ними тащить. Встретился им лис, и тоже стал помогать, откусив сперва кусочек от старика. Присоединились к ним по дороге и волк с медведем, и потащили они санки дальше, и время от времени каждый по кусочку от старика откусывал. Скоро съели его звери начисто. Тащат они пустые санки, вперед волокут, проголодался уже волк и говорит:

— Что ж нам теперь, братцы, есть — от старика-то и бороды не осталось.

— Надо самого маленького съесть,— предложил медведь, и звери с ним согласились.

Ну что ж — самые маленькие белка с горностаем, им съеденными быть. Но белка на дерево взлетела, горностай под камень скользнул — не достать их.

— Кого же теперь съедим? — спрашивает волк.

— Давай косого скушаем,— отвечает медведь.

Стали зайца как самого маленького ловить. Но косой как припустил в лес — только его и видели!

Теперь лис остался меньшим, и решили волк с медведем его съесть, раз заяц убежал. Рыжий, хоть и слышал их разговор, противиться не стал, а сказал спутникам:

— Скучно в низине закусывать, веселей на высокой сопке!

Согласились медведь и волк и стали все вместе тащить сани в гору. Лис страху своего не показывает, но, когда поднялись они на вершину сопки, спрашивает у волка, между прочим:

— Кого же вы после меня есть будете?

Стал серый думать, и дошло до него, что он-то тоже меньше медведя, значит, и до него очередь дойдет, и говорит волк спутникам:

— А не договориться ли нам, братцы, между собой, да жить в мире и согласии, как добрым приятелям?

Лис таким словам обрадовался, а волка на свою сторону перетянув, уговорил и медведя. Тому хоть и хотелось лисьим мясом полакомиться, но все же пришлось согласиться с товарищами.

ЛИС И ВОЛК СООБЩА ВОЗДЕЛЫВАЮТ ПОЛЕ

Заключив мир, отправились лис, волк и медведь вместе путешествовать и остановились неподалеку от хутора Илвола, где каждый построил себе дом. Медведь отдельно поселился — не пристало ему с мелюзгой водиться, а волк с лисом решили вместе поле возделывать. Отправились они на подсеку, и каждый взял с собой горшок масла на обед. Надоело лису деревья валить, порубив немного, отлучился он по своим лисьим делам в лес, а вернувшись, сказал волку:

— Придется мне в Илволу идти — давеча в лес забегал, так меня там хозяева встретили и на крестины пригласили.

Сказав это, оставил он волка, но дальше волчьего горшка с маслом не пошел и, наевшись досыта, вернулся обратно.

— Ну, как ребенка назвали? — спрашивает волк.

— Зачинок,— отвечает лис и вроде за работу принимается, но недолго он топором махал, как опять в лес сбегал, пришел оттуда и говорит товарищу:

— Снова меня в Илволу пригласили на крестины, там теперь хозяйская дочь родила.

— Да что ты, брат Микко, все туда бегаешь,— говорит в сердцах волк.— Оставь ты эти празднества, давай лес валить!

— Нет уж, дорогой братец, нельзя мне не пойти, раз нарочно приглашали,— отвечает лис.— С соседями нужно в согласии жить, новоселу в особенности.

— Ну, иди уж тогда,— молвил волк,— но долго не задерживайся, не пойдет у нас работа на лад, если я один буду лес валить.

Пошел лис, но дальше волчьего горшка с маслом не ходил, и вернулся вскоре обратно на подсеку.

— Как ребенка назвали? — снова спрашивает волк лиса.

— Середка,— ответил Микко и взял в руки косарь, вроде как за работу принимаясь.

Еще немного вместе поработали, и опять лис, сбегав в лесок, подходит к волку с такими словами:

— Снова меня из Илволы приходили на крестины звать, там теперь невестка от беремени разрешилась.

— Да что же это за крестины бесконечные! — сказал волк сердито.— Не ходил бы ты, братец, на этот раз, нельзя же все время пировать.

— Да как же — в крестные меня зовут,— ответил лис,— нельзя не пойти!

— Ладно, сходи еще раз,— разрешил волк,— но скажи там хозяевам, что некогда тебе больше на крестины ходить, у нас ведь работа общая и спешка летняя.

Лис, как и прежде, прямиком к горшку с маслом направился, да пока все не слопал, на подсеку не вернулся.

— Ну, как теперь ребенка назвали? — спрашивает у лиса волк.

— Поскребыш,— ответил деловито Микко и стал вместе с волком сваленные деревья карзать.

Поработали немного, проголодался волк — он ведь весь день трудился. Пошли они вместе обедать, но когда горшки

достали и волк свой открыл — оказался тот вылизан начисто. Разозлился волк, стал лиса обвинять:

— Это ты, негодяй, масло мое съел!

— И не думал! — спорит лис.— Ничего я о твоих харчах не знаю, но если ты, кум, слову моему не веришь, я тебе быстро докажу, кто из нас врет. Пошли-ка на ту скалу да ляжем рядышком на солнцепеке — у того, кто масло съел, наверняка оно изо рта потечет.

Пришлось так и сделать, раз иначе не договориться. Легли они на скалу и стали ждать. Волк, который в своей невиновности не сомневался, сладко заснул на солнышке, а лис, зная свой грех, спать и не думал, а пошел потихонечку и принес из своего горшочка маслица да размазал у волка под носом. Потом разбудил он серого и кричит:

— Вставай, Пекка, посмотри, как из твоей пасти жир на скалу капает!

Встрепенулся волк, заметив на скале жирное пятно, спорить больше не стал, лишь сказал лису:

— И впрямь ты, Микко, невиновен, во мне, как видно, причина.

Договорились они ссору забыть, волк вину на себя взял, и снова взялись товарищи за работу.

Лес был уже повален, оставалось жечь, работу такую надо скопом делать, но лис не больно-то на работе горел, полеживал себе в кустах.

— Иди жечь! — кричит ему волк.— Что ты валяешься, лентяй?

— Жги, жги, куманек,— отвечает лис,— а я тут за сухой травой послежу, чтобы пал в лес не пошел.

Решив, что лис и впрямь делом занят — лес от пала бережет,— волк всю работу сам сделал. Вот уже и готова пожога, можно сеять. Лис и на это дело не позарился, предоставил волку одному сеять. А сам Микко на краю пожоги в травке устроился. Взяла волка досада на кума, говорит он бездельнику:

— Вставай, иди сеять, работа у нас общая, почему ты ничего не делаешь?

— Не могу я, Пекка, отсюда отлучиться,— отвечает лис,— я тут в лесу для птиц границу намечаю, чтобы не летали наше зерно клевать.

— Ну ладно, я думал, что ты без дела болтаешься, а ты о нашей общей пользе печешься — птицам границу метишь,— сказал волк и засеял один все поле.

ВОЛК И ЛИС ОТПРАВЛЯЮТСЯ НА ОХОТУ

Удался сотоварищам посев, и вскоре уже всходы появились на поле. Любуется волк, работу свою нахваливает, но лис не больно-то радуется, говорит, глядя на пожогу:

— Раньше журавль околеет, чем болото растает. В другом месте нам надо пропитание искать, если хотим до осени дожить.

— Что ж, пойдем охотиться,— предложил волк, и, едва лис с ним согласился, отправились они каждый своей дорогой пищу добывать.

Шныряя по лесу, увидал лис в одном месте березу, на которой было сорочье гнездо с птенцами. Пристроился лис под деревом и стал его со всех сторон разглядывать да примериваться.

— Что, Микко, высматриваешь? — спрашивает с верхушки сорока.

— Да вот хорошее дерево на лыжи,— отвечает лис.

Испугалась сорока, взмолилась:

— Не вали, братец, этого дерева, у меня гнездо здесь, и детки в гнезде!

— Если одного птенчика отдашь,— говорит лис,— не свалю я твоего дерева, пойду другую березу на лыжи искать.

Согласилась перепуганная сорока и сбросила из гнезда одного птенчика лису, а тот, подхватив добычу, убежал восвояси. Обрадовалась сорока, думая, что поступила умно, остальных птенцов от лиса спасла. Но на другой день лис снова пришел и под деревом сел.

— Что это ты здесь опять сидишь? — спрашивает сорока.

— Березу твою на лыжи присмотрел,— отвечает лис.

— Не вали, братец, этого дерева,— молит сорока,— мы же с тобой вчера договорились, что не будешь ты нас трогать, в другом месте поищешь.

— Да вроде было у нас такое соглашение,— говорит лис,— но дело в том, что другого подходящего дерева я нигде не нашел, хотя весь лес обрыскал. Придется мне все же твою березу свалить, если не дашь мне еще одного птенца.

Что тут делать? Пришлось бедной сороке и второго птенчика лису отдать, а тот довольнехонький восвояси побежал. Сидит сорока на своем гнезде, печалится, тут прилетает к ней ворона в гости и спрашивает, оглядывая гнездо:

— Куда это у тебя, соседка, два птенца подевалось?

— Я их лису отдала,— отвечает сорока.— Микко, видишь ли, два дня подряд приходил мою березу на лыжи присматривать, так пришлось ему двух птенцов отдать, чтобы все гнездо не разорил.

— Глупая ты, зря лису птенцов отдала — у него же ни топора, ни ножа нету, чем дерево свалить. Так и скажи, если еще придет,— толкует ворона.

Сорока совет соседки выслушала и решила в другой раз умнее быть, если лис опять придет ее обманывать.

Приходит на следующий день лис под дерево и начинает к нему присматриваться, чтобы еще одного птенца у сороки выманить. Но сорока с прошлого раза поумнела, лиса не боится и говорит ему насмешливо:

— Проваливай, облезлый лис, откуда пришел! Нет у тебя ни топора, ни ножа, чтобы дерево мое свалить.

— Кто это тебя надоумил? — спрашивает лис удивленно.

— Ворона в гости прилетела, она меня и научила,— отвечает сорока, посмеиваясь.

«Ах ворона тебя научила! — говорит про себя лис.— Ладно. Умной она себя считает, но дай время, я и ее обману».

Сказав так, побежал лис от сорочьего гнезда и на открытой поляне растянулся, словно мертвый, да еще язык для верности высунул. Немного прошло времени, как заметила ворона, пролетая над поляной, мертвого лиса. Опустилась она на травку и стала уже на лисий язык клювом нацеливаться, но тут лис, только того и ждавший, вскочил на ноги и схватил когтями ворону.

— Теперь тебе, ворона, никакая мудрость не поможет. Из моих когтей тебе только одна дорога — ко мне в брюхо,— сказал лис.

— Что ж ты, братец, меня так просто есть будешь, ты казни по-настоящему,— взмолилась ворона.— Брось меня с обрыва, у меня и крылья об коряги пообо́рвутся, и ноги об камни поломаются, и все увидят, как ты меня наказал!

Лис так и сделал, сбросил ворону с обрыва, но та, вместо того чтобы по земле катиться, возьми да и взлети, да еще и крикнула напоследок лису:

— Хватило у тебя, Микко, хитрости меня поймать, да не хватило ума съесть!

КАК ЛИС ПОКОЙНИЦУ ОПЛАКИВАЛ

Огорченный тем, что обманула его ворона, бредет лис по лесу один, размышляя, где бы ему теперь пропитание добыть.

А у медведя тем временем жена померла, и пришлось косолапому отправиться за плакальщицей. Шел он, шел лесом, встретился ему волк и спрашивает:

— Куда идешь, куманек?

— Плакальщицу ищу.

— Ну, возьми, кум, меня в плакальщицы! — говорит волк.

— А ты умеешь? — спрашивает медведь.

— Умею, кум, умею,— отвечает волк, но медведю захотелось сначала голос послушать, и говорит он волку:

— Ну, поплачь для пробы, погляжу я, как ты умеешь.

Начинает волк подвывать:

— Ху-хууу, уху-уу!

Не понравился медведю такой плач.

— Не умеешь ты, Пекка, причитать, иди своей дорогой,— говорит он волку и мимо проходит.

Через какое-то время встречает зайца, рассказывает ему о своем деле. Стал заяц в плакальщики проситься, голосом своим хвастаться.

— Ну-ка, поплачь для пробы, послушаю твой голос,— говорит медведь.

Стал заяц плакать:

— Пу-пу-пу-пух!

Не понравился медведю и заячий голос.

— Не годишься ты для такого дела,— говорит он зайцу,— нет у тебя сноровки.

Идет медведь дальше, а навстречу лис бежит, спрашивает, как и другие:

— Куда идешь, куманек?

— Плакальщицу ищу,— отвечает медведь.

— Я могу плакальщиком пойти,— говорит на это лис.

— Да умеешь ли ты, Микко, плакать? — сомневается медведь.

— Умею,— уверяет его лис и начинает для примера причитать:

Лю-лю-люу! Беда большая —
Умерла жена у мужа,
Что ткала полотна ловко
И крутила веретенце,
Пироги пекла с вареньем,
Сочни стряпала большие.
Зачерствели вмиг лепешки
И горшки упали с печки...

— Ладно, хватит, вижу я, что умеешь ты худо-бедно причитать,— сказал, послушав лиса, медведь и нанял его по жене-покойнице плакать.

Пошли они вместе к медведю в дом, завел хозяин гостя в избу, где лежала на доске медведица, и велел лису у покойницы на шее причитать.

Не нравится это лису.

— Не пойдет в избе оплакивание, очень жарко здесь,— говорит он медведю,— отнеси, куманек, покойницу в клеть, там лучше плакать.

Медведь плакальщика уважил, перенес жену в клеть, а сам в избе остался, лису кашу варить. Помешивая ложкой в котле, прислушивается медведь время от времени, слышен ли плач из клети. Но нет — тихо совсем. Удивился медведь и выскочил с ложкой на порог:

— Почему не плачешь, Микко? Почему твоего голоса не слышно?

Лис, который за обе щеки покойницу уплетал, запричитал в ответ:

- Я уже отгрыз ей ноги,
Обглодал прилежно кости.
Если мой живот не лопнет,
Я наемся на неделю!

Как услыхал медведь такие слова, бросился он с половником за лисом, но, едва он дверь в клеть открыл, лис тут же между ног у него проскользнул — и наутек. Впопыхах медведь только и успел, что по кончику хвоста обманщику половником шлепнуть, и с той поры у лиса кончик хвоста белый.

ЛИС НАХОДИТ СЕБЕ СЛУГУ

Убежав от медведя в лес, встретил лис одинокого кота и заговорил с ним:

— Что, браток, один по лесу бродишь?

— Да служил я в одной избушке,— отвечает кот,— обеднели сильно хозяева, не стали меня больше кормить, потому что не мог я уже по старости мышей ловить. От голода принялись они свою скотину резать, в конце концов, наверное, и меня бы убили, потому что вчера дети спросили у родителей, что им есть дадут, раз хлеба нет, а отец ответил, что всех самцов зарежут. Вот и сбежал я от них в лес, чтобы и меня не съели.

— Иди ко мне в услужение, буду тебя кормить-поить,— предложил лис.

Кот не знал, как себя иначе прокормить, и ответил лису:

— Я бы с удовольствием к тебе служить пошел, но боюсь, что тут в лесу попаду какому-нибудь другому зверю на обед — уже ловкость не та, что в молодости.

— Об этом не беспокойся,— говорит лис,— я тебя в обиду не дам, от врагов оберегу.

Кот, услышав такие храбрые речи, согласился, и отправились они дальше вместе. По пути стал лис нового слугу расспрашивать, говорит ему:

— Как бы ты от врага спасался, если бы один, без меня, в лесу был?

— Есть у меня способ,— отвечает кот,— я на дерево залезу.

— Ах вот оно что! — молвит лис.— А я бы на одну уловку не понадеялся, у меня и сотня хитростей найдется, не боюсь даже самого медведя!

Не успел лис своих слов договорить, как спускается с горочки навстречу сам косолапый, который нарочно за лисом погнался, когда тот его обманул, плакальщиком прикинувшись. Кот, едва медведя завидел, сразу на дерево

взметнулся, а лис увернуться не успел и попал медведю в зубы. Решил кот, что плохо его хозяину пришлось, и говорит с вершины дерева:

— Со ста уловками попался, а я с одной спасся!

Но лис таки не струсил, придумал и тут хитрость. Стал он с медведем разговаривать:

— Куманек, что же ты меня так неласково кусаешь, я ведь всегда к тебе с почтением и уважением относился.

— С почтением?! — возмутился медведь, трепля лиса за шиворот, но при этом челюсти его разжались, и вырвался Микко из пасти косолапого да, не раздумывая долго, прямиком в лес со всех ног кинулся.

Дождавшись, пока медведь с того места уберется, вернулся лис к коту и отправился с ним домой.

МЕДВЕДЬ И ВОЛК ХОТЯТ ПОСМОТРЕТЬ НА УДИВИТЕЛЬНОГО СЛУГУ ЛИСА

Поручив коту все хозяйственные заботы, что слуге и положено, пошел лис по обычным своим делам и повстречал по пути знакомого волка. Поздоровался он с серым и спрашивает:

— Как поживаешь, кум Пекка?

— Одним днем, кум,— отвечает волк,— уже совсем было пришлось зубы на полку положить, да посчастливилось наконец хорошего быка свалить.

Услыхав такие новости, увязался лис за волком, в надежде его добычей поживиться, и стал его заговаривать:

— Не поверишь, кум, какого я зверя давеча нашел, не больно велик, но так силен и ловок, что и тебя бы съел, если бы ты ему на дороге встретился.

— Ишь ты, ну надо бы мне на него взглянуть, что за зверь такой объявился,— говорит лису волк.

— Поглядеть-то ты на него можешь,— остерегает приятеля Микко,— но слишком близко не подходи, не то съест и не поморщится.

Отправился волк зверя невиданного посмотреть, крадучись приближается к лисьему дому. Подполз к норе и стал в нее морду свою пихать, кота выглядывать, а тот, завидев волчью пасть, сослепу за мышь ее принял и вцепился когтями серому в нос. Волк от боли и страха решил, что там чудище какое-то сидит, и удрал в лес со всех ног. Вернулся он к лису и стал рассказывать:

— Ходил я к твоему дому, кум, да так и не увидел того зверя — только я голову в нору сунул, он меня так за нос тяпнул, что до сих пор в ушах звенит!

— Не зря же я тебя предупреждал! Видно, ты по глупости слишком близко к нему сунулся,— отвечает лис.— Благодари свои ноги, что не догнал он тебя да в живых оставил.

Пошли волк с лисом вместе по лесу, и пристал к ним медведь, который тоже по своим делам бродил. Лис, опасаясь расплаты за свои прежние проделки, хотел было удрать подобру-поздорову, но, услышав разговор волка с медведем, осмелел и остался.

— Не поверишь,— говорит волк медведю,— какого зверя лис к себе в дом привел. Невелик он ростом, но съел бы и тебя, если б ты ему в лапы попался. Пошел я нарочно на него посмотреть, но не успел и разглядеть-то его толком, как бросился он на меня, чуть глаза не выел — такой был сердитый.

Послушав рассказ волка, захотел и медведь на это чудище посмотреть. Забыв старые обиды, заговорил он с лисом:

— Не отведешь ли, Микко, меня на твоего гостя взглянуть?

— Нет у меня времени сейчас с тобой ходить,— отвечает лис,— у меня дела в лесу, но ты иди один, куманек,

нору мою найдешь, а там и зверя увидишь. Берегись все же, слишком близко не подходи к нему, не то можешь в его когтях жизни лишиться.

Следуя совету лиса, подкрался медведь к норе потихоньку, голову внутрь сунул и стал высматривать. Кот, медвежью морду за мышь приняв, когтями в нее вцепился. Испугался медведь и удрал с того места, прибежал к товарищам и говорит:

— Ну и зверюга там у лиса в доме, едва я к норе приблизился — он как выскочит на меня с копьем на плече!

Медведь, видно, кошачий хвост за копье со страху принял.

Выслушав, что с медведем у лисьей норы приключилось, говорит ему волк:

— Надо бы нам получше разглядеть этого зверя, что у лиса живет. Как бы это устроить?

— Можете вы его и поближе посмотреть, если хотите,— говорит лис.— Устройте пир и пригласите его — я думаю, он придет.

Это предложение всем понравилось, и волк решил убитого быка на угощение пожертвовать, только бы посмотреть на лисьего жильца. Лис пошел звать кота на пир, сказав напоследок волку с медведем:

— Я когда с гостем вернусь и за еду с ним возьмусь, вы куда-нибудь спрячьтесь и глядите на него со стороны, чтобы он вас не заметил, не то худо вам будет!

По совету лиса остались медведь и волк около туши и спрятались от страшного зверя, которого лис обещал привести. Медведь залез на елку, а волк забился под корни вывороченной ветром сосны. Прошло немного времени, пришли лис с котом к туше и стали лакомиться. Волк ничего не видел, потому что, спрятавшись, не сообразил он лицом к туше повернуться. Лис заметил это и царапнул слегка кота лапой, тот, разгрызая зубами мясо, сердито за-

ворчал. Волк, услышав такой странный голос, захотел самого зверя увидеть, но, когда стал поворачиваться, зашуршал в корнях хвостом, а кот, приняв кончик хвоста за мышь, прыгнул за ним, оставив трапезу. Испугался волк, выбежал из-под коряги. Кот тоже волка испугался и бросился на ту елку, где медведь спрятался. Тот, подумав, что кот его съесть хочет, спрыгнул с елки и, грохнувшись оземь, сломал себе три ребра. Но хоть и покалечился медведь здорово, не посмел он в этом страшном месте оставаться и удрал подальше в лес, а бычья туша досталась лису с котом.

ВОЛК В ГОСТЯХ У СОБАКИ

Удрав от бычьей туши, стал волк опять пищу себе искать и отправился по лесу рыскать. Но, не встретив ничего подходящего, подошел он к самому хутору Илвола в надежде утащить свинью или хотя бы курицу. Но не видно ни свиньи, ни курицы, только одна старая собака около навозной кучи лежит. Схватил волк собаку — та и проснуться толком не успела — и потащил ее в лес. Собака стала волка молить:

— Не уноси меня, братец, мы же с тобой родственники, да и поживиться во мне нечем — одни только кости, тощий я да немощный. Я тебе выкуп уплачу! Если отпустишь меня, дам я тебе бутыль вина.

— Как же я эту бутыль получу? — спрашивает волк.

— Приходи вечером, как стемнеет, к дому, я тебя в избу впущу,— отвечает собака.

Согласился волк и прибежал с наступлением ночи к дому, подал тихонько голос под дверью, чтобы собака его впустила. Поняла собака, что это должник за обещанной бутылью пришел, открыла тайком от хозяев дверь. Заходит

волк следом за собакой в избу и начинает долг требовать:

— Приготовила ли ты мне бутылку?

— Погоди чуток,— отвечает собака,— видела я, как хозяин бутыль под лавку за чурбан спрятал, сейчас оттуда стащу!

Достала собака хозяйскую бутыль из-под лавки и принесла волку.

— Выпей ты первой, как хозяйка,— сказал волк.

Собака не стала волку перечить, выпила первой и подала бутыль гостю. Потом волк выпил, повеселел и стал с собакой дружески разговаривать. Ну что ж, ладно. Лежат они около бутылки, на полу вытянулись, возятся потихоньку и урчат довольно, и тут спрашивает волк у собаки:

— Не спеть ли мне, кума?

— Не пой, Пекка,— отвечает собака, боясь, что хозяева проснутся.

Волк, второй раз к бутыли приложившись, еще сильнее петь захотел и опять у своей собутыльницы спрашивает:

— Не спеть ли мне, кума?

— Не пой, Пекка, не пой! — просит собака.— Проснутся хозяева, узнают твой голос, несдобровать тогда нам.

Волк собаки послушался и решил, что лучше помолчать, а собака, чтобы угодить гостю, налила ему в третий раз. Волк, который на вино падок был, выпил с удовольствием, но после третьей порции уже совсем захмелел и больше не хотел осторожничать.

— Нет, черт побери, не могу я без песен,— проворчал он и не стал больше приятельницу слушать.— Спою я, кума, спою, и не отговаривай! — и стал выть во все свое волчье горло:— Уху-у-у! У-у-у-ух!

Проснулись хозяева.

— Кто волка в дом впустил?

Схватились кто за мутовку, кто за кочергу, кто за поварешку — и давай волка мять да колотить. Чуть живой вырвался волк, выскочил в поле, чтобы до смерти не забили.

ВОЛК БОИТСЯ БЫТЬ СЪЕДЕННЫМ КОЗОЙ И БАРАНОМ

Убежав от погони в лес, стал несчастный волк по лесу рыскать, о судьбе своей горькой думать. Немного прошло времени, как снова серый в передрягу попал.

На хуторе Илвола была маленькая бедняцкая избушка, и были у хозяев коза да баран, но нечем было кормить скотину. Говорит тогда муж жене:

— Может, зарезать скотину, кормить их нечем, все равно с голоду подохнут?

— Да что с них взять-то, вон какие тощие! — отвечает жена.— Давай-ка их лучше вовсе отпустим, может, найдут себе пропитание.

Так и сделали. Отпустили их, и стали коза с бараном на воле пастись, перебиваясь листвой да травкой. Вроде бы и не голодно им, да зверей лесных страшно.

— Вдруг волки придут да медведи по нашу душу,— говорит коза,— надо бы какое-нибудь средство придумать, чтобы они нас не съели.

— Это конечно,— отвечает баран,— но как же мы такое верное средство придумаем?

— Знаю я одну хитрость, ты мне только раздобудь какой-нибудь мешок,— говорит коза.

Пошел баран искать то, что товарищ просил, и наткнулся по дороге на старый мешок, с чьей-то телеги упавший. Отнес баран мешок козе и попросил ее рассказать о своей хитрости.

— Ну слушай,— говорит коза,— этот мешок теперь надо ветками и палками набить. Придет волк, напугаем мы его так, что он от страху обратно в лес удерет.

Вскоре повстречался им в лесу волк. Коза быстро каких-то деревяшек в мешок набросала, на спину взвалила и пошла волку навстречу. Тот, увидев козу с мешком на спине, спрашивает:

— Что это ты в мешке несешь?

— Там у меня волчьи ноги да головы впрок заготовлены. Уже месяц мы по лесу бродим, и не попадается нам другой добычи, кроме волков. Их лапами да головами до сих пор и питались, а теперь уже голод брюхо сводит. Хорошо, что хоть ты, Пекка, повстречался! Эй, баран! — крикнула коза.— Иди волка убивать!

Последние слова коза таким грозным голосом выкрикнула, что волк до смерти испугался и стал слезно просить:

— Не убивайте, братцы! Отпустите меня, я вам двенадцать других волков на съедение приведу!

— Если правду ты говоришь, то отпустим,— отвечает коза.

— Отпустите, братцы, честное слово, не обману! — молит волк жалобно.

— Ладно, убирайся, да помни про обещание! — сказала наконец коза и отпустила волка в лес.

Волк прямиком к своим товарищам подался и говорит им:

— Удирайте, братцы, коза с бараном съесть нас хотят!

Удивились другие волки:

— Как же они нас съесть могут, когда нас тринадцать, а их только двое! Пойдем драться, уж мы с ними справимся!

Отправились волки козу и барана искать, чтобы с ними силой померяться. Поняла это коза и говорит барану:

— Ну, теперь нас убивать идут, надо куда-то спрятаться.

Нашла коза поблизости склоненную ель и стала на нее забираться. Добравшись до вершины, позвала коза барана. А волки уже близко были. Баран попытался на елку залезть, да с грехом пополам взобрался всего на сажень и остался там, дрожа от страха.

Волки тем временем уже до самой ели добежали, сели внизу, задрав вверх морды. А коза только того и дожидалась и, как увидела всех волков в сборе, крикнула барану:

— Хватай! Все уже под елкой собрались! — и стала с ели слезать.

Баран еще больше струсил и свалился с дерева в самую середину волчьей стаи. Волки тоже перепугались — бросились врассыпную.

Так избавились коза с бараном от напасти и жили с того дня в покое.

ВОЛК И ЛИС УБИРАЮТ УРОЖАЙ И БЕРУТ МЕДВЕДЯ В ДОЛЮ

Удрав от козы с бараном, оставил волк своих товарищей и, тяжело вздыхая, поплелся домой. Там его уже лис Микко поджидал, стали они с волком урожай убирать, так как ячмень как раз к тому времени поспел. Сжали, в снопы связали, ригу набили и, поскольку ячмень сухой был, сразу решили молотить и позвали медведя в помощь. Заходят они втроем в ригу, медведь и спрашивает у товарищей:

— Ну и как же мы, кумовья, эту работу поделим?

Лис, которому не больно-то молотить хотелось, забрался на колосники и говорит оттуда:

— Из вас один силен, а другой ловок, вы и молотите, зерно вейте, а я, никудышный, буду колосники поддерживать, чтобы они вам на головы не падали.

Медведь, не долго думая, молотить принялся. Волк стал зерно веять, отчего глаза у него до сих пор слезятся, как у заправского веяльщика. Пока другие работали, лис себе посиживал на колосниках, песенки напевал да время от времени колосник на товарищей ронял.

— Убьешь еще! — кричит ему волк.— Ты нарочно нам на головы жерди бросаешь!

— Что ты, кум, разве я нарочно! — отвечает лис.— Тяжелы очень колосники, сил нет держать, вот и падают.

Помирились на том товарищи и работу до конца довели. Помолотили, провеяли, стали ячмень делить, чтобы каждому своя доля досталась. Говорит волк лису:

— Чем, Микко, мерять будем — каппами[1] или как?

— Большому большую кучу, среднему среднюю, а самому маленькому — меньшую. Такая дележка самая честная и справедливая,— отвечает лис.

Волк и медведь обрадовались, согласились, и досталась медведю солома, волку — мякина, а лису — зерно. Отправились они вместе на мельницу, стали каждый свою долю молотить. Услышали медведь с волком, что их жернова подругому стучат, чем у лиса, удивились и спрашивают у Микко:

— Почему твой жернов стучит «юрр-ярр», а наши «пшш-пшш»?

— А вы песка в жернова насыпьте, как я,— отвечает лис,— и ваши тоже застучат.

Послушались медведь с волком лисьего совета, насыпали песку в жернова и снова стали молоть. Застучали у них жернова «юрр-ярр», да еще сильнее, чем у лиса. Смололи товарищи весь урожай, и все вместе домой отправились, а там каждый свою муку в амбар спрятал.

МЕДВЕДЬ, ВОЛК И ЛИС ВАРЯТ КАШУ

Вернувшись с мельницы, стал каждый из своей муки кашу варить, но у медведя и волка получилась каша не такой вкусной, как им хотелось; вышла она черной, горькой. Опечалившись, пошел медведь к лису за советом, как надо кашу варить, чтобы вкусная получилась. Явился медведь в лисий дом, где хозяин как раз на ужин себе каши наварил. Поглядел медведь на его кашу и спрашивает:

---

[1] К а п п а — мера, около пяти литров.

— Почему это, кум, твоя каша такая белая, а моя черная и горькая?

— Черным и мое варево сначала было,— отвечает лис,— но я муку в реке помыл, и от этого стала моя каша такой красивой и вкусной.

Услышав это, решил медведь и свою муку в реке промыть. Отправился к берегу, но, как только муку в воду высыпал, унесла всю ее река.

У волка тоже не удалась каша. Решил он, что варил неправильно, и к лису за советом пошел. А у того как раз котел с кашей на огне кипел. Увидев это, попросил волк позволения свою кашу тут же сварить, чтобы у лиса поварскому искусству обучиться. Лис разрешил, и стали они вместе варить, в разных котлах, но на одном огне. У лиса каша скорее сварилась, он ведь раньше волка ее на огонь поставил. Волк посмотрел в его котел и говорит:

— Почему, кум, твоя каша белая, а моя черная?

— А я когда огонь под котлом развел да дал ему разгореться хорошенько, забрался сам на крюк и жира своего с хвоста в котел накапал — вот и удалась каша,— отвечает лис.— Ты тоже так сделай, будет и твоя не хуже.

Волк последовал совету лиса, залез на крюк над очагом, но, когда огонь из-под котла ему спину лизнул, не выдержал волк, упал с крюка прямо в очаг. С той поры пахнет от волка паленым, поскольку он шерсть свою в огне спалил, а при падении так себе бока ушиб, что и по сей день еле-еле поворачивается. Выбрался наконец волк из очага, кашу свою попробовал, но не лучше она ему показалась, чем была. Подошел он к лису и говорит:

— Дай-ка мне, Микко, твоей каши.

Лис, просьбу волка услышав, незаметно для серого зачерпнул ложку каши из его же котла и положил в свой:

— Попробуй, кум Пекка, с этого краю, тут вкусней всего!

Волк так и сделал и своей каши попробовал. Невкусной

она ему показалась, решил он, что не в каше дело, а в нем самом. Поморщился волк и сказал:

— Вкус один у нашей мямми[1],
Толокно твое не лучше,
В едоках, видать, отличье,
И не в каше тут причина.

Не лезет мне эта пища в горло!

ЛИС НАНИМАЕТСЯ В НЯНЬКИ К ВОЛКУ

Живут-поживают медведь, волк и лис, как и прежде, каждый в своем доме. Разродилась у волка жена тремя волчатами, а сама умерла в родах. Волк, оставшись вдовцом, не знал, как детей своих вырастить, выкормить, и отправился он няньку искать своим волчатам. Идет, бредет лесами и болотами. Встречает куропатку. Говорит ей волк:

— Пойдешь ли ко мне в няньки?

— Отчего же не пойти,— отвечает птица.

— Вот и хорошо,— соглашается волк.— Но умеешь ли ты детей убаюкивать?

— Конечно, умею! — хвастается куропатка и давай для волка петь:— Коп-коп-коп!

Не понравилась волку песня куропатки:

— Дурной у тебя голос, не уснут от него дети.

Побродив еще по лесу, встретил волк зайца. Тот спрашивает у серого:

— Куда это ты, Пекка, идешь?

— Няньку ищу,— отвечает волк.

---

[1] Мямми — каша из солодовой ржаной муки, карельское и финское национальное блюдо.

— А меня возьмешь? — предлагает заяц.

— Да умеешь ли ты детей баюкать? — спрашивает волк.

— Конечно, умею, да и хорошо мне, калеке, будет у колыбели сидеть.

— Кто же тебя искалечил? — волк спрашивает.

— Да Ёукахайнен[1] проклял за то, что овсяное поле его я потравил около сопки Куйтури,— отвечает заяц.— Если бы он, такой-сякой, жив был, я бы ему в отместку ноги переломал.

— Ну раз ты в няньки просишься, то спой-ка мне для пробы колыбельную,— просит волк.

Начал тут заяц петь-тараторить, чтобы волку угодить, но не приглянулась серому его песня.

— Ну и шум ты поднял,— поморщился Пекка и пошел дальше няньку искать. Вскоре повстречал в лесу Микко и заговорил с ним:

— Здравствуй, кум. Не пойдешь ли ко мне в няньки? У меня жена померла, троих волчат мне оставила. Умеешь ли ты колыбельные петь?

— Как не уметь! — отвечает лис и начинает петь:

Хороши сынки у волка,
Девочки еще пригожей.
Микко-плут накормит деток
И в кроватку спать уложит.

Понравилось волку пение лиса, отвел он его к своим деткам, а сам отправился волчатам пропитание добывать. Вскоре увидел он на пастбище лошадь, свалил ее, отгрыз заднюю ногу и отнес лису, наказав детей сытно накормить да присматривать за ними хорошенько. Волк опять по своим делам в лес убежал, а Микко тем временем лошадиную ногу съел, да показалось ему мало, он еще одного волчонка в придачу проглотил. К концу дня приходит волк домой из лесу и спрашивает с порога у няньки:

---

[1] Ёукахайнен — герой эпоса «Калевала».

— Хорошо ли дети накормлены?

— Не беспокойся,— отвечает лис,— Микко-плут их накормил, спать уложил!

Решив, что попали волчата в хорошие руки, волк опять на сутки в лес отправился. Тем временем лис и второго волчонка съел, и, когда пришел волк детей своих проведать, отвечает ему Микко, как и прежде:

— Уже их, куманек, Микко-плут накормил, напоил да и спать уложил!

Волк и на этот раз больше расспрашивать не стал, думая, что хорошая нянька ему попалась, но, когда на третий день он домой вернулся, захотелось ему на деток взглянуть, и полез волк в свое логово. Лис, который тем временем уже и третьего волчонка слопал, побоялся волка впустить и говорит ему:

— Волчата твои, куманек, уже так выросли, что все мы здесь не поместимся. Выпусти сначала меня отсюда, если хочешь сам зайти.

Глупый волк выпустил лиса из норы, но когда сам туда забрался, увидел он, что от его деток остались одни только косточки. Почернело у волка на сердце; выбравшись наружу, погнался он за лисом, чтобы отомстить ему за его злодейство. Догнал было прохвоста, но тот успел под камень спрятаться, только одна лапка наружу торчала. Вцепился волк в лисью лапу зубами и давай лиса из-под камня тащить. Плохо бы пришлось Микко, если бы хитрость его не спасла.

— Что ты, глупый, делаешь! — крикнул он волку.— Ты же камни грызешь, корни дерева кусаешь! Вот они мои лапы, а не у тебя в пасти!

Поверил волк лису, что и вправду он корни грызет, разжал зубы и не сумел больше лиса ухватить — успел Микко поглубже под камень забиться. Понял волк, что не достать ему злодея, ушел, чуть не плача от обиды, домой.

ЛИС ЗАСТАВЛЯЕТ МЕДВЕДЯ ВЫПУСТИТЬ ИЗ ПАСТИ ТЕТЕРЕВА

Выпутавшись из последней переделки, направился лис к дому, радуясь тому, что сумел волка провести, и встретил по пути медведя. Косолапый только что поймал тетерева и держал осторожно птицу в зубах, показывая ее лису: вот, мол, и я не лыком шит — живого тетерева поймать ухитрился!

Увидал лис птицу у медведя в пасти и думает: «Как бы мне выманить тетерева, больно уж расхвастался косолапый своей добычей».

— Не знаешь ли, кум, откуда нынче ветер дует? — спрашивает.

Медведь рот не раскрывает, чтобы добычу не выпустить, на небо да на деревья глядит и шипит сквозь зубы:

— Шо-шо-ка, шо-шо-ка!

А лис вроде как не понимает:

— Откуда нынче ветер дует? Скажи, куманек!

Медведь опять тем же манером отвечает, но, когда лис в третий раз спросил, рассердился косолапый и выдохнул:

— С востока!

Но как только он рот раскрыл, улетел тетерев.

Досадуя на лиса, сказал медведь:

— Ах ты негодный, что же ты наделал, тетерева моего упустил!

— Да ты же сам его отпустил! — отвечает Микко.— Если бы я на твоем месте был да у меня кто-нибудь про ветер спросил, я бы ему, зубов не разжимая, ответил: «Шьюга», но ты так ответить не сумел, вот без добычи и остался!

МЕДВЕДЬ С КРЕСТЬЯНИНОМ ВМЕСТЕ ВОЗДЕЛЫВАЮТ ПОЛЕ

Бредет медведь по лесу злой и голодный и вдруг видит крестьянина, распахивающего пожогу. Спрашивает у него косолапый:

— Что ты делаешь, человек?

— Пашу землю, а потом в нее семена посею, чтобы принесла мне земля хлеб,— отвечает крестьянин.

— Возьми меня в помощники,— просится медведь,— я твое поле вспашу, пробороню, если дашь мне половину хлеба, когда он поспеет.

— Ну, если ты пожогу распашешь и все как надо сделаешь, половина урожая твоя! — отвечает крестьянин.

Медведь сразу за работу принялся и, когда распахал все поле, спросил у крестьянина:

— Что теперь сеять будем?

— Давай разделим поле надвое,— отвечает человек,— одну половину репой засеем, а другую — пшеницей.

Так и сделали. Всходы были хорошие, и, когда осенью все посеянное созрело, привел крестьянин медведя на поле с репой и спросил:

— Ну, что возьмешь, вершки или корешки?

Подумал медведь и говорит:

— Пусть будут мне вершки.

Крестьянин срезал у репы ботву и отдал медведю. Пошли они на пшеничное поле и стали хлеб делить. Говорит медведь:

— Теперь я возьму корешки, а вершки пусть тебе достанутся.

— Что ж, пусть так,— отвечает крестьянин.

Сжал человек хлеб и домой увез, а медведю стерню оставил.

Настала зима, крестьянин репы напарил, пшеничных ко-

лобов напек и пошел медведя звать. Тот пришел к крестьянину в гости, поел печеной репы, колоба попробовал:

— Ты меня обманул! Твоя пища вкусна, а моя нет. Я тебе еще отомщу за твой обман!

МЕДВЕДЬ ПОПАДАЕТ В ЛОВУШКУ И НАЧИНАЕТ С КРЕСТЬЯНИНОМ ТЯЖБУ

Решил медведь крестьянину в отместку покоя не давать и повадился ходить на ржаное поле лакомиться. Заметил крестьянин, что косолапый одной дорогой на поле ходит, поставил на тропе петлю. Следующей ночью пошел медведь той же дорогой и, не ожидая подвоха, попался ногою в петлю. Стал он тут метаться, вырываться из ловушки, и так громко рычал, что пришел на шум крестьянин. Принялся медведь его умолять:

— Отпусти меня, братец, я тебе за это добром отплачу!

— За то, что ты мою рожь травил, следовало бы тебя тут и оставить, пока не подохнешь,— отвечает крестьянин,— но я на старого приятеля долго зла не держу и на этот раз из петли выпущу!

Так и сделал крестьянин, но медведь, как только лапу из петли освободил, сразу же про свое обещание забыл:

— Съем я тебя, подлого! Ты меня и при дележе урожая обманул, а теперь еще и ловушку на меня поставил.

— Не можешь ты меня съесть,— говорит крестьянин,— ты же обещал мне добром за добро отплатить.

— Я-то отплачу,— отвечает медведь,— да только по-другому. Во всем мире за добро злом платят.

— Я с тобой не согласен,— спорит крестьянин.— Пусть нас рассудят — кто прав, а кто виноват.

Медведь не стал упрямиться, и отправились они вместе

судью искать. Вскоре повстречалась им лошадь, спорщики подошли к ней и спрашивают:

— Мы правосудия ищем, возьмешься ли ты нас рассудить?

— Расскажите свое дело,— говорит лошадь,— тогда видно будет, кто из вас прав.

Стал крестьянин рассказывать лошади свою тяжбу с медведем:

— Я этого медведя из петли выпустил, потому что он обещал меня за это отблагодарить, но как только освободил я его, забыл медведь свое обещание и захотел съесть меня, да сказал, что везде в мире за добро злом платят.

— Прав медведь,— сказала, выслушав человека, лошадь,— всегда за добро злом платят. Я вот тридцать лет своему хозяину верно служила, а вчера услышала, как он работнику говорил: «Убей-ка завтра эту старую клячу, все равно от нее никакой пользы уже не будет, одна морока». Значит, и медведь может тебя съесть — такой уж закон в мире, что за добро платят злом.

Не согласился крестьянин с таким приговором и попросил у косолапого позволения другого судью поискать. Медведь перечить не стал, и снова они вместе по лесу пошли. Через некоторое время увидели они старую собаку, подвешенную на сосне.

— Эта собака стара и много повидала,— говорит крестьянин медведю,— давай попросим ее нас рассудить.

— Давай проси,— согласился косолапый, и рассказали они собаке суть своего спора.

Собака, выслушав их рассказ, ответила:

— Медведь прав. Я в молодости ловка была и хозяину своему исправно служила — белок и куниц облаивала, да еще щенков рожала, из которых хорошие лайки выросли, но теперь состарилась я, и повесили меня на дереве подыхать, потому что такой уж в мире закон, что злом за добро платят.

— Не годится такой приговор,— упирается крестьянин,— надо еще третьего судью разыскать.

Медведь и на этот раз согласился, и пошли они последнего судью искать. Идут, бредут по лесу, смотрят — навстречу им лис бежит. Просят его спорщики рассудить:

— Дело у нас такое и такое, разреши, братец, наш спор!

Обещал лис правосудие свершить, а сам шепчет тихонько крестьянину:

— Отдашь ли мне всех своих кур, если будет в твою сторону решение?

— Отдам,— обрадовался человек.

Стал лис о споре подробнее расспрашивать, и рассказал ему крестьянин все по порядку:

— Этот медведь, воруя мою рожь, попался в ловушку, сам вырваться не смог и попросил меня отпустить его, пообещав, что отплатит мне за добро, если я ему помогу. Отпустил я несчастного от чистого сердца, но вероломный медведь, избавившись от петли, забыл про обещание и говорит, что добро злом отплачивается — таков в мире обычай, а потому, мол, съест он меня в награду за доброе дело. Неужто справедливо медведь поступил? Разреши, братец лис, наш спор.

— Ого!— сказал лис.— Дело ваше сложное и запутанное, надо подумать хорошенько.

Велел Микко спорщикам присесть на кочки, сам тоже рядом примостился и, подумав некоторое время, объявил деловито решение:

— Насколько я в вашем сложном деле разобрался, выходишь ты, косолапый, неправым. Но чтобы никакой ошибки в приговоре не было, надо осмотреть то место, где спор возник. Иди, человек, показывай, где медведь твою рожь потравил.

Повел их крестьянин на поле и показал, какой урон

нанес ему медведь. Лис головой покачал и говорит медведю:

— Здорово ты человеку навредил, всем семейством его хлеб ел и топтал!

— Так-то оно так,— отвечает медведь,— но пойдем-ка поглядим теперь, какую погибель мне человек готовил.

Пошли все за медведем, и по пути стал лис снова с пристрастием в дело вникать:

— Ты всегда по одному следу на поле ходил?

— По одному,— отвечает медведь.

— Вот и плохо,— молвил лис,— никто же тебе не велел, мог бы и в другом месте ходить.

Попеняв таким образом медведю, повернулся лис к крестьянину и попросил:

— А ты, человек, расставь свою ловушку, чтобы мне посмотреть, какая она была.

Крестьянин петлю настроил, и, когда все было готово, говорит лис медведю:

— Ну, покажи теперь, как ты здесь проходил.

Медведь шаг сделал и попал лапой в ловушку, да так и застрял.

— Теперь ваше дело в том же виде, как и сначала, а значит, и спор ваш ни к чему. Ты, человек, иди себе домой, а медведя оставь тут,— сказал Микко-плут.

Крестьянин сделал так, как ему лис посоветовал, и весело домой зашагал, сказав лису, чтобы тот приходил за долгом, когда вздумается.

Микко приглашения не забыл и в тот же день под вечер пришел на хутор, да прямиком в курятник направился. Никто его не остановил, но, когда курицы, перепугавшись лиса, стали кудахтать, услышала хозяйка шум и бросилась к курам с поленом в руке. Увидела она лиса и стала его поленом охаживать, по голове колотить. Чуть живой выбрался Микко из курятника:

— Вот что я за суд свой получил! Все же медведь прав был: злом за добро в этом мире платят!

МЫШКА ОСВОБОЖДАЕТ МЕДВЕДЯ ИЗ ЛОВУШКИ

Попав снова в петлю, стал медведь изо всех сил вырываться, но не смог крепкие веревки порвать. Устал косолапый и, не придумав никакого средства от силков избавиться, лег спать. Когда он уснул, собралось вокруг него множество мышей, и стали они играть. От их возни проснулся медведь, поймал одну, которая, заигравшись, ему на нос прыгнула. Мышь за свой поступок извинилась, сказав, что не нарочно это сделала, и пообещала службу медведю сослужить, если он ее отпустит. От этих слов смягчился медведь, отпустил мышку из своих когтей, сказав при этом:

— Ты так мала, и невелика разница, что съем тебя, что отпущу!

Мышка, спрыгнув с медвежьей лапы, собрала в лесу своих товарищей и вернулась с ними к медведю. Стали мыши грызть веревки, чтобы косолапого из ловушки освободить. Хоть зубки у мышей и невеликие, но все же перегрызли они петлю, и оказался медведь наконец на свободе. Сказала ему мышка:

— Ничтожной тварью ты меня посчитал и не поверил, что исполню я обещание, но теперь ты видишь, что и мышка может добром за добро отплатить.

Ничего медведь не ответил и, пристыженный, пошел своими лесными тропами бродить, как и прежде.

РАЗНЫЕ СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

ВОЛК, ЛИСА И ЛЕВ

В далекие времена, когда на земле было еще звериное царство, случилось льву заболеть, и не в силах он был за своими подданными присматривать, чтобы каждый свое дело делал. Лежит лев в постели, хворает, а хитрая лиса тем временем работу бросила и убежала по своим делам в лес. Обидно стало волку, что лиса так поступила — ему и самому хотелось работу оставить да в лес пойти, но не смел он без спросу отлучиться. Пошел он к больному льву и пожаловался на лису:

— Лиса-то, беспутная, работы своей не делает, шляется по ничтожным делам в лесах да болотах!

Лев, услышав такое, сильно разгневался и призвал к себе лису. Спрашивает звериный царь сердито:

— Где это ты без дела носишься, почему работу свою не делаешь?

— Я не по пустякам бегала,— взвизгнула в ответ лиса.— Я больному льву, нашему властелину, лекарство искала!

— Ну и что, нашла? — спрашивает лев, подобрев.

— Пока не нашла, но вот-вот разыщу,— отвечает лиса.— Разговаривала я с пауком, что живет под углом старой риги, и он обещал мне хорошее средство найти.

— Вот и пойди к нему да расспроси хорошенько! Ты, лиса, хитрая, может, и выудишь у паука заветное слово.

Побежала лиса снова по лесам и горам и, набегавшись вдоволь, опять ко льву вернулась.

— Узнала ли средство какое?— спрашивает у нее лев.

— Узнала, ваше величество! — отвечает лиса.

— Ну, и какой же совет тебе паук дал?

— Сказал он,— говорит лиса,— чтобы с волка шкуру содрали и к больному месту приложили,— сразу же властелин поправится.

Что же, лев тут же велел к себе волка привести и шкуру с него содрать. А лиса-плутовка к себе в нору убежала.

ЛИСА И ЗАЯЦ

Однажды встретились в лесу лиса и заяц. Говорит лиса косому:

— Никто тебя не боится!

— А тебя-то кто боится? — отвечает заяц.

— Меня все боятся,— хвастается плутовка,— у меня хвост длинный, издали меня за волка принимают — вот и боятся, а тебя никто не боится.

— Давай спорить,— говорит заяц.— Я тебе докажу, что и меня боятся.

Согласилась лиса, и побились они об заклад. Пошли они вместе кого-нибудь искать. Заметил заяц на лугу стадо овец у изгороди. Прыгнул косой в самую середину стада, овцы перепугались и бросились врассыпную со всех ног. А заяц от радости, что спор выиграл, стал смеяться, и смеялся так сильно, что губа лопнула.

С тех пор у всех зайцев верхняя губа от рождения раздвоенная.

ОБМАНУТЫЙ ВОЛК

Шли как-то по дороге путники и уронили на обочину кусок соленой свинины. Бежал следом волк, нашел на дороге мясо, но, попробовав его, бросил:

— Свеженького хочется.

Тут заметил он на берегу речки свинью с поросятами. Стала свинья волка умолять, говорит ему:

— Не ешь моих детей, дай хоть окрестить их!

— Ладно, крести,— согласился волк.

Свинья с поросятами плюхнулась в реку, да обратно-то и не вернулась, а поплыла прямиком на другой берег. Остался волк слюнки глотать — с той-то стороны ему поросят никак не достать. Пошел волк обратно в лес и встретил там козла. Схватил его серый и говорит:

— Избавлю я тебя от всех бед и горестей этого мира — съем я тебя!

— Погоди, волк, дай мне поле свое проборoздить,— ответил козел,— а потом ешь, если хочешь.

Волк согласился подождать, но козел долго раздумывать не стал, а побежал со всех ног к дому, где стояли во дворе люди. Упустив козла, рассердился волк и отправился дальше добычу искать. Вскоре нашел он кобылу с жеребенком и говорит им:

— Я твоего жеребенка съем, тебе с ним все равно только лишние хлопоты, да и нет у вас разрешения на этих лугах пастись.

— Как же, есть у меня свидетельство от хозяина, не ешь, пока не посмотришь,— ответила кобыла, повернулась к волку задом и так его копытом лягнула, что у того и челюсть сломалась. Полетел волк кувырком в траву, а кобыла с жеребенком убежали от греха подальше.

— Надо же таким дураком быть! — заревел от досады волк.— Ведь не поп я, чтобы поросят крестить, и не земле-

мер, чтобы глядеть, как козел на поле борозды проводит. Да и не ленсман[1], чтобы у кобылы свидетельство проверять!

Вот и вся сказка.

СТАРЫЙ ПЕТУХ

Жил в одном замке старый петух. Такой он был уж немощный, что не стали его больше в замке кормить, и отправился петух по миру искать себе пропитания. Поскитавшись по свету, решил бедняга обратно домой вернуться. Встретилась ему по дороге лиса и спрашивает:

— Куда путь держишь, петушок?

— Домой иду,— отвечает петух,— милостыней не прокормишься.

— Возьми меня с собой,— говорит лиса.

— Не могу я тебя взять,— отвечает петух,— вот если ты блохой обернешься да под крыло мое спрячешься, тогда я тебя возьму.

Превратилась лиса в блоху, петух спрятал ее под своим крылом. Идет он дальше своей дорогой и встречает волка. Говорит петуху серый:

— Куда, петушок, путь держишь?

— Да вот домой иду,— отвечает петух.

— Возьми и меня с собой,— попросил волк.

— А ты обернись блохой да в перьях моих спрячься, я тебя и возьму! — отвечает петух.

Волк превратился в блоху, петух сунул его себе под перья. Идет петух дальше и через какое-то время встречает медведя. Тот тоже просится с петухом в замок. Петух

[1] Ленсман — государственный чиновник, отвечающий за порядок в своей округе.

велел медведю превратиться в блоху и, когда тот так и сделал, сунул его себе под мышку.

Пройдя по дороге еще сколько-то, добрался наконец петух до своего прежнего дома и стал петь во дворе замка:

— Кукареку, кукареку!
В золотом петух шеломе,
Нет такого у владыки,
Хоть прогнал меня из дому!

Рассердился на петуха хозяин замка и велел своим работникам убить его. Пожалел батрак петуха за его красивые песни и сказал хозяину, что не по нем такая работа и не станет он петуха убивать.

— Ну, тогда отнеси его в конюшню к злым жеребцам, уж они-то его затопчут насмерть,— решил хозяин.

Отнесли петуха в конюшню, и, когда жеребцы стали его топтать, сказал петух тихонько:

— Выходи, медведь, из-под мышки, ешь-наедайся, а остальных задери!

Медведь, блохой сидевший у петуха под мышкой, тут же вылез, наелся досыта, а остальных лошадей задрал. Пришли на другой день работники в конюшню, и сам хозяин с ними пожаловал взглянуть, как жеребцы петуха затоптали,— а тот жив-здоров, да еще и поет, как прежде:

— Кукареку, кукареку!
В золотом петух шеломе,
Нет такого у владыки,
Хоть прогнал меня из дому!

Было в замке двенадцать злых и сильных быков, и говорит хозяин батракам:

— Выпускайте быков, пусть они петуха забодают, может, хоть они с ним справятся — надоели мне его бесстыжие песни.

Выпустили быков, но едва они на петуха бросились, как тот выпустил из-под перьев блоху, обернулась блоха

волком, волк на быков кинулся, всех задрал и наелся до отвала. А петух опять поет как ни в чем не бывало:

— Кукареку, кукареку!
В золотом петух шеломе,
Нет такого у владыки,
Хоть прогнал меня из дому!

Услыхал это хозяин и сказал слугам:

— Есть у нас двенадцать сердитых баранов, отнесите-ка петуха к ним в хлев, может, он хоть там кукарекать перестанет!

Ну что ж, отнесли петуха в хлев и оставили с баранами. Те набросились на него, и ну бодать, да петух знал, что делать, выпустил из-под крыла блоху, та лисой обернулась, перегрызла лиса баранов и поела свежего мяса, сколько хотела.

Пришли наутро на петуха взглянуть, что там с ним сделалось, а тот жив-здоров и снова песни поет. Узнав об этом, хозяин не на шутку разгневался и закричал:

— Чего бы то ни стоило, а надо этого петуха жизни лишить!

Пошел хозяин сам в хлев, думая своими руками петуха убить. Поймал он петуха и свернул тому шею, но перед смертью молвил петух хозяину:

— Не избавишься ты от меня с моей смертью. Еще раз придется тебе мой голос услышать, да после этого и сам ты недолго проживешь.

Услыхав такое пророчество, задумался хозяин замка: «Он еще грозит мне! Вот съем его, так небось тогда кукарекать перестанет».

Решил хозяин пир устроить, созвал всех окрестных господ в гости и приготовил из петуха жаркое.

— Много ты мне хлопот причинил, но теперь уж тебе больше не кукарекать! — сказал хозяин.

Едва он кусок проглотил, как в тот же миг высунул петух голову из его рта и запел, как и прежде:

— Кукареку, кукареку!
В золотом петух шеломе,
Нет такого у владыки,
Хоть прогнал меня из дому!

Услыхав такое, всполошились гости и даже к угощению не притронулись. Наконец, оправившись от испуга, крикнул хозяин своим слугам:

— Возьмите топор и, когда петух снова свою голову из моего рта высунет, рубите его!

Слуги сделали, как было велено, и едва петух голову изо рта хозяина высунул, ударили топором что было силы. Но петух-то успел голову обратно втянуть, и раскроил топор голову хозяина.

Так помер владелец замка. Сбылось пророчество петуха.

СОДЕРЖАНИЕ

В мире сказки 3
Сватовство кузнеца Илмаринена 16
Липпо и Тапио 22
Микко Метсолайнен 26
Золотой корабль 35
Ту́хкимо 42
Чудесная береза 51
Три сестры 61
Девушка на серебряной цепи 65
Девять золотых сыновей 76
Девушка в королевском саду 89
Сестра ищет братьев 97
Беглецы 106
Чудесная свирель 117
Бесова музыка 128
Ольховая Чурка, или Синий крест 134
Лиса-сваха 154
Незнамо что 162
Говорящие ели 173
Невеста-мышь 177
Антти Сучо́к 182
Небесный барашек 195
Правда и ложь 199
Тяжелый ларец 208
Сводные сестры 215
Волшебное снадобье 221
Расточительный король 228
Хелли и горный тролль 238
Подарки Хийси 244
Наследство трех братьев 252
О крестьянине, у которого была глупая жена 260
Король и крестьянский сын 268
Четыре вопроса 272
Болтливая старуха 275
Упрямая жена 277

Приключения медведя, волка и лиса

Горностай везет мертвого старика 280
Лис и волк сообща возделывают поле 282
Волк и лис отправляются на охоту 285

Как лис покойницу оплакивал 287
Лис находит себе слугу 290
Медведь и волк хотят посмотреть на удивительного слугу лиса 291
Волк в гостях у собаки 294
Волк боится быть съеденным козой и бараном 296
Волк и лис убирают урожай и берут медведя в долю . . 298
Медведь, волк и лис варят кашу 299
Лис нанимается в няньки к волку 301
Лис заставляет медведя выпустить из пасти тетерева . . 304
Медведь с крестьянином вместе возделывают поле . . 305
Медведь попадает в ловушку и начинает с крестьянином тяжбу 306
Мышка освобождает медведя из ловушки 311

Разные сказки о животных

Волк, лиса и лев 312
Лиса и заяц 313
Обманутый волк 314
Старый петух 315

Литературно-художественное издание

СКАЗКИ ЭРО САЛМЕЛАЙНЕНА

Сборник карельских и финских сказок

Составитель Конкка Унелма Семеновна

Редактор *Т. В. Мирзоян*
Художники *Э. Н. Дробицкий, И. Б. Горская*
Художественный редактор *О. Г. Червецова*
Технический редактор *В. С. Никифорова*
Корректоры *В. Н. Лыкова, Т. Г. Люборец*

ИБ № 5441

Сдано в набор 03.04.89. Подписано в печать 04.12.89. Формат 70×108¹/₃₂. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. кр.-отт. 45,15. Усл. п. л. 14. Уч.-изд. л. 15. Тираж 50 000 (1-й завод 1 -25 000). Заказ 69. Цена 3 руб.

Издательство «Современник»
Министерство печати и массовой информации РСФСР и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62
Министерство печати и массовой информации РСФСР.
Полиграфическое производственное предприятие «Офсет» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Волгоградского облисполкома.
400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.

Цена 3 руб.